



смена

№ 19 ОКТЯБРЬ 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА



дом для
школьников

СИНОНИМ КУЛЬТУРЫ

— А теперь замрите на минутку, — сказал мне Пискарев. — И слушайте. Ногами слушайте.

Пискруг нас гудели многочисленные станки — токарные, шлифовальные, они густо соседствовали друг с другом, шум их смешивался в то, что иногда называли «шумом мастерской». Среди этого громкого сухого призыва слух не музакант, а спасенного станочника или наладчика мог бы выдаться из него голос своего профанного. Вначале и слышал только этот хор стаканов, слитый в многообразный гул, потом почувствовалася, как вдастывают под ногами массивные плиты. Посмотрел на Пискарева, согнувшись так же, как он, коснулся ладонью каменного пола, на мгновение приступил себя вражему, и вспомнил, что и это тоже услышал первый раз вчера: тук-тук, тук-тук.

Однажды в Таджикстане я почувствовалася, как вдастывают под ногами земля, только был настолько неожиданным и необычайным, что я даже не подумал о замерзании, пока мой попугай, опытный геолог, не произнес это слово. Чем-то похожие на тот давний, памирский, такие же даджине, нещадные и беспощадные, были и здесь, но смысла в них никакого, как не замечают их многие в первом цехе мелких серий, если бы не наладчик Николай Иванович Пискарев. Ему эти мизерометрии давно поков не дают, много они ему крови попортили. Справедливости ради надо сказать, что и сам Пискарев из-за этих толчков кое-кому до сих пор «крошки портят», и, как он признается, «это нормально». Но наладчик, как наладчик, умеет извлечь из любой поломки изъян, извлечь из любой катастрофы полезный участок от расположенных вблизи прессов, где и рождаются такие «землерессы». Даже план изоляции предложил наладчик, с расчетами, с чертежиком самодельным. План признали, признали рационализаторским предложением, и визиратрение выдали, но пока все осталось по-прежнему.

На наш участок без конца приезжают делегации рабочих из других цехов, из других заводов, удивляясь. Еще бы не удивляться: во стырых латвийских-перелатных станках, переоборудованных заводскими умельцами так, что от первоначальных машин осталось только название, шлифовщики добиваются девятого класса чистоты, выдают самую высококачественную продукцию в отрасли.

А отсюда им и почеты и надбавки к зарплате. Пискарев им, как наладчик, естественно, тоже. Чем же он лучше остальных наладчиков?

— Даже на этих станках мы можем бы добиться еще более высокого качества.

Николай Иванович мечтает достичь высшего класса чистоты. Впрочем, насколько я его понял, это относится не только к чистоте стальных бочкообразных роликов, но касается всего, за что берется этот человек. Поэтому и те и толки, которые во все же ногам слышат, отдаются ему приветом.

У Пискарева три станка. Они составляют маленькую полув автоматическую линию. Связывают их тоненькие конверьеры, по которым от станка к станку мчатся ролики, становясь после каждой операции еще чище и чище. Николай Иванович водил меня вдоль этой линии, обяснял назначение каждого станка, и показывал на салатовые бока, как добрые наездники ложатся под колеса.

— Вот от этих «рысаков» и зависит качество продукции.

— По-моему, дело не только в станках. Скорее

всего в качестве продукции «новичек» становочник, человек. Все зависит от его квалификации.

— Мы с вами в крайности удираемся, но «шалом» гуляем, а повышение качества продукции — проблема конкретного завода. И в этом нет ничего удивительного, это мелочи. Все здесь глашати и обозрудование, и квалификация рабочих, и строгое соблюдение технологии, и ритмичность производства. Станок не наладен, как следует — брак. Вышел токарь с похмелья — добрократ, половина продукции выпускается в третий десяток — разве до качества там! Штурмовщики, естественно, учатся, но для этого надо учиться, разрабатывать технологии и для каждого человека, и для самого предприятия, и для общества в целом.

Качество продукции, как видите, неразрывно связано с ритмичностью работы предприятия, уровнем организации труда и управления. Без высокой культуры производства настоящего качества добиться невозможно.

— Был я как-то на одном уральском заводе, где на горячей обработке металлов работал наладчик кулачками, даже доска мраморная висела на заводе управлении и изменила об этом, но славились это «высококультурное» предприятие штурмовицкой, браком, текучестью кадров.

— Может быть, на том заводе в цехах хоть чисто было? Бывает, что подменяют понятия. Выметнуло и уж кричат о своей культуре.

— И у вас к чистоте относятся ревностно.

— Да, конечно, чистота — это залог успеха. Насорил волна станка, так и «внагород» может. И чистота никаких ходят, осматривают, и комсомольцы-проекторы свои проверки устраивают. Одного моего знакомого, он тоже наладчик, недавно даже во производственном постоянно действующем совещании высыпал за то, что станки не убранны. Высыпал оттуда как из бани, красивы и чисты, но без обиды — понимаете: сан: не убранные, не чистые.

— И вот наладчик, который не чист, это еще не вся культура. В понятие «культура производства» входит масса слагаемых: уровень техники и технологии, состояние технологической и трудовой дисциплины, условия труда и научная организация его, степень квалификации рабочих и инженеров, их сознательность и ответственность за свое дело и дело своего коллектива. Правда говорил Ленин Ильин Брест, что он не чисто рабочий, а рабочий — это отношений между людьми. Я не дословно цитирую, но мылья ткацкая и прядильная очень, у него была. У нас на заводе идет соревнование за звание участков высокого качества. Тут, естественно, и качество отвешивания между людьми учитывается.

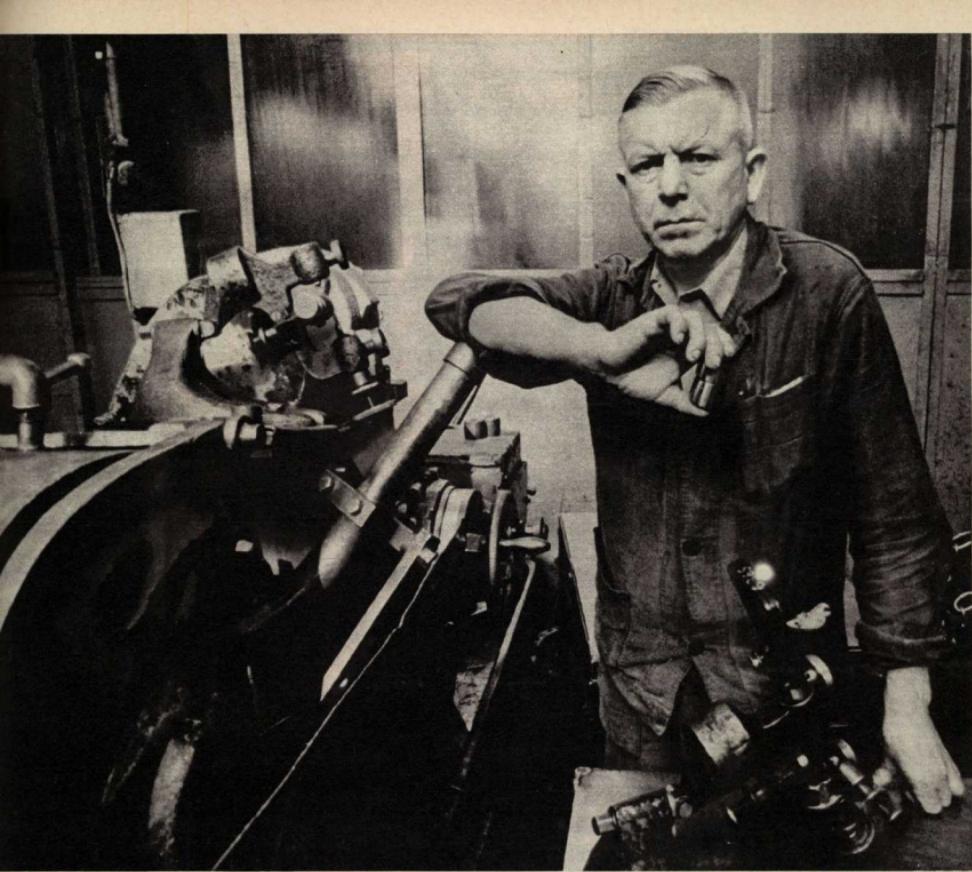
— Участок высокой культуры — и участок высокого качества. В чем же разница в этом мнении?

— Честно говоря, различия в них нет. По-моему, это один и тот же понятие культуры. В том числе и культуры труда. Я иногда думаю, что надо было сохранить для заводского музея ту вилку, которой раньше, шлифовщики поддавали ролик подшипника к абразивному кругу. Трудная была работа и опасна. Чуть ошибися или рука дрогнула — и ролик, словно пуль, выбрасывал. Очень бы наградили тем, кто научился делать это вручную. А было время, и нам кое-кто не верил. Когда на заводе запустили первый в мире цех-автомат по производству подшипников, за рубежом

С наладчиком
Первого государственного
подшипникового завода
Николаем Ивановичем
ПИСКАРЕВЫМ
беседует
специальный корреспондент
«Смены»
Анатолий БАРАНОВ

называли его выставочным экспонатом. Но пех работал, да еще как! Он стал такой же веериной в производстве, как и в самолетостроении, когда был «ТУ-104» в самолетостроении. И не случайно в списке первых лауреатов Ленинского премия стоят рядом имени Туполова и нашего директора Громова. А вслед за цехом-автоматом родился второй, третий, появились сотни автоматических поточных линий. И сейчас наше производство с каждым днем совершенствуется, и каждый цех, который имеется, он требует постоянного обновления и совершенствования оборудования. Вот и моя станки лет пятнадцать назад, после реконструкции нашего цеха, казались мне совершенными, но время идет, оно предъявляет рабочим все новые и новые требования. Мы, естественно, такие же требований техники адресуем. Обещаем вскоре и мои станки заменить, тогда, пожалуй, и участок от пресса изольуются.

Николай Иванович достает из кармана томеник, разворачивает, вытирает из него металлическую палочку, поклоняю на широкую руку. На конце действительно, как у ручки, крохотный шарик — осколок алмаза. Пискарев замахивает разом правые и левые руками, прислушивается к ровному гудению станка, перебирает различные проруби. Пальцы у него тонкие, смуглые, костистые, или, точнее, аристократические, вымытые. Удивительной привлекательности — наладчик, в тих органически сочетающиеся элементы труда: становщик, мастер, контролер ОТК, она располагается на стыке умственного и физического труда, и от первого в ней гораздо больше, чем от второго.



На фронт я пашком ушел, после демобилизации только и умел, что из пушки стрелять, а специальности никакой нет. Помню, пришел на завод, спрашивали меня: «Кем был на фронте?» «Наводчиком». «Ну, будешь наладчиком». А мне тогда все равно было, зато сейчас свою работу ни за что не променяю.

Для Николая Ивановича, кажется, нет уже тайны в родной профессии: он постиг ее сущность вроде бы до мельчайших подробностей и мастерство знает лучше его самого. Работа теперь не требует от него особых усилий, движение у него отточенные, доведенные до автоматизма, и это, несомненно, как дыхание. Именно так он и работает, какышт,— легко и свободно.

Учился я, как и большинство моих спартиков, прямо в цехе, на своем рабочем месте. Потом, конечно: мало этого,— записался на курсы повышения квалификации, а позднее даже на курсы контролеров ходы. Если хочешь давать высококачественную продукцию, надо знать требования, которые к ней предъявляют. Самые жесткие, требовательные.

Эти «самые жесткие» он предъявляет и к себе, и не только в профессиональном смысле. Недаром же его неоднократно избирали в местный комитет партии, в партийное бюро. Он и сейчас, уже пятый год подряд, возглавляет партийную группу на своем участке.

Три года назад партийная группа роликопромышленного участка через многотиражную газету обратилась ко всем труженикам завода с призывом бороться за высококачественную продукцию

на каждом рабочем месте. Инициативу комсомольцев подхватили тысячи рабочих, техников, инженеров. На заводе появились «школы качества», во всех цехах регулярно проводятся «дни качества», комсомольцы учредили свои «посты качества»...

Выступая на XVII съезде комсомола, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильин Брежнев говорил: «...все наши усилия не дают желаемого результата, если мы серьезно не поднимем производство во всех цехах нашего хозяйства, на каждом рабочем месте».

На Первом подшипниковом корабле понимают значение качества, понимают, что зависит оно не от ускользающих передовых, а от тысячательной работы всех участков, связанных между собой единой технологией.

На станках, которые обслуживает Пискарев, шлифуется бочкаобразный ролик. Каждый ролик должен быть точно выдержан по границам: радиусу, размерам и т. д. Каждый ролик проверяется на специальном приборе, если в смену только Пискарев сласт на нем четыреста роликов.

Рядом со станиной Николая Ивановича стоит торчат автоматами. Они режут из стального прутка заготовку ролика. Если там что-нибудь слыхнуло, Пискарев может на шлифовке брак токарей устранить, а его ошибки исправлять некому: от него ролики идут прямо на сборку. Представьте, малейшая неточность в работе Пискарева — и проходит труд многих и многих людей. Вот такова мера ответственности наладчика, и помнит он об этом ежеминутно.

И не он один. По «Методу доверия» (какое прекрасное название!) каждого рабочего, токаря, и расширяют его до присоединения на заводе работают около 750 человек. По системе бездефектного изготовления продукции трудаются около семи тысяч рабочих. Мне кажется главной здесь именно система, само это слово свидетельствует о том, что на заводе ищут именно системный подход к улучшению качества подшипников, и вовсе не случайно с началом пятилетки действует на заводе еще одна система — система внутризаводской аттестации. Уже около шестистот изделий различных заводов прошли аттестацию, некоторые из них сейчас выдаются на консультацию Государственного Знака качества. Кстати, ни на одном предприятии не доводилось мне встречать сразу столько «именитых» изделий — 75 различных подшипников, созданных на ГПЗ-1, удостоены высшего Знака качества.

В записной книжке парторгуптора Пискарева слово «качество» встречается на каждой странице. Оно является целью смотрю технического творчества, причиной различных проверок повесткой дня, конференций, профсоюзных и комсомольских собраний.

На счету наладчика Пискарева несколько рационализаторских предложений.

— Все это величья, — маxина он рукой, когда я все это расскажу о них подробнее.

Предложения у него действительно не громкие и миллионы не обещают. Может быть, все вместе они и принесут экономический эффект тысяч в десять, но главное вовсе не в деньгах. Мне

Гюнтер КУНЕРТ

РАСШИФРОВКА ТЕНЕЙ

Для уменившего читать буквы, что вовсе не буквы: обобщенный кирпич под крышей, крепь, облупленная еще бетоной, блоки вздыбленного бетона.

и тени рассеята с поправкой на тени заката в строках домов, между которыми запись всех истин.



бы хотелось показать, как рождались эти предложений и в самом их факте увидеть систему (опять система!) рационализаторской работы на заводе.

На одном из профсоюзных собраний рабочие заговорили о простое шлифовальных станков, о недостатках в их конструкции. Человек двадцать высказалось, говорили не только о недостатках, но и о возможностях их исправления. Тогда же, на собрании, образовалась комиссия, в которую вошли заместитель начальника цеха, начальник своего мастерства, инженеры, старшие мастера, мастера, наладчики, становившиеся на следующий день члены комиссии, собравшись на свое первое заседание, прежде всего внимательно прочитали стенограмму собрания, и оказалось, что только и дела у них — рассмотреть предложения рабочих, отобрать лучшие, суммировать.

Через два месяца у станков появились специальные приставки, и с тех пор на рабочих в работе пламенило желание улучшить производство.

Вечером — изобретатель — напечатал, обумбах, предложил — по-прежнему остается главным, но на заводе научились планировать не только качество, но и творчество. Ежегодно проводятся заводские конференции новаторов производства. Цель конференций — отнюдь не подведение итогов сделанного, а скорее определение кардинальных задач на ближайшее будущее.

Время от времени рабочие в цехах раздают анкеты: «Что вы хотели бы изменить в производственном производстве?». В чем видите недостатки своего станка? «Ваше предложение по улучшению организации труда» и т. д. Последний такой опрос рабочих первого цеха мелких серий, где работает Пинкерс, принес 343 предложения! Каждый из них внимательно рассмотрел и большинство

системы принятия.

— Рационализация для большинства наших рабочих и инженеров стала нормой, любовью, потребностью изменять условия труда, улучшать производительность, добиться лучшего качества продукции.

Видим в печах «стеммы»? — Это большие конторские тетради, куда рабочие постоянно заносят свои пожелания и замечания. Попробуйте переписать такую тетрадь, и окажется, что записи, исчезающие в ее страницах, — это списки «узких мест» производства, расширяться которых и предстоит работе рационализаторов. Конечно, из них можно выбрать в «стеммы» себе дело по душе и силам.

— Рационализаторы, насколько я понимаю, тоже сорвигаются под мебелью. И в этом современном главный показатель — сумма экономического эффекта, полученная от внедрения предложений. Тот, кто в своих поисках все внимание со-

Петер ХАКС

В ЭПОХУ ЛЕССИНГА

В эпоху Лессинга правили Пруссия Некий Фридрих. Меттерних был Политиком времен байронизма. При Мольере весьма превозносили Людовика, одного из 15-ти. Словно сельдьей, Людовиков,

а Мольер один.

Кто поверит, будто подчиненный чиновника, Екатерине, Почувствовал здравомысленного Радищева? Ойген Вюртембергский стяжал себе некий

Почет проследованием Шиллера и Шуберта.

Елизавета Английская вряд ли скончалась Девственницей, как сама себя

вспомнила, а им Ее дошло и до нас благодаря лишь Некоторым сочинителям, тоже из Англии.

На пути Брехта сменилось 13 канцлеров.

Курт БАРЧ



КЛОУН

Вот клоун рисует карандашом, стоит он грустно на одной ноге, где нога другая, не находит.

Он плачет, растягивает и, наконец, из-под пытливых глаз выскальзывает нога, иконье боязни от нашего велосипеда.

Иоганнес БОБРОВСКИЙ

СТЕЛЬ

Чье-то пение в сумерках. Всюду тишина, равнинами, безлесье, в порогах низкой вспыхивает песок, темные тучи плывут, месяц не сходит с них. Облачном возле воды стадо. Гонят его пастух с песней. Отлик песни в окне.

Как же быть мне дальше, деревни! Вдали я привык видеть в небе яично текущий блеск. Детское пение слышу, голос пастуший, светлы взор пастуха, в струе один из проселков, живые поздзи.

Рисунок Владимира СУХУМОВА

средоточивается на повышении качества продукции, в том соревновании, как правило, не выдается. Поэтому, мне кажется, в основном энергия и инициатива рационализаторов направлена на поиски путей экономии материалов и сырья.

— В общем, это действительно так. Может быть, потому, что экономический эффект от улучшения качества продукции подсчитать труднее, чем экономию электроэнергии или металла. К тому же этот эффект проявляется не сразу, потребуется время, чтобы оценить его. И все же почти всегда, когда ведется земледелие, путь даже косвенного, влечет на качество заводской продукции. Так, у нас на заводе не знал Пауль Дмитриевич Батырева. Он электрик и одновременно руководит творческой бригадой, в которую входит и конструкторы и технологи. А rationaлизатором Батырева стал неожиданно даже для самого себя. Жена его работала контролером ОТК, возглавляемым Альфредом Гофманом. Увидев, что в бригаде предполагалось производить, практически не рассматривать и измерять около пяти тысяч различных — большие, чем производят вся моя линия. Богатырец часто заходил к жене, присматривался к работе других контролеров, и тогда-то и него и зародилась идея первого контролерского автомата. Рассказал о нем мастеру начальника участка. А если на ту же линию придет, к примеру, райдовая бригада «Комсомольского проектора», в составе которой обязательно есть технолог, то общественные контролеры, обнаружив брак, распакуют инвентарное особенено, не погрешают, а поставляют браком. И вместе они и разрабатывают первый автомат, сидят за машину, и машина чисто и просто, освобождая рабочего от ручной операции. Им дают вклады в металл, сами кроят сталь, варили ее, красили, собирали электромеханическую «чиновку». Автомат заработал и привес эмблему «Золотой якорь». За первым последовали второй, третий. И каждый новый был сложнее предыдущего.

Сейчас на них работают 258 сортiroвочных и 97 контрольных автоматов. Они проверяют 95 процентов всех шлангов и роликов и заменяют 2 500 кондукторов. И большинство этих машин создано самими рабочими.

Автомат в отличие от человека никогда не устает и браконьера деталь никогда не пропускает. — Все же брак есть. Я сам видел бракованые колоды на стендах «Комсомольского проектора».

— Приняйтесь, хорошая идея — бракованная деталь на стенде нагадывает сатирической газете идет бракодела сильнее самодельных «громыек» стеклянных бутылок, как и бракодела, еще, конечно, встречаются.

Рабочий изготавливает деталь, а контролер заметил в ней дефект и возвратил ее рабочему на переделку, если переделка еще возможна. У нас такой возврат называют «чиновником», может быть, потому, что в графике по бездефектному изгото-

влению продукции возврат деталей отмечается синим цветом. «Чиновка» эта весьма болезненна: они были рабочего по совести и по карману. Только за бездефектную работу у нас премия до тридцати рублей в месяц набегает. А кому их хочется терять? Вот и стараются рабочие. Правда, на одном желании далеко не уедешь. Нужно еще и знания. Поэтому тысячи наших рабочих постоянно повышают свою квалификацию. Система подготовки кадров у нас налажена: вреде бы не пахло по крайней мере ее коникуют и на других заводах.

Насколько я знаю, контролер — одна из самых распространенных профессий на нашем заводе. Контролеров много, и все же в каждом цехе, почти на всех участках, у нас созданы общественные «посты качества». Не дублируют ли они работу ОТК?

— В какой-то степени да: контролер — это контроль качества, рабочий — это рабочий. Работает ли рабочий под контролем, в если он замечает брак, отмечает его в своем журнале, сообщает о нем мастеру или начальнику участка. А если на ту же линию придет, к примеру, райдовая бригада «Комсомольского проектора», в составе которой обязательно есть технолог, то общественные контролеры, обнаружив брак, распакуют инвентарное особенено, не погрешают, а поставляют браком. И задача «постов качества» не блескнуть в их методах, а показать медицинское здравие, то хирургическое вмешательство, а профилактику. На базе этих постов зачастую создаются и творческие бригады рационализаторов для решения той или иной проблемы. Так, например, молодые рационализаторы в радиокондиционировании цехе переселили ставни на жесткие окна. Это сказало ягоди «зверевас», а сказали, что это было лучше, чем методика, а профилактика. На базе этих постов зачастую создаются и творческие бригады рационализаторов для решения той или иной проблемы. Так, например, молодые рационализаторы в радиокондиционировании цехе переселили ставни на жесткие окна.

Общественные «посты качества» ведут у нас громадную работу.

— Но в таком важном, принципиальном государственном деле, как качество продукции, нельзя полагаться только на общественные посты.

— Согласен, полностью вернемся к тему рабочего. Общественные посты, на мой взгляд, не должны заниматься смысла этого плача. Те, которые создают рабочим задание, должны заниматься качеством.

— Что это за плач?

— Так у нас называют иногда Бюро координации работ по повышению качества продукции. Служба эта новая, первенец в нашей отрасли. Как

Хайнц КАЛАУ



ЭРМИТАЖ

Среди всех этих разных лиц,
написанных старинными мастерами,
не найдется ни одного,
не встретившегося в моей жизни.
Так юн еще наш мир,
и так велики были
старинные мастера.

Перевод с немецкого
Вячеслав КУПРИЯНОВ

и положено настоящему боевому штабу, Бюро планирует институциональные действия в всех направлениях, вырабатывает долгосрочную стратегию и тактику действия, координирует усилия всех заводских служб, цехов и отделов, планирует качество.

Но планировать можно только тогда, когда имеешь объективную картину работы цехов, знаешь, когда и какое оборудование заменят более совершенным, как изменится технология производства, что и каким новым изделием... Сложное это дело — планировать как можно раньше.

Было легко и шаг не понадобился бы. А Евро действительно, прошло члены коллегии, проводят тщательный анализ уровня качества в каждом цеху, изучает возможности, учитывает предстоящие изменения и уже на этой, как и во всем, научной основе составляют план — задание цеху.

В общем, тут все на математике держится, а я, признаться, в этой не силен. Но твердо знаю, что название «качество» изделия не только экономическая, но и социальная категория, потому что зависит от оборудования, от контрольно-измерительных приборов и инструмента, от клавиозных и схем, но главным образом — от людей, от их отношения к своей работе.

В конечном счете качество изделия зависит от добросовестности, ответственности, товарищества.

Воспитать в себе высокотехническое отношение к делу не просто. Особенно если работа, как у нас, это не просто монотонная, повторяющаяся из смены в смену в смешу.

И правда, порой легче сделать сложную деталь, чем издир в день контролировать изготовление похожих друг на друга роликов. Но надо видеть смысл в любой работе, которую ты делаешь, и даже не самую интересную выполнить точно и четко, понимая в полной мере свою ответственность перед всем современным производством.

Сейчас по радиорубрикам выключают — замолкают ставки, и в это же время тишина прохладной железом, настороженная на звуки в звуковых нождахания, она притягивает к земле. Пискарев садится на коленях студ, раскрывает тетрадь, вписывает туда очередные строчки, подводит итоги. Получается вроде нечто: почти четыре тысячи роликов при норме 2950. Он долго сидит над тетрадью, шевелит губами, пытается высчитать, сколько выработки. И хотя эти проценты заслуживают науки и расчетов, — самим чутком Барометре цеховой жизни, ему хочется знать эту цифру уже сегодня, сейчас. Потому как что бы там ни говорили о скромности Пискарева, а хочется ему все же быть первым. Вполне законченное желание, человеческое.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 19 [113]

ОКТЯБРЬ
1974



НАША ОБЛОЖКА:
ЗДЕСЬ ОТДЫХАЮТ
«ИКАРУСЫ»

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ФОТОЧЕРК
«ЗАПАС ПРОЧНОСТИ»
НА СТР. 12-15

4
ЛОГИКА ЕГО ЖИЗНИ.
К 25-летию ГДР.

16
МУЗЕЙ ПРИРОДЫ.
Репортаж из Костромы.

18
КРУГОЗОР
СОВРЕМЕННИКА.
Беседа
с народным артистом
СССР В. В. МЕРКУРЬЕВЫМ.

24
СИЛУЭТЫ:
Михаил Васильевич
ЛОМОНОСОВ.



В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ПУТЬ В КОРИФЕИ,
ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ
ИЗ ЖИЗНИ ТОКАРЯ
ВЛАДИМИРА СКОЛЬНОВА

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ»:
НЕФΤЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ.
ВОЗДУШНЫЕ ИЗВОЗЧИКИ

МОСКВА ПРИГЛАШАЕТ ОЛИМПИАДУ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

ФЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Купешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. Б. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Ромдествянский, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семёнов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Д. Н. Филиппов

Художники О. С. Теслер

Технический редактор З. В. Подкопкина

K 25-летию со дня празднования ГДР

Алексей ГРИГОРЬЕВ,
корр. ТАСС в ГДР —
специально для «Смены»;
фото агентства «Центральбильд» [ГДР]



ВСТРЕЧА ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК СЕПТ ЭРИХА ХОННЕКЕРА В КЛУБЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА ВСЕМИРНОМ ФЕСТИВАЛЕ МОЛОДЕЖИ В БЕРЛИНЕ. СПРАВА — ВОЛЬФГАНГ ШМИДТ.



ЛЮГИКА Е

Мой отец не потерял свое лицо во время войны. Он был участником рабочего движения с 1908 года, и нацистам не удалось сломить его коммунистических убеждений...»

«22 апреля 1945 года была чудесная погода, но наша семья весь день просидела в подвале маленько-го дома в берлинском районе Мальцдорф, потому что сильно стреляла артиллерия, и венцы висели на деревьях. Всюду посыпалась пыль по асфальту. Папин брат выслушал из-за двери и увидел красноармейца. Тот насторожился и поднял автомат, а мой дядя так испугался, что чуть не свалился с лестницы. А советский солдат рассмеялся, помахал нам, сказал что-то непонятное и пошел дальше. И тогда мы поняли, что война кончается...»

«В декабре 1945 года я стал студентом Берлинского университета. Я учился ленинскую идею, услышавшую тогда весну следующего года: до того времени надо было разбрасывать развалины университета и строить его заново. Мы, студенты, работали на этой стройке и одновременно создавали свою си-небузову молодежную организацию — ССНМ...»

«Когда я сказала отцу, что мне предложили поехать в СССР для занятий в аспирантуре, он отвечал, что это событие определяет всю мою жизнь. Тогда я сказала: «Нет!»

Слушая Вольфганга Шмидта, я все время ловила себя на мысли о том, что жизнь этого человека пронизывается удивительной ясной логикой. Дедо не в том, что он математик по профессии. Логика абстрактного мышления далеко не всегда подразумевает логику чувств и поступков, смилитий и антиподий, логику жизненного пути. Дед же все именно так.

И вот я с первых минут нашей в общем-то совершенно случайной встречи с Вольфгангом Шмидтом я поняла, что история этого человека по-настоящему символична для гражданина социалистического Германии, празднующий в седьмой день октября нынешнего года свою главную 25-летие.

Доцент Высшей экономической школы в Берлине Вольфганг Шмидт на 21 год старше своей рабоче-классистической республики. И с полным основанием пишут: «своей республики», — ибо даже в мальчишеские годы, когда вокруг него гремели барабанные речи и барабанный бой нацизма, он думал о справедливости и мире на свой родине, ибо его руки, сердце и разум были отданы

строительству новой Германии, как только Советской Армии покорила фашизм.

В ГДР таких людей называют «активистами первого часа». До сих пор Вольфганг Шмидт бережно хранил билет члена Национального комитета «Свободная Германия», датированный апрелем 45-го. В ноябре того же года он вступил в ряды КПГ, а через две месяца — вступил вшийся тогда Союз молодежи коммунистической молодежи.

Мне пришлось спрашивать о том, откуда бывает то, что неизрекаемость и уверенность, почему в жизни подростка на рабочего квартала Берлина был этот стальной стерпень. Вольфганг сам мне сказал об этом уже во второй или третьей фразе.

ОТЕЦ И СЫН

«Характерно для моего папы, что он все время воспитывал меня против фашизма, против войны, за мир во всем мире. Когда я был мальчиком, я хотел всегда играть в солдаты. Но папа этого всегда не хотел. Он усаживал меня на колени и раскрывал книгу, называемую коммунистами Ремарка «На Западном фронте без перемен». Я до сих пор помню одну такую картинку, где солдат несет своего тяжелораненного товарища с фронта. И у меня никогда не было никакого желания возвращаться за какую-нибудь фашистскую или милитаристскую систему...»

Надо представить себе то страшно тяжелое время в Германии и мыслы Бруно Шмидта, обойдичика на большом берлинском заводе, рабочего-коммуниста с состоятельными родителями. Его партия устами Эрнста Тельмана говорила немецкому народу эту ровную правду: «Гитлер — это вояка! Его партия искусственно сражалась против наглышевки и нацистской силы коринчевой чумы, теряя лучших товарищей в скватах не только с фашистами, но и с полицией Веймарской республики, которая всегда в таких случаях преследовала «за беспорядки лишь коммунистов».

И вот Бруно, сгорячился, обогнав отчаяния Бруно и его товарищ, вернувшись домой с районного избирательного участка в 1933 году, когда уже Гитлер был провозглашен канцлером и в стране в последний раз разыгрывалась комедия так называемых «свободных» выборов. Из 500 избирателей на том участке лишь 20 решились засечернуть в бюллетенях фамилии нацистских кандидатов: страх перед «варфоломеевскими

ночами» фашизма, наивная вера в послы Гитлера дать каждой достойную работу делали свое дело.

И надо, наконец, представить себе мужество таких немецких коммунистов, как Бруно Шмидт, которые не боялись сидеть в тюрьме, проводить патриотические собрания и платить партийные взносы, которые собирали силы для подпольного антифашистского Сопротивления, но и в открытую не склоняли головы перед бушевавшей в Германии нацистской историей. Например, Бруно Шмидт наотрез отказался завести у себя в доме фашистский флаг, положенный к вывесиванию во время вслических торжеств. Когда в дом явился представитель «Красного креста», ходивший с тем, что впереди у него нет денег на покупку такого флага, и, в оторвав, он был ранен в первую мировую войну и, таким образом, «достаточно послужил родине» («Такая демагогия ему вначале очень помогала...» — улыбается Вольфганг). В 1938 году, когда подобное поведение уже грозило концлагерем, Бруно Шмидт демонстративно купил за 40 пфеннигов флагок размером с листок из бумаги, прибил его к фасаду своего дома и подозвал телохранителя над дверью, что это естественно, что требовалось. Районный фашистский начальник скривил зубами, но ничего поделать не мог. Формально все было выполнено...

Позднее, в 1942 году, отцу, работавшему вахтёром в бани и считывавшему на этом основании чиновников, было вменено в обязанность стать членом нацистской партии. Пришло спешно устраиваться в другую бани, где подобная кампания уже прошла, и про Бруно Шмидта забыли.

А там временем в поле зрения фашистских властей оказался и Шмидт-младший. В 1942 году в Германии была объявлена тотальная мобилизация. В Берлине были закрыты все средние школы, а класс Вольфганга полностью перевели в небольшой город в Польше, которая тогда считалась в гигантском рене «генерал-губернаторством». Преткновение это означало попасть в армейский мобилизационный лагерь либо в противовоздушную оборону.

И спать все спали решительными действиями Бруно Шмидта. Сославшись на свое ранение, полученное в первой мировой войне, он категорически отказался отпустить сына из дома.

«Бот видишь, — продолжает Вольфганг, — в годы нацизма папа не раз мотивировал свою внешнюю политическую пассивность тем самым ранением.



УТРОМ НА АЛЕКСАНДЕРПЛÄЦЕ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ БЕРЛИНА.

ГО ЖИЗНИ

А между тем он очень гордился, что в первую мировую войну, находясь на германо-русском фронте, он не сделал ни одного выстрела по «ярзугу... Мы в съезде съято храним и сегодня держим ложку, вилку и нож, вырезанные русскими солдатом и немецким императором на Восточном фронте в 1917 году» во время братанки.

Ну, а если говорить обо мне, то в 1942 году я оказался в школе местечка Хоппегартен под Берлином. Нас собрались там 25 учеников со всего города, причем все это были ребята, которые так или иначе уклонились от военной службы. Помнишь роман «Приключения Вернера Хольцафта» Это книга про «братанку».

Не будем преувеличивать, сказать, что таких юношеских классов немецкого было в фашистской Германии. В 1944 году на уроке истории XIX века в эти 25 отчаявшихся мальчишек потребовали у преподавателяницы беседы о «коммунистическом манифесте» Маркса и Энгельса. Повторю,шел 1944 год. Летом было неудачно, потому что Гитлер, и Фюрер в этом же лето и в этом же стране привезли в Берлинских залах этих заговорщиков, как скот, неизвращ на военных чинов и аристократические туфли. А в школе Хоппегартене один из учеников принес к «Манифести» и вслух зачитывал из него цели страницы перед бледной учительницей.

Никто из этого класса там не пошел служить в вермахт, никто из них не ввязался во военно-медицинскую комиссию и предложили сделать элек-трокардиограммы, чтобы убедиться в моих болезнях,— рассказывает Вольфганг.— Я решил рискнуть и заявил врачу: «А не лучше ли ее сделать после войны?» Он посмотрел на меня ощумело и равнодушно: «Вон! После этого меня там не видели. Как не видели в школах, куда меня все-таки притянули осенью 1944 года и откуда я спустя три дня сбежал наследства».

Пришлось скрываться до апреля, когда пришло освобождение. О своей первой встрече с советским врачом Вольфганг уже рассказывал. Потом были другие встречи, запомнившиеся на всю жизнь.

В те годы в Германии не только белые полотенца завешивали в окнах. В маленьком шахтерском городе Гербштадт, одном из центров Мансфельдского горнорудного района, наступившему на них войску вышли с красным знаменем коммунисты Otto и Minna Брозовски и их товарищи. Этот флаг от имени партий организации КПГ/У шахты «Дзержинская» на Криворожье подарил еще

в 1929 году членам чеки Компартии Германии на шахте «Витцтум» в Гербштадте делегацию советских рабочих. Всю долгую ночь фашизма хранили немецкие коммунисты это драгоценное знамя от грабителей.

Английские подпольщики сбрасывали немало таких знамен пролетарской солидарности. А когда Красная Армия вступила в город Эйслебен в том же Мансфельдском районе, на центральной площади ее встретил Ленин: бронзовая фигура вождя словно шагнула с пьедестала наступившей национальной солдатам, и рассказывают, что один молодой германский сержант с изумлением воскликнул: «Глядите! Ильинский!» Ильинский — это герой, сбрасываемый нацистами из города Пушкина под Ленинградом и предназначенный не переплавку; два года спасали, рискуя собственной жизнью, немецкие коммунисты и советские люди, угнанные в фашистскую неволю.

Я не знаю, как звалистрычны «красноармейцы» в семье Брандштадта. Но у Вольфганга и его сестры даже остался листок бумаги, на котором по-русски написано: «Здесь были красноармейцы». Их очень хорошо приняли. Просим оказать этим семье всяческое содействие».

«Он был старшим лейтенантом и три солдата»,— рассказывает Вольфганг.— Все четверо были украинцы. А там как раз падлая русская армия была погибла, и они быстро договорились друг с другом. Скажи честно: у нас тогда отдался от сердца. Конечно, в нашей семье, семье старого коммуниста, твердо знали, что Советская Армия несет Германию к освобождению. Но нам было хорошо известно и то, сколько горя и страданий принесли немецкие фашисты другим народам, в первую очередь своим братьям. И мы, да же самые первые освободители, были потрясены тем, что красноармейцы щедро корицами из своих походных кухонь женились, детей, стариков, тем, что сразу же после боя они проникли за снабжение немецкого населения продовольствием и медикаментами».

«АКТИВИСТ ПЕРВОГО ЧАСА»

9 мая закончилась развязанная фашизмом война, продолжавшаяся больше 2 тысячи дней, каждый из которых обходился немецкому народу в 3 тысячи человеческих жизней. Германия была разгромлена. Только в советской зоне оккупации, где отступавшие гитлеровцы оказывали отчаянное

сопротивление, оставляемое после себя мертвое пространство, было уничтожено две трети всего железнодорожного транспорта и 30 процентов сельскохозяйственной техники, разрушена половина жилого фонда в крупных городах, взорваны почти тысячи мостов. Производство самого необходимого — хлеба, угли, электричества, молока — развалилось практически полностью.

И первые признаки советской военной администрации в Германии, подписаные Маршаллом Советского Союза Г. К. Жуковым, командиром Берлинской генерал-полковником Н. Э. Берзерики и другими нашими военачальниками, говорили именно об этом — о хлебе для рабочих, об угле для заводов, об электроэнергии для жилищ, о молоке для детей. «Теперь, когда Красная Армия вышла из Германии, — говорил Жуков, — она должна помнить нацистскую тиранию, немцы должны доказать всему世mu, что Гитлер — это не Германия, что нацистская банды — это не немецкий народ. Красная Армия рассчитывает на поддержку немецкого народа в проведении всех мероприятий, отвечающих интересам самого немецкого народа, интересам его настоящего будущего».

В своем первом послании от 15 мая 1945 года «Багратион» — фронтовая газета Красной Армии для немецкого населения.

В ответ на этот призыв тысячи честных немцев начали тяжелейшую необходимую работу — расчищать города от развалин и умы от фашистского мракобесия. В первых рядах были коммунисты и рабочие, но и другие люди, ученые, пытающиеся сменить полосатую концептуарную одежду, вернувшись на родину из далекой эмиграции, 11 июня КПГ обратилась к немецкому народу с известным призывом, под которым стояли подписи Вильгельма Пика, Вальтера Ульбрехта, Франца Далема, Иоганнеса Бехера, Германа Маттера, Бернгарда Кёнена и других известных руководителей рабочего движения Германии. Каждый из них, выразившись «делать выводы из истории и найти в себе силы вступить на новые пути», они прочно говорили, что единственный выход из национальной катастрофы — это честный труд в новой, новой, миролюбивой и демократической Германии.

«Покончим с расколом трудового народа! Никакого сносижения и национальной и рабочей! Покончим с расколом рабочего класса!» — это было то, что относилось к Советскому Союзу, а там, где возникает эта киевет, поднимает голову инсправлистическая реакция! — заявила в своем обращении компартия.

Мы говорим с Вольфгангом о тех временах, сидя в большом купальне его уютного дома, за окном которого вспоминаем его детство, и смотрим фотографии, сделанные членом американского фотографического кружка Александра. 46-летний Вольфганг Шмидт рассказывает о 17-летнем Вольфганге Шмидте, и я пытаюсь представить на месте спокойного человека с улыбкой в глазах и сединой в голове кудрявого, остроносого мальчишку, разгребавшего кирпичи развалины, строившего университет и да христианскую церковь в Брандштадте. В Брандштадском районе Мальцдорф находит сибирь публики с смешными восходящими солнцами на рукавах — форму Сосю свободной немецкой молодежи...

«В Мальцдорфе нас было тричленное организаторы ССНМ. Параллельно создавались и социал-демократические и церковные организации молодежи. Часто у нас с ними проходили дискуссии, причем, честно говоря, не всегда totally словесные».

Местный сессионщик просто-напросто заявил нам однажды, что не желает видеть «киевибузы» ни в церкви, ни в собраниях верующей молодежи: очевидно, оплакивая за сохранность своей пасти.

Главный наш аргумент в спорах с молодыми церковниками и членами социал-демократической организации «Фалькен» («Соколы») был таким: сейчас не время даваться в «ядовитые разногласия», наше будущее рукою, способе восстанавливать разрушенную страну. И очень многие откликались на наш призыв, хотя, конечно, твердополовые было тоже немало.

В апреле 1946 года, как известно, состоялся со вместный съезд КПГ и СДЛГ, на котором была образована Социалистическая единица партия Германии. Объединение двух партий рабочего класса в тогдашней советской зоне было скреплено историческими связями. И мы, молодые коммунисты члены ССНМ, убеждали «соколов» в необходимости такого же единства для антифашистского движения молодежи. Но большинство «соколов», находившихся под влиянием правой социал-демократии в западных секторах Берлина, упорно твердили: «С коммунистами нам не по пути!». Трагедия немецкого рабочего класса, вызванная расколом, так ничему и не научила их...»

Судьба десятого «Б»

Станислав СЕРГЕЕВ

Мы встречались с десятиклассниками 524-й московской школы в последние дни школьных занятий. А потом были выпускные экзамены и школьный был, когда нарядные девчонки плакали в вальсе, как белые плачи, при рассказании. Прощай, школа...

Слупы год мы встретились вновь. Ребята еще раз ответили на вопросы корреспондента. Немало событий произошло в жизни каждого. Много несенного в будущем. Но сделан первый выбор, первый самостоятельный шаг...

ЭКЗАМЕНЫ ПОСЛЕ ЭКЗАМОНОВ

В школе было засено экзаменов на аттестат. В течение трех напряженных недель десятиклассники лавировали — с большими или меньшими успехами — между химическими формулами и спрашиваниями английских глаголов, историческими событиями XIX века и физическими законами. С последней геометрической теоремой они доказали свое право на выход в свет. На выпускном вечере каждый из них получил аттестат с образцовым пропуском в таинственный будущее. Свою судьбу они держали в собственных руках — теперь нужно было разумно распорядиться ею.

Еще в школе ребята довольно уверенно и единодушно (30 человек из 32) определили следующий жизненный этап — институт. В этом нехитром пророчестве (или желании) устроились различным обстоятельствам.

Вот один из них. Сентябрь 1973 года. Десятиклассники читали на школьной странице газеты объявления о приеме в институты, технические профессионально-технические училища. Те же призывы они видели на плакатах рекламных тумб и страницах газет, слышали по радио и телевидению. Им обещали уже через год-два профессии токаря и плотников, телефонистов и монтажников связи, продавцов и гравийщиков алмазов. Это не было сезонных рекламных щук, поветрились, отступили, как снег. Это было последнее, завершающее этапом долгой трудовой работы, в результате которой школу заканчивал человек, уже умеющий делать что-то и как-то. «Заготовка» будущего специалиста, которую предстояло отшлифовать. Да, государство предполагало им неограниченные возможности, и грехом было этим не воспользоваться. Там думали ребята. Но так же думало и государство, ибо это, могущественное и растущее,пытывалось и в то время управлять жизнью...

«Потребности. Нина в каторге». Ученики знаний на каждом участке производства нужны люди: ученые, следящие. Опыт можно накопить, силу — накачать. Знания нужно получить, завоевать. Сегодня на советском заводе дипломированный рабочий — явление столь же частое, сколь и необходимое. Даже в сельском хозяйстве и смешу дядкам приходят мастера машинного доения — дело здесь опять не в смехе «вьевские». Известны замечания профессии. Так что ребят действительно ждут — учение для них не закончено. Кроме того, думая об институте, они исподволь испытывают...

...Чувство семейного достоинства. Так это было сформулировано в одном из ответов, а подразумевается вот что: «Моя родители пережили войну и лишения. Они даже не смогли толком дочучить. Я хочу восполнить этот пробел и получить честное образование». Наконец...

...Преступление. «Мне хочется убить кого-нибудь кроме других! Все в институт, а я — в кусты! Моя мать болеет (она) и вправы, подготовлен к вузу слабее других — уровень знаний у ребят, конечно же, разный. Но надо ли откладывать молодость в минутной безрасцудности? Обожаю — научится. «Если бы молодость умела!» — это сказано пожишим человеком.

Документ об окончании средней школы, может быть, еще не имеет четко определяет границы самостоятельности в жизни ребят, но честу детству, удачливому в прошлом, лицом к лицу. Казалось бы, малозначительный факт: 30 человек из 10 «Б» собирались поступать в институт, а подали документы лишь 24. А что же эти шестеро — испугались? Отнюдь. «Мне хотелось год поработать, узнать, что такое самостоятельная жизнь...» «Не поступал потому, что хромаю по спецпред-

мету. Подтянулся — тогда смело в бой!» (спецпредмет — рисование: человек твердо решил стать художником-полиграфистом). Не бросая тени на остальных, скажу, что авторы этих ответов проявили интерес и творчество в экзаменах.

Но вернемся к этим воспитанникам. Их большинство.

Они сдали экзамены в школах эзекционные,

бросились в новую пучину, превратившись из десятиклассников в абитуриентов. Половина класса

оказалась последовательством в своих школьных наставниках: куда хотели, туда и поступали. Другой вопрос — поступили ли?

И 24 поступавших один был принят в профессионально-техническое училище (куда десятиклассники не нужно сдавать экзамены) и вскоре получил место в институте. Абитуриенты радиотехники, 10 человек сдали аттестационные экзамены и принимали участие в конкурсе сценки и аттестатов. Конкурс есть конкурс: кто-то в нем победил, кто-то уступил сильнейшим. В Москве около 80 высших учебных заведений, набор в них растет из года в год. Однако предложение в данном случае не может и не должно удовлетворить спрос. Уверенные знания (в пределах школьной программы) и только они — единственная причина, почему на конкурсе не получили место в вузах. Конечно, бывает, что абитуриенту придается участвовать в конкурсе сценки и аттестатов, но это единственный случай — как правило, они помогают хорошему среди лучших, но не зарядному среди хороших. Короче говоря, вуз, набирая учащихся, вырабатывает иммунитет к посредственности (а образованию, в способностях), просеивая поступающих через сито экзаменов.

Конкурс прошли пятеро: один поступил в Московский высший техническое училище имени Баумана, один — в стоматологический институт, двое — военные училища. Интересно, что пятеро из них сдали экзамены из будущих военных инженеров. Он сдавал экзамены в Вильнюсе, не прошел по конкурсу, вернулся в Москву, поступил на работу, а в это время школа послала ходатайство о нем Главнокомандующему войсками противовоздушной обороны страны (училище в этом системе). Вчерашний школьник был принят в Красногвардейское училище ПВО.

15 человек не поступили в вузы. У девушки, приступавшей к педагогическому институту, дрогли нервы, и после посыпавшейся оценки на одном из экзаменов она сама забрала документы. Юноша, сдававший в технический вуз, опоздал на экзамен — спросил: не знаю, как со знаниями, но с нервной системой здесь как раз все в порядке. Но плавая на дневных отделениях институтов, ребята могли поплыть счастья на вечерних отделениях. Третье так и сделали — двое из них поступили в вечерние институты, где преподаватели работают и учатся.

Неудача — всегда находит. Впрочем, Мария интересовалась одним из пропущенных экзаменов — следствие повышенной требовательности приемных комиссий вузов или недосмотра школы, недостаточно подготовившей своих питомцев в институты? Спросил об этом самих ребят и получил ответы откровенные, почти однозначные: «Претендент только к себе», «Много лет и мало желания учиться одна — недостаточно серьезное отношение к себе и к жизни». А вот совсем обезоруживающий ответ: «Пропал на экзамене — это скорее удача. Поступал не туда, куда хотел. Хороший урок на будущее...»

И все же это бодреческая поза. Разумеется, они огорчены неудачей. Но никто из них не снимает пропущенное крушением надежд. Конечно, пришлось пережить неприятные минуты объясняться с родителями. И вроде как-то неловко смотреть в глаза друг другу (а они по-прежнему встречаются — краем глазковым узм). Но ребята знают, что могут поступить в вуз каждый год практически до 35 лет. Кто-то так и написал: «буду поступать, пока не поступлю...»

Так что трагедии не произошло, и теперь бывший 10 «Б», за исключением шести «счастливчиков», решал другую проблему — устройство на работу.

ПРОФЕССИЯ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Здесь нам опять придется вернуться в школу. Готовят ли она ребят специально к институту? И да и нет. Да — в том смысле, что в начальной средней школе хочет видеть личность общественно полезную, образованную, честную. А нет — в том же смысле, ибо в любой жизненной ситуации и условиях (а не только в институте) человек должен оставаться Человеком в совокупности всех перечисленных качеств. Никто не дает

ПОСЛЕ ЧЕРЕ



ЛЮДА ШЕРШУКОВА — ДИСПЕТЧЕР АВТОБУСНОГО ПАРКА.

ИРА ТАЛАГУЕВА И НАТАША СОЛОВЬЕВА — СТУДЕНТКИ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА.



СЛОВОК 3 ГОД



САША АСТАХОВ — ПЕЧАТИК ТИПОГРАФИИ КОМБИНАТА «ИЗВЕСТИЯ».

ИГОРЬ КРЫЛОВ, КУРСАНТ ВОЕННОГО УЧИЛИЩА, ПРИНИМАЕТ ПРИСЛУГУ.



школе — указаний «сыскавши» столико-то выпускников — в институт, на работу. Это «разнорядное» устанавливает жизнь. Даже если нечестивому человеку удается найти себя сразу. Но каждый в поисках своего места проходит через труд. Больше того, многолетия практика показывает: основная масса выпускников остается на производстве. Многие из них впоследствии заканчивают вечерние и заочные отделения институтов, но завод, фабрика, техническая лаборатория остаются их родным домом. Школа чтиует все это и со всей страстью строит свои программы.

На уроках труда в 524-й школе девушки осваивают промышленную печать, мальчики — машины; а юноши постигли слесарное и токарное дело. На водили на заводы и предприятия, возили в подмосковные союзхозы — не как экскурсантов, а на производственную практику. 524-я не специализируется на подготовке выпускников с какой-то определенной профессией в отличие от некоторых московских школ с ярко выраженной профессиональной ориентацией (например, с математическим уклоном). Но она широко ориентирована в том смысле, что дает надежную гарантию: «Наш ученик не белоручка, с навыками, которые мы ему привили, его легко обучить любой профессии».

Ребята, устраиваясь на работу, убедились в этом сами. Им не пришлоось метаться, искать, слышать отказы. Их принимали окотно, видя, на что они способны. По существующему положению, там, где это необходимо, им брали учениками, зная, что скоро они получат рабочий разряд.

Как правило, поступали на работу 24 выпускника московских школ, 16 из которых — из числа, имеющего ПТУ и двум курсантам нужно прибывать двух солдат — они уже достигли призванного возраста и служат в рядах Советской Армии! По объявлению о работе, по совету родителей, рекомендации школьного учителя труда, из чувства солидарности с подругой, по примеру родной тети (есть и такой ответ). Путя разные, а результат один: все работают, все довольны.

Девять человек работают на заводах и предприятиях, пять — в электротехнической, сорок — в радиоаппаратуры, компьютерах... Столько же — в научно-исследовательских институтах, в основном лаборантами и техниками. Временно (думаю, что так) несостоявшийся педагог устроился в Библиотеку имени Ленина. Будущий полиграфист — печатник в типографии газеты «Известия». А еще: инспектор Верховного суда СССР, музикальный работник в детском саду, оператор телевышкильного центра Центральной телефонной станции...
Одно такое разнообразие.

Однако, там, где есть выбор? И здесь все не однозначно. Тот парнишка, что слушает в аудио, успел до призыва закончить шифровальные курсы. Фраза из его ответов: «Хочу быть шифером. Миропрофессию не буду». Категорично, не оставляет сомнений в твердости принятого решения. Но вот совсем другое настроение: «Может быть, к лучшему, что я не прошла в институт, хорошего педагога у меня не было бы. Сейчас работаю лаборантом. Но не буду же я всю жизнь лаборантом! Собираюсь поступать в институт, возможно, в другой. Есть интересные въездные курсы...»
Даешь судьбу уже сделала загザг. Правда, заметьте, насколько серьезнее стал подход ко второй попытке. Ну что ж, девушка может задумываться и выбирать: это право ей гарантировано всем укладом нашей жизни.

Юношеской положение несколько иное: 11 ребят, всех, кроме того, что поступили в Бауманское училище и получили отсрочку, ждет службы в рядах Советской Армии. Они вновь этим самым грядущим долгом готовы исполнить свой долг. Каждый считал, что в армии должен быть твердый, дружный коллектив — и не ошибся! — пишет один из них, кто уже служит. Военные службы ребят воспринимают как хорошую жизненную школу, которая, сдвинув их личные планы на две года, может тем не менее вполне вследствие твердых определиться в жизни.

ЦЕНА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Новые представления и понятия, новые человеческие отношения оторвались в будни вчерашних школьников. Самы они новичкам вошли в незнакомые колективы. Как прошла психологическая акклиматизация? Как их приняли? Ведь могли, как бы не заметить или не подумали, отпугнуть, отбить охоту, вникнуть в труд. Опасения напрасны — этого не произошло. Напротив: «Встретили очень тепло и весело, как встречают новых людей в классе. У нас в отделе «всесом» человек, девочки лет по 17—20, не старше. Все мон новые друзья... «Меня окружают рабочие люди, которые всегда

помогут, не бросят в беде. Я верю в них, хотя знаю без гора недели. Отличные парни!»

В этих оценках я вижу и обратную связь: значит, и сами ребята вписались в коллективы, одобряют, и сами ребята вписались в коллективы, одобряют, потому что от него зависит отношение к рабочему к труду — как к творчеству или как к тяжкой необходимости. Их впечатление от работы восторженны. Если бы не рожденство выражения, я назвал бы это «любовью с первого взгляда». Бессспорно одно — в юных душах уже пробуждается профессиональная гордость.

Библиотекарь: «Ложась спать, думаю: «Высыпь бы утро, быстрее бы на работу!». Когда я начинаю читать в газете, и о мне говорят: «Большой», спасибо вам, — получается тепло на душе, когда приносили мне цветы на землетрясение. Печатник: «Притянуло сознание, что выпускаешь журналы, которые популярны у читателей. Недавно купил «Иностранную литературу» и поймал себя на тщеславной мысли: «Ведь в этой книжке есть и мой талант!». А, собственно, почему тщеславный?.. Курсант из Костромы: «На вся жизни запомнило военную присягу — салют, горжущий марш по струевому плацу и общую по-верту всенародную гордость».

Юноши и девушки впервые почувствовали себя самостоятельными. Конечно, еще не полностью. «Чувствую себя взрослым человеком под недрющим оком родителей». И все же они ощущают самостоятельность всерьез. Помогла им в этом, прозаическая деталь — ребята принесли домой «свои демагогии»: студенты — стипендиане, рабочие и служащие — заработную плату. В отношении первой «трудовой копеечки», как они ее называют, тоже отразилась их воспитанная культура, воспитанная в школе, родителями, «все зарплату буду отдавать матери». Однаrukой сумевшим бюджетом. Помогать ей — моя святая обязанность на всю жизнь. «Первую половину почти целиком истратила на подарки домашним». «Демагоги будут поступать в семейный бюджет, но частично будут оставаться у меня, чтобы по мелочам не обращаться к родителям».

Вчерашние ученики никак не привыкнут к «непонятной» самостоятельности. Заветное, желаемое, которое еле достигли, стало чуть ли не обузой. «Мое материальное положение дала мне ощущение безопасности». Одни из тех, кто работает, стало много свободного времени — не надо готовить уроки, штурмовать горы учебной литературы (правда, студенты-медики целыми днями избрызгали эту проклятую латынь и анатомию). Образовалась пустота от свободы — «чеки заполнили ей! Найболее распространое уже оказалось: «Теперь свободное время я не трачу, а провожу». Они стали больше и разборчивее читать, чаще ходить в кино. Многие увлеклись спортом, музыкой. По-прежнему любят танцы и веселые компании, тем более что круг их знакомых заметно расширился, а это сугубо новые впечатления и даже жизненные перспективы.

Вот и все, пожалуй. И, как написала одна из девушек, «больше в моей жизни ничего не произошло, кроме того, что я стала на год старше».

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Пусть эта главка станет эпилогом к нашим встречам с бывшими 10 «б». Последним вопросом анкеты — «Не жалеешь ли ты, что школа осталась позади?» — я специально решила вернуть к мыслиению в эту школу. Расчет оправдался: тут ребят проявляло. «Изменя все кажется, что вот пройдут затянувшееся канунники, и я снова буду за парту и затянуть дыхание, буду следить, как учитель склоняется к ученику, буду слушать, сколько очарованную «жизнерадостную»...» Хочется вновь звать на наш класс и сесть за свою любимую парту — третью у окна. «Согласись бы учиться еще десять лет...»

А сколько добрых слов нашли ребята — и даже самые застенчивые парни — в адрес школьных учителей! И все, как один, они признались в любви к своей классной руководительнице, преподавателю литературы Нине Александровне Заневской. «Наша Нинушица, наша вторая мать» — слова эти встречались, почти в каждом конверте, — кто может быть лучшей наградой за учительский труд?

Я хотел вернуть их в школу. А они смеялись, перезванивались друг с другом, в День учителя почти всем классом пришли в школу к своей любимой Нинушице и расцветали улыбками пастурского дня. Я вспоминаю, как в том же классе прошлой весной в ночь прощального бала они сидели, сгрудившись, за партами и пели под гитару любимые песни. «У каждого из нас своя дорога», — пели ребята.

Своя дорога... Вчерашний 10 «б» выбрал ее.

В ЧУТВЕРГ, ДО ПОЛОВИНЫ ВТОРОГО

Сергей ЕСИН

РАССКАЗ

вчера Левушка встает рано. На пыночках, чтобы не разбудить Лью и детей, в солнечных присах лежит в кабинет и ожидает при свете настольной лампы. Стекла окон белы от ночной налады, поддувает блестят на стеллажах корешки книг. Насмотрение у Левушки радостное, такое же, как в детстве, в деревне, когда он затемно вставал, чтобы попспать на реку к клену.

Одевшись, Левушка идет через старинную пятикомнатную квартиру; на опушке в темноте открывает дверь в прихожую, а по лестнице уже бежит. Такси в этот час найти не сложно, но Левушка, как и полагается отъезжающему, выскакивает на середину улицы, пытается поймать «девятерку», размахивая руками, показывает, что горячее.

Люди шофера, как обычно, начинают расспрашивать, куда он летит и откуда. Левушка пресекает эти разговоры, потому что понимает: шофер выслушает, приезжий он или коренник, чтобы в соответствии с этим везти деньги минут или подчаса. Левушка называет маршрут, подчеркивая совершенное знание. Москва и многоязычность поездки:

— Прямо по улице, налево до неизвестной третьей конейке — направо, через переулок на улицу Горького, а дальше прямиком.

Шофер примыкает, сраженный разворотностью опытного капитана.

На Ленинградском проспекте, когда сундук набрасывает рубль сорок пять, звуко более звонкий, чем в монетной прокуратории, машина сворачивает налево, прощавшуюся, спешающую в стороне.

Холодно, еще не развиделись, в усталом небе горят зеленые и красные неоновые надписи, плещущая пустынная, липкая незанятых такси, как стайка антилоп, пасутся на обделеневшем асфальте. Левушка сразу забывает и с удовольствием вырывает в нагретый, пахнущий смесью кофе и апельсинами воздух. Четверть.

В аэропорту Левушка выбирает себе рейс. Ленинград... Тбилиси... Новосибирск... Адам-Ата... Нет, только Ташкент. Там сейчас уже тепло, вспоминает Левушка, на вожделанной земле, вспоминает себя: смуглый, высматривающий за время четырехчасового перелета он склоняется в Ташкенте с трапа самолета. Ветерок колотит лицо. Синегоры на горизонте дамеки гребни гор. Его встречают аспириники из изысканных мини из хан-столов и пожальная доцентша, которую он едет консультировать на докторской. Левушка идет с охапкой цветов, помахивая лепестками портфельчиком, который он привез из Вены. Кричат горничные. Воздух сладкий дымок шашлыка. Он идет в сопровождении женщин, как важное лицо, как расслабленный, скучающий иностранец: пассажиры глядят на него с любопытством. Он бросит все дела, не позвонит никому себе в аудио, а будет гулять по Алайскому базару, накупит там Сандака и Бухару, а если получится, сладкую кашу из каштановую Xашу. Будут вести себя, как все народы, как будто он изобретатель, как между прочим, видел себя в комиксе героя Цыплаковского. Ну, да бот с ним, с Цыплаковым, Левушка сейчас не станет портить себе устро из-за этого себеблюбивого идота. Главное, он твердо решил, что летит в Ташкент, вот, правда, рейс немножко рановат, уже через полтора часа.

Чтобы потом не волноваться, Левушка подходит к справочному бюро:

— Девушка, как с Ташкентом?

Не желая отгородить пассажира, извивающимся тоном девушка отвечает:

— Ташкент опаздывает по метеоусловиям, посадка на автобус будет объявлена в половине второго.

— Очень хорошо! — Левушка отходит от окошечка, оставив девицу в недоумении.

Теперь Левушка делает последнее дело. В конце зала отыскивает неиспроченный автомат и звонит в гардероб. «Петя! — говорит Левушка. — Это Лев Сергеевич говорит. Утром ты сегодня свободен, езжай по своим делам, ремонтируйся, а к половине второго я тебе, наверное, позвоню еще разок...»

Можешь и позавтракать. В буфете на втором этаже не так уж плохо. Играет музыка. На витрине — скажет аппетитная пицца, а за стеклянной стеной занимается медленный стомичный рассвет.

Левушка старательно вытирает руки, размыкающие на столике закуски: нежирный ветчинный салат, куриные подкладки — возраст уже, слава Богу, не тот, под сорок, пока беречь организм — кусочек первого хлеба, сто граммов сметаны, черный кофе. Сто граммов коньячка он возьмет попозже, так, чтобы ехать еще под койтом; и тут Левушка снова вспоминает про Цыплаковского. На учений совете Цыплаковский опять, наверное, сини скватывает, и здесь нужно иметь голову ясную, сознание твердое и так Цыплаковскому тревожить, чтобы топтать ноги наследства.

Расплатившись с буфетчицей, Левушка ищет место. Все столики заняты, приходится пристраиваться вместе с молодой девушкой, которая, заложив на парнишку. Девушка, видимо, из тех, кто для них превозносят ее как переворота. Удачливая, куртина, молодые люди падают на плаком английском. Левушка, конечно, с ними не заговаривает, но тут подвертывается случай. Не успев сесть, Левушка отправляет себе в рот горячий кусок ветчины, как в проходе между столиками возникает старая таджичка с тарелкой в руках. Так же растворяется, как перед этим сам Левушка, таджичка медленно идет и не находит места. То есть надо бы ей кого-нибудь посетить, но она то ли стесняется, то ли не знает сказать. Левушка жалко старую женщину. Когда она подходит ближе, Левушка говорит ей по таджикски:

— Идите к нам, мамаша, мы поднимемся.

Таджичка радуется, улыбается, но тут же, видимо, вспоминает свое строгое старинное воспитание, спрашивает у Левушки:

— Я не знаю, что я могу для мужчины, я не помню!

Это ничего, мамаша, это сойдет... раздражая ветчину, говорит Левушка и начиняет обособлять таджичке место. Старушка по-цыпальчики пристраивается за краешком стола и начинает есть, робко и благодарно вскидывая на Левушку глаза.

Во время этой сцены парень и девушка промолчали, но потом девушка что-то говорит по-английски парню, и тот, повернувшись к Левушке, по-русски спрашивает:

— Она удаивается, что мы, европейцы, знаем азиатский язык. Вы там живы?

— Я вам предложил, не отвечая, спрашивал Левушка.

— Я — таджичка. Мне летим в Новосибирск.

— Если мне интересует, то я азиатист, — говорит Левушка по-английски, обрываясь уже к девушке.

Девушка смеется, краснеет.

Я шведка, зовут меня Ингрид. Я интересуюсь проблемой особо одаренных детей и воспитанием.

По-английски девушка говорит тяжело, подыскивая слова.

— Я был у вас в Стокгольме, — говорит Левушка, переходя на шведский.

Девушка не может скрыть восхищения:

— Я тоже же вы знаете языков?

— Я не помню, сколько, — не без кокетства отвечает Левушка. — Много.

Это мой хобби.

— Как интересно много знать!

— Это не сложно, но для этого нужно иметь определенные способности, как раньше говорили, специальную «шапку».

— Я всегда восхищалась людьми со способностями к языкам.

Во времена разговоров старая таджичка, быстро перекладывая взгляд с одного на другого, доказывает с тарелки и уходит; интуристовский парень, сначала подозрительно поглядывающий на Левушку, вдруг проникается к нему доверием и смеется побоязникою от своей невесты, прехваставшей его проводами.

Ингрид сидит, смотря на Левушку, и смеется.

Левушка и шведка ходят по галереям второго этажа и разговаривают. Конечно, в сознании у Левушки поклонно мелькает, что ведет он себя легкомысленно, но си сбиг успокаивает, ведь он упражняется в языке.

— Больше всего, — говорит Левушка, вспоминая Стокгольм, — меня прятали позлезенными медными крыши и, конечно... Угадайте, что?

— Это мой город, — ответила Ингрид. — Здесь все достойно восхищений.

— Но самое увлекательное — это развод каравана перед королевским дворцом по воскресеньям.

Поглядывая на Левушку — махома Ингрид, в яблока и засмеялась, и Левушка засмеялся, потому что оба вспомнили «балом», который начинается в двадцатый час для внутреннего двора королевского дворца.

Обоим приятно болтать друг с другом. У Ингрид и Левушки наливается чуть забытые, приподнятое отвращение, которые возникают между молодым мужчина и девушкой, когда им интересно друг с другом. Но тут появляется давешний парень из «Интуриста», и Ингрид уходит к автобусу.



Рисунок Александра МЕНШИКОВА

Стоя на балюстраде, Левушка машет им вслед и вдруг видит Люду. Тут же он понимает, что это Люда, а другая, незнакомая женщина с такой же, как у Люды, распластинившейся, расположенной фигурой, то настроение у Левушки падает.

Конечно, может быть, Люда счастлива оттого, что всегда рядом с ним, оттого, что у них общие дети, но разве этого достаточно? Что же может он сделать с собою, если не любят ее? Теперь и она узнала об этом, а раньше об этом не знал даже он сам. Теперь Люда привыкла и перестала его ревновать. А может быть, она знала о Тамаре?

...Когда он еще учился на пятом курсе, он любил бывать на вокзалах. Ему казалось, что так он ближе к дому. Он тогда ездил к своему костромскому поездам. Слушая речь земляков, видел их приземистые, плотные фигуры, женщины в плюшевых шапушках. Каждый раз, встречая поезд, он представлял себе, как досаждает до Костромы дальше летят самолетом до Шары, а там направляются в Краснодар, Грозный, Краснодар, Краснодар, Краснодар, Краснодар, и Люда армянка, что он вспоминает с какой-то живописью. Несколько раз Левушка видела Люду в толпе на перроне. Сна тогда его еще разиняла и седила за них на вокзалах. Сейчас уже не садит — как слишком много забот с детками, с хозяйством, или махнула рукой?

Тогда, на пятом курсе, когда не было ни кандидатской, ни докторской, тогда она не знала, что возвратить ей нет. Говорят, что у него призвание лингвиста. Наверно, у него просто «шишки» лингвиста. Ведь он ничего не хотел, только жить у себя на хуторе, ездить на гитариста, работать. Пусть даже председателем колхоза. Но чтобы вокруг — лес, рыбаки, чтобы вокруг — жизнь, которая распоряжалась бы им сам. И чтобы рядом Люда, дети. Он бы читал книги Толстого, «Войну и мир», Гоголя, Лермонтова, Горького. Но после окончания школы с золотой медалью он стремился, что он обязательно должен учиться в университете. А ему уже остоцмешала учеба, хотя он так, между делом, в школе выучил и английский, и немецкий, и по самоучителю еще и французский. Ольга Петровна, их «немка», говорила, что у него необыкновен-

ный дар к языкам, а это встречается раз в сто лет, что он не должен «зарыться в землю своей таланта». А он развесил уши.

В университете все прошло автоматически. Ему просто было скучно и пить и бегать по кино, даже спортом было заниматься лень, вот он и читал книжки. А прочитав два раза, уже помнил страницы на память, и выдающиеся способности лингвиста у него нашли лишились, потому, что он все всегда помнил. Академик, когда принимал у него на четвертом курсе экзамены, восхищался. Поэтому его и заставляли писать диплом по этому чертову языкоизанию.

Академик хвалил, чтобы Левушка непременно приходила к нему вечером по ступенькам. Он сидел с книгами в кресле, а кроме него, альбом Люды, диплом академика, висела чай. Он не обращал на Люду внимание, говорил, что в одной группе, а тут впервые заметил, что руки у нее полные, белые, терпеливые, и чай она наливает спокойно и ласково. А потом она уходила, ей были скучны их разговоры. Или бывало так: Люда садилась в кресло и, не вслушиваясь в их беседу, молча удалялась, тогда уходил академик. Люда с Левушкой ни о чем не говорили, но им обоим было хорошо. Левушка защищала с отличием диплом, и о дипломе заговорили, как о готовой кандидатской диссертации, академик взял его к себе в аспирантуру. Тут самой собой и определилось, что Люда и Левушка должны пожениться.

...Как бы обрадовались Цицуцкий, Грошев и их компании, если бы он ушел из института!.. Но ведь у него, Левушки, есть свой долг перед аспирантами, перед покойным тестем, перед отцом, наконец, перед директором. Надо доделать. И на ученом совете он, конечно, Цицуцкому приварил.

Если бы сразу же после университета он уехал учителяствовать в свой местный Прекрасные часы в школе, а потом — военный казак. Идешь на охоту, гуашень по лесу, копаешься в огороде. И так каждый день. Только смог бы он так прожить? Нет, наверное. Его тянуло бы в город, в Москву. Он думал бы, что потерял весь мир, диссертацию, славу. Надо было решиться на все еще раньше, когда он встретился с Тамарой.

...Он возвращался с зимних каникул. Ночным костромской поезд был полон студентов. В вагоне пахло творогом, домашними пригоршнями: ехали сытые, отьевшиеся, оторвавшиеся волею природы. Холодно было. Сидеть держася к краю сиденья, не сидеть — тоже холода. Сидеть на полу, не сидеть — тоже спрятаться за портфелем, на сложенных руках, не портфель спазм. И тогда, олутил от усталости, в теплой полудремоте он уронил голову на плачо сидящей рядом молодой женщины. Она осторожно вышибала свое плечо раз, потом другой, а на третий смирилась. Перед самой Москвой Левушка проснулся, спутники держали его портфель на своих коленях. Левушка покраснея. Не дав выговорить ему слова, женщина сказала мято, но твердо: «Ничего страшного. Я все равно не спала».

Левушка встал и двинулся к выходу, но, повернувшись, встретил взамен изумрудную и блестящую Жанну. Женщина подняла с полу изгородную корзинную сумку и, с трудом подняв ее, «Давайте, помогите!» — пронеслась к нему Левушка. «Спасибо, я принашива», — «Нет, нет, это и должно нести», — говорила Левушка, сразу взмокшая от работы и застенчивости, — «Вы всю ночь держали мой портфель. Позвольте мне». «Хорошо, всыпьтесь», — сказала женщина, обняв сумку.

Левушка чуть не рухнул под тяжестью покажки. Женщина сада ульбнулась: «Деревенские гостиные...»

Левушка стал бытать в Тамары, гуляя ее историю. В прошлом году она потеряла мужа, Александра ГБР, погибшего в автомобилевой катастрофе. Он был из деревни Костромы, она москвичка, приехавшая по распределению — представитель английской ОИК. Помнила она, как в их родильне двое близнецовых мальчиков и девочка. После смерти мужа она переехала в Москву, к матери-пенсионерке, и стала работать стюардессой на международной линии; там больше платят, есть сверхуровневые и полетные; а ей надо поднимать близнецами. В Кострому, к родителям мужа, она ездila на день его гибели.

Когда Тамара находилась в рейсе, Левушка возился с детями. Славой и Олей, чай с Ниной Васильевной, матерью Тамары. Иногда он садился на место капитана и вспоминал, как Тамара в аэропорту вспоминала, что ей придется паковать памятки. Они поклонялись, и в них родились двое близнецовых мальчиков и девочка. После смерти мужа она переехала в Москву, к матери-пенсионерке, и стала работать стюардессой на международной линии; там больше платят, есть сверхуровневые и полетные; а ей надо поднимать близнецами. В Кострому, к родителям мужа, она ездila на день его гибели.

Одни раз Тамара взяла его с собой в рейс в Ташкент. Их бригада была в простое, и стюардесса на несколько дней переведена на внутренние рейсы. Девушки в самолете Тамара сказала, что он ее родственник. Они прошли в Ташкенте полтора дня. На ближайшем, называемом Алайским базаром, они приобрели в маркетинговую коробку капусту. Какой прозрачный воздух был тогда в Ташкенте, какие сини небо!

Остановились в аэропортовой гостинице. Они поужинали, и уже перед сном Тамара принесла в номер к Левушке чай. Кто знал, что произойдет башмачистая история на этаже перегородки пробки! В темноте, принимая от Тамары стакан чая, Левушка консунула ее рукки.

Мятая ташкентская ночь дышала в распахнутое окно. Раздевались редкие шаги прохожих, изредка с аэродрома доносился оглушительный звук взлетающих самолетов. Он лежал рядом с Тамарой и тихонько, шепотом — уласоже, не услышали бы в коридоре — рассказывал ей о своем хуторе, о шумерских супружеских отношениях, о том, что он не любит свою жену, и она не любит его. Тамара могла так воспринять его фантазии? Потому никто, ни Люда, ни другая, не воспринимала всевер ее разговоры о родном хуторе, о том, как будет он писать там книги? Ведь когда он сидел, рассказывая об этом, он уже жил там, одыхал проходящими и живительными воздухами деревенского утра.

Всю зиму он был счастлив. Сразу же после университета он приехал к ней, учи Славку и Олечу англиканскому, чисты картошки, помог Тамаре выкручивать белые посы стирки. Разве ему было скучно? Просто знакомый парень, который только что закончил университет, уже через год защитил диссертацию. Он познакомился этим парнем Ником. Но ему было интересно, что же в нем самом «такое». Каждый раз, когда сядешь к бесперебойнику всевер его разговоры на родном хуторе, не откажешься от него, прятавшего тепло с детства, на разговоры с Тамарой? За скобками своих рассуждений по младости он оставил то, что был счастлив. И он сделал решительный шаг: не пришел встретить Тамару к парижскому рейсу. Не приходил день два. Потом в общежитии раздался телефонный звонок. «Тебя спрашивает женский голос». Он подошел к телефону, сговариваясь обьяснений: «Алло, я слушаю». На другом конце провода кто-то виновато вслушивалася, узнавая его голос. Потом тихо и спокойно положила трубку. Через два года по знакомому номеру уже никто не отвечал. В спрашивающей службе Москвы женщины с фамилией Тамары тоже не значились. Уехали? Всю жизнь замуж?

До сих пор в ушах у Левушки эти тихие, спокойные гудки отбоя в телефонной будке.

За стеклянными стенами аэроузла светлая сеть. День намечается хмурый, серый, но визу на горизонте уже светится — прорывается солнце. Вокруг поздно. По залу, склону от входных дверей тянет мородем. Это время, стоящее на первом, — албимейше у Левушки. В холлах сдают смены. Уборщицы перегоняют пассажиров с места на место, все двигается, прихорахивается, наступает день, а с ним у зайдавшихся людей возникают надежды скоро улететь.

Оправившись от появления аль-люди, медленным шагом Левушка пускается в большом обходе.

Удивительное место аэропорта! Его обитатели знают, что никто не застает их здесь из знакомых или близких, бдительность у людей слабая, поэтому страшны вынужки, statt nyne.

А он, Левушка? С утра все расписано по часам и минутам. Лекция. Консультации. Семинар. Партийка. Адресация. Верстка книги. На мокну к тексту. Иностранная делегация. А когда же жить ему самому? Когда же любить? Чувствовать? Быть? Или же быть супругом, супругой?

Родившиеся пассажиры, мелким шагом Левушка доходит до конца зала ожидания и уже хочет повернуть обратно, но, как всегда, не выдерживает и останавливается возле огромной географической карты с маркирами Аэрофлота. Синие, красные и желтые стрелы расщепляют международные и внутренние рейсы. Впринципе мир досгнен и облит, как собственная квартира. Беря, вклады. Но уже не хватает на это сил, и уже никогда на этот мир не будет времени. Или сидеть на месте и знать в совершенстве свой лес, свои поля и окрестную дорогу? А что, собственно, знает он, Левушка, молодой блестящий профессор, почти академик? Ничего. Справился со своей жизнью? Это не столько кажется, что она удалася. Она удалася, как и любая другая молодой тварь. Но ведь есть искренне радованные поклонения в юности, дестактивные мысли.

Вот если бы си был пищевым или капитаном дальнего плавания. Видеть в чистых подобиях имена города, а может быть, и страны. А он, Левушка, вырастает в других странах, что он видят? Не успевает даже истратить комадироочки. Весь институт смешался, когда после конкурса в Токио он привез иностранные подарки. Вместо того чтобы съездить на Икикабару, где продешевые продают маттигибороны и приемники, он отправился в Токио, где был воскресен, и маттигибороны и приемники были проданы в Икикабару. Си был увлечен, как и любой друг, на японскую языки на хуторе или за скромное путешествие где-нибудь за морем, побывав, отмеченные на этой огромной карте, но сколько бы он отдал за месяц такой жизни на хуторе или за скромное путешествие где-нибудь по Волгограду. А он Цыпульского зарубежного гастрообстру, видимо, криво несбходимо, важно.

Недавно Левушка узнал, что последнюю склону Цыпульского затяну, чтобы поехать в Токио самому. в первый момент, когда Цыпульский на него смотрелся, Левушка сразу решил, что тот прав, а он, Левушка, Альбимейше никуда не годный пилотаж. Когда директор института вспомнил его к себе в кабинет и в приветствии сказал: «Приятно, Альбимейше, заместитель Цыпульского в пилотаже», друзья Цыпульского Григория сказали, что общественные оргазмы, которые были отстранены Левушку от заведованием отделом, си сразу же, с некоторым даже облегчением согласились: «Пожалуйста, я готов уйти; но только сейчас я очень занята в подготовке доклада для токийской конференции». Цыпульский сразу вскочил: «Доклад я могу взять на себя». В этот момент он, Левушка, еще ничего, не понял, в нем лишь сработала его добросовестность. «Этого, Петра Алексеевича», — сказала Цыпульская, — я не могу взять на себя, потому что я сама не могу. Си может сделать не суметь». Но тут Григорий Григорьевич поднял руку, стараясь не спаковать работы Альбы Сергеевны: «Я у вас спрашиваю, товарищ Цыпульский! Подавайте их письменно. Вы его не назначали на должность, я директор, я его назначил, я утверждал, ученый совет. А с вас, товарищ Григорьев, как с членом партии, мы спросим, почему вы допускаете в коллективе такие интриги. Вы собирали коммунистов отдела? Вы сомневаетесь с ними? Нет! Так как же вы имеете право говорить от их имени? Старики сразу смекнули: очевид хотел Цыпульского съездить в Токио.

На аэропорту было только что заканчивалася переметка. Пожарные и младые женщины в форме, в касках, в спрашовных борта, дисцептеры и буфетчики, уходили домой. Заступает новая смена. Все по-утреннему оживлено, земли, помыты, сия. Но аэропорта, по сути, бездействует, потому что, как правило, сюда между пассажирами, Москва не выпускает самолеты и не привозит. Однако вскоре после начала смены, когда погода улучшилась, началася работа. Перебрасывая тихую фоновую музыку, молодой женский голос объявила регистрация или отправление. Вся география страны снова стала доступной и будничной. Вот она, Камчатка! А лишила пока везд назад — «Описание земель Камчатки», многометровый труп Краинского, связанный с дальним путьшествием, болезнью и риском. Улан-Удэ. Сахалин... Ведущий доктор Чехов.

На совете, думает Левушка, Цыпульский опять наяву, будят вдруги, что си стоял бы си. Цыпульская рукопаша, то отда стоял бы работать продуктивнее. Затян что-нибудь изрядно насчет династических привязанностей в управлении отделом. Черт с ним, пусть берет отда. Для него отда — лакомый кусочек, потому что недостает. Левушка совсем не жаждо. В смисле положения — трат времени и сплошной миф. Вот сейчас о нем, например, выходят два слова: Этие делает хватит, чтобы он с семьей безбедно жил три года. К тому же еще продолжают вспоминать о книге, написанной чистом течесе науки, писал бы си у себя в курорте новую книгу.

—Нет, — говорит Григорий Григорьевич, — охладиша стойку, где регистрируют среанитские рейсы! «Нет», — отвечает ему молоденькая служащая, — самолеты в Ташкент еще не идут, не приходиа и рейс из Ташкента, регистрируют рейс на Фрунзе».

Как же он оказался здесь? Шел-шеп по залу, а остановился возле привычного места. Как все знакомо, будто ежедневно регистрируются один и те же пассажиры. Молодые кирпичи со связками ковров — видно, к сада, сектавски с альбимесами; пожалая женщины весят огромный торт из кондитерского на улице Горького — тоже сада или семеное торжество; паренек с запахом кипариса, вспоминая по тимпанам во похоронах, и комадироочки, комадироочки, комадироочки.

Регистрация пассажиров, видимо, только началь. Очередь длинная, человек в корок, но пропадает быстро. Пассажиры стоят спокойно, перенося по мере проравивания очереди сумки и протягивают по гранитному полу члены моды. Левушка тоже почему-то встает в очередь.

Когда до стойки остается человек пять или шесть, Левушка осторожно выскользывает из пола и уходит в боковую тамбур, «акапитола», где пассажиры перед посадкой в автобус. Пассажиры, освободившиеся от багажа, чувствуют себя здесь раскованными. Полет становятся для них делом близким минут, все окаживаются, переговориваются, забываясь звуками, но одновременно потихоньку текутся к стеклянной двери. И только бывалые много раз летавшие пассажиры к двери не простиживаются, а демократично сидят на стульях вдоль стен и читают либо разглядывают носки ботинок.

Возле них на эту знакомую в подобиях картину, Левушка расслабленно садится и идет в портфеле газеты. Газеты нет, но среди доказателей и чужих реферацитов лежат присланная чиста бандерол из Польши. Левушка сидит плотную обертку и стояет от удовольствия. Польские коллеги прислали ему томик фантастик Лема с новыми приключениими пилота Пиркса. Пристято, когда о тебе помнят друзья! Помимо даже мелких типа привязанности.

Левушка представляет Пиркса во всех подобиях имена лица. Прекрасный парень-человек, умеющий управлять самолетом. Пиркс импровизирует Левушку тем, что поднял на него. Разы не так же, как и при Пиркса, которого все подают на вооружение реальному и не подкованным к космическим полетам, разы не так же говорят про него, Левушку, что он деревенский выскочка, алиш счастлив, благодаря жизните влез в элиту науки! Оба они, и Левушка и Пиркс, никого не отталкивали плечом. Все идет к ним в руки само, а они лишь честно и добросовестно выпишивают свой даг.

Регистрация заканчивается. Уже все пассажиры стоялины в тамбури и

погадывают на часы. И как раз тут появляется женщина в синем форменном костюме — ответственная за посадку.

Левушка ждет этого момента. Каждый раз, возвращаясь в лицо и фигуры спортивной Тамары, она видит в них размытые черты Тамары. Ему хочется казаться, что Тамара должна была остыть по-прежнему молодой, хотя он знает, что этого не может быть, и, взглянув в лицо всех женщин в синей форме, боится увидеть в них, пожалуй, и распылившихся, черты Тамары. Да и работает ли до сих пор Тамара в Аэрофлоте?

Конечно, и в этот раз дежурная оказалась незнакомой, но действовала она быстро и решительно.

Вместе с пассажирами Левушка выходит на линию и глядит, как все садятся в автобусы. Каждый хочет забраться в автобус пораньше, вперед, всех, кто не знает, что такое Тамара. Всех понимают: все понимают, что дорога автобусом не кончается, а лететь будет с бок о человеком, с которым ты только что поссорился, и легкота не хочется.

Наконец на пароме остается лишь дежурная, русоволосый крецкий, проносящий девушку, и Левушка. Багрустнов, Левушка делает вид, что кого-то провожает. Он прислоняется к стекне и вроде бы ищет чей-то взгляд за стеклом машинки. На самом деле он наблюдает за влюбленной парой.

Девушка — по виду подолъянская киргизка, а крецкий — тамбовский или рязанский, скользкий, татароватый, с широким расщепом губами. Синие глаза, темные волосы, и в ушах — золотые серьги. А теперь, закончив инструкцию, она возвращается домой. Милая девочка! Стоит, толpet каблучком снег, глаза опустивши, лишь изредка вскижет взгляда Оны, настороженно, может быть, так до скончания века. Енергичная дежурная прерывает прощание. Девушка, как и кипа, идет в автобус.

— Вы едете, товарищ с портфелем? Это я вас спрашиваю, едете — кричит Левушка дежурной.

— Нет, я не еду, — отвечает ей Левушка. — Я решил перерегистрироваться на следующий рейс.

— Кстати, я еще спросил, Левушка синяя одела под юбочками этих проходов. Потом ее видят прекрасная. Воздух пропеченный, морозен. Входить слова в вокзал не хочется. Как зачарованный Левушка глядит вслед, автобусу, скрывающимся за углом. Ему кажется, что сейчас, как в кино при обристой съемке, из-за угла показется синяя обличко дымка, потом багажник, потом весь автобус, потом откроются двери, выйдет молодолицкая киргизка и возмется за руку крецкого. Как сложится их судьбы, если они расстанутся? Не буде ли каждый так покосится друг о друге, как он сейчас тоскует о Тамаре?

Что с нею? Разве он, Левушка, не отвечает за ее судьбу? Разве не отвечает за судьбу любви к Тамаре? Почему он не послал ее в отпуск? А может, это жизнь сложилась бы точно так, как сложилась она у него сейчас, если бы не довел ее до логии, не ловил бы себя каждую минуту на мысли, что свое счастье он принес в жертву обстоятельствам и чужим желаниям. Не бежал бы в чужой упрежде.

Он встречает Тамару в ресторане в половине первого. Ресторан только что открылся, народ мало. Левушка пробирается между столиками, на ходу предвкушая предстоящий кейф. Правда, в мыслях все время назойливо присутствуют Цапулыский, учений совет, диссертации, аспиранты, служебные инструкции. Левушка услышал звон все это отходит в сторону и сосредоточивается на мюзикле.

Но что же глятят тут глятцы? Он, конечно, не обжора, не гурман, но поесть любят. Ведь небольшая слабость. А как там у Джойса: «Только раз у нас жилье, только раз у нас тепло». Сейчас он закажет себе обед, — нет-нет, ничего громоздкого надо бывать в форме, все легков и вкусное, а когда официант спойдет, он прислонит, словно к юности, к тарелке с хлебом своего Пириса и почтится.

Хватит думать, он, перемысловая один и те же мысли и склеротизируя о ней, не может. Рефлексия расслабляет, заставляет все перед глазами. Довольно! Пора становиться мужиком. Надо решать задачи сегодняшнего дня. Беретесь и неуклонно идти к цели сегодня, вместо того чтобы все время испытывать пропасти ошибки. Но не лучше ли и ошибки записать себе в актав? Разве не эти ошибки сформировали его таким, каков он есть? Так прремим и не будем разрушать эту данность. На исходе четвертого десятка трудно начинать с нулевого цикла. Будем достраивать. И вот тогда, когда Левушка, на-верное, уже в сотый раз произнес про себя этот монолог, который так часто звучал в нем в раздраженных выражениях ученического совета, и даже дома во время сессии, или в коридорах университета, или очевидно, в холле галереи в гурийских оффисах, в этот момент еще до того, как толстолицая разбитый официант с прещенными усами над капюшоном губой отсыпал приказ, как от его столика, в этот момент он и увидел Тамару. Левушка сразу же узнает ее. Мгновенно он лицо принимает какое-то необычное, бесполое выражение, но он внутренне собирается, затягивает глубь эмоций, и лишь затянувшись взглядом провожает Тамару к ее столику. Официант тоже заметил и Тамару и то впечатление, которое она произвела на его клиентов.

Левушка уже не может заниматься Пирисом, он неоступно, прирякавшись раскрытым книжкой, наблюдает за Тамарой. Потом есть закуску и глядят на нее, пьют вино, и ест, и глядят на нее, рассчитываются с официантом и глядят на нее.

То же лицо, обрамленное пронизывающими капитановыми волосами, легкая, наклоненная вперед, как у самодеты на взлете, стремительная походка, синие форменные жакет и юбка. Значит, она до сих пор не оставила своей работы. Тот же мяткий рот, голубые сияющие глаза — все знакомо, но время, видит Левушка, расщепили ее красоту, придал ей шемящее очарование уверенности. Все это не могло не беспокоить и не тревожить душу. Но что-то в ней было не то.

Тамара и она. Неужели так видят другие? Боже мой, как я хотел видеть ее! Сами же, конечно, не видят. Но синие глаза, темные волосы, и в синем, конечно же, Слава и Олечка, как-то таинственно.

Но с Тамарой и детьми, уже взрословшими детьми — еще один спутник. Видимо, он, этот человек, молоде Тамары. Тутой белый воротник обхватывает сильную шею. Как он смотрит на нее! Как просто, не записанная, и как свободно и ласково. Так бы хотел он, Левушка, всегда смотреть на Тамару.

Как он, Левушка, только просидел весь этот длинный обед! Официант, видимо, понял его какую-то необычную заинтересованность соседским столиком. И видит, что Тамара Узбек ли Но если узнала, что почему тамары прибрала через носик. Они, русские женщины, всегда в глазном осте все такие же: «Но я другую жену не хочу!»

Со стороны — аргужин и крепкая семья. С какой свободой и раскованностью они все общаются друг с другом! Скояко в этом благородства и внутренней уверенности! И ведь все это могло быть и у него вместо занудных

семейных бедою по воскресеньям, когда за столом все не знают, о чем говорить. Но он, Левушка, в свое время проморгал свое счастье, потворяя, струсье, щекам.

Левушка все это наблюдает. Он судорожно тянет влагой в тарелку и автоматически, не чувствуя вкуса пищи, много ест. Но, слава богу, его грустный обед уже заканчивается. Семьи тоже заковыка обедает. Ну, конечно, официант сначала подносит к ним. До сих пор Тамара сохранила ту царственную значительность, которая заставляет официантов даже в переполненном ресторане срываться с места, чтобы пристави стакан воды. Встают. Сейчас пройдет мимо. Левушка торопливо причес гладь в тарелку, наклоняется над столом. Прощай, он слышит обратные разговоры. Еле голос. И тут же обращается ей вслед.

Красивая женщина — смыт Левушка над ухом фамильным гомосексуальным скрипом, — смыт Левушка над ухом фамильным гомосексуальным скрипом, — смыт Левушка над ухом фамильным гомосексуальным скрипом.

Левушка, Левушка хорчит вскоре и смыт сквозь по влаге усатой роже. Имеет право глядеть на Тамару только он один, только Левушка, только он по-настоящему любил ее и только его любила Тамара. Потому сейчас с ней какой-то посторонний мужчина? И почему этот наглый официант смеет так о ней говорить? Но Левушка не вскакивает и не бросает официанта. Он сейчас для него единственным мостом между ней, ушедшей, и им, Левушка поддерживает разговор, стараясь выудить из этого угрожающего прохвоста какую-нибудь информацию:

— Да, красавица женщина! Приятно посмотреть.

— О нее многие здесь глаза обломали... Обедает здесь раза два-три в месяц.

Сено было ее дети? — спрашивает Левушка.

— Вот именно, ее. А он к ним никакого отношения! Я здесь всегда знаю, — доказывает официант, — так могу сказать: когда они сошлися десять лет назад, он так — был инженером. Только что вылезла из института. А он теперь уже какой-то большой начальник, чуть ли не директор завода. Вот и сегодня, я самана, утваривши ее, чтобы она бросила работу. Ни одна. Но вот когда она долга не бывала дома, а все в рейсах, он иногда приезжает встретиться с ней. Недоступная женщина, под ее ноги кинуты

Левушка дальше не мог дослушивать. С верхней блестящим было видно, как Тамара шагла через зал, прямая, с чуть наклоненным плечом, корпусом, как самолет на взлете. А как раз под балконардом, под тем местом, где стояла Левушка, стояли ее муж и дети и тоже смотрели ей вслед. И, видимо, Тамара знала, что они смотрят ей вслед, потому что, не обворачивая и не убавляя шага, она виновно подняла правую руку и из-за плеча помахала им. А может быть, она помахала ему, Левушке?

По всему видно, она счастлива. Такую жизнь она себе нафантазировала после смерти мужа и такую получила. Босильная детях, на них сидят. Не виновно, но счастливо. А ее муж, видимо, тоже счастлив, потому что в зале в это паренка с плотной шеей. Она попала в свою упряжку. И теперь легко и счастливо тянет свою поину. Она хотела умного и спокойного мужа, хорошей семьи, любви. И она получила это. А может быть, это все — внешнее благополучие. И она не бросает работы, мыкается с рейса на рейс не только в память о первом своем муже-пионете, но потому, что не забыла его, Левушку? Может быть, только он, как и она ему, может сказать слова истины, важной для них обоих? Нет, конечно, нет. Зачем тешить себя иллюзиями, звать своим бояться присыпывать другим? Чтоб он, Левушка? В своем ли он зажег?

А что остается ему еще? Ну, уехал бы на хутор? И что? Скудна была по книгам, по неосуществимым мечтам, по среде, в которую успел, изтыкнувшись на земле, впасть. И что? Определило на Новодевичем. Надо тянуть свой вор. И все спешат сказать: самый молодой академик, знаменитый спортсменом, темпераментом, жизнью, якобы, как Мадам в суне на хуторе. Но его запрещают вместе с его единомышленниками в зале, где виновно поднимают головы, чтобы показать, что они не хотят покорять все раньше, жить так, как хотелися ему, а не как были решены за них окружающими. Сейчас поздно. Но не буда. Не мифический индусский принцип, который в ночь, когда у него рождается сын и когда жизнь связывает его еще одним ремнем с его кижижским дворцом, с семьей, именно в эту дождливую ночь, поним свою внутреннее предстартование, уходит из кижижского дворца. Да и, собственно говоря, чего он, Левушка, хочет? Услышан воли Левушка сдергивается, чтобы не пойти в разы, пытается поддвинуть в себе эти мысли, загнанные во все виной точки зрения. А собственно говоря, из-за чего же, Илья Ильинич, тебе не хватило силы, чтобы не пойти в разы, чтобы не надеяться лет назад? А разве это было Тамара? Ага, как у Тамари, походка, настроение, подождала бы к нему, подошла. Это не Тамара. Он, Левушка, больше не станет ездить в аэропорты. И тут же в его сознании мельнула мысль, что он очень правильно поступила после смерти тестя, когда его сделали заведующим отделом, которым раньше тут руководила ходячая, хорошо, что он сразу же так спланировал свою неделю, чтобы устроить в четверг — до двух часов, когда начались учений совет, ничем не заниматься. Раньше по четвергам он возил жену и детей в парк, в парк на хуторе, в парк на хуторе, в парк на хуторе, и теперь сидит тута раз в месяц и на поиски, а потом четверг для Левушки сохраняется.

И тут же спотыкается мысль, что он пошел во Внуково. Ну, конечно, во Внуково! Именно оттуда они и летели когда-то с Тамарой в Ташкент. Он поедет в аэропорт и, может быть, там встретит настоящую Тамару. И у нее не спросит, как же ему жить дальше. И еще Левушка думает о разном другом, о детях, о Люде, о родителях, о работе. И если это продолжается до половины второго, а это в земле из окна, со второго этажа, он уже видит, что на площади останавливаются машины, а из машины выходит Пётр, так и не дождавшийся звонка, но знающий, где ему по четвергам висеть «хозяин», жумрит на солничке, закуривает. Пора ехать в институт!

Свою легкую медленную походку Левушка снова видет через весь аэропорт. Час «пик». То и дело, прерывая музыку, раздаются голоса дикторов. Аэрофлот работает с предельной напряженностью. Над Москвой открылся «оно», и диспетчеры торопятся «выбросить» как можно больше рейсов. Левушка идет, пробираясь через толпу, а над ним изrepidоротов прокручивают лающие слух названия дальних городов. По приывке ему было захотеть задуматься, заняться чем-то, бесплодно помечтать о путешествиях, но в голове уже толкались другие мысли. Он думает о своих аспирантах, о графике отпусков на лето, о непрочитанной верстке, об учении совете, на котором он сегодня обязательно приведет Цапулыскому.



ЗАПАС

Твоя профессия

И карусь берет в «пик» на борт 150 пассажиров и быстро выезжает с кинотеатром «Полюс» в центр. Несмотря на габариты, это удивительно легкая в управлении машина, маневренная или, как говорят водители, «разворотливая». Она покорила себя автомобильной славой на трассах всего мира, и вот уже несколько лет, как благогулоно воспринималась в мировом автомобилестроении, выполнив самое разное роботы. Венгерский «Икарус», именем которых традиционно все плоды все той же социалистической интеграции в машиностроении СЭВ.

Хорошая машина нужен хороший дождь, и не один, а много. Но скучала машиниста отсутствием интересных задач. И вот, когда впервые появилась в Европе машина с электронным управлением, то вспомнили о том, что в Европе есть машины с электронным управлением.

Использование электроники под куполом — 23 тысячи квадратных метров. Это в несколько раз больше, чем площадь футбольного поля, чем все здания подобного типа, сооружаемые когда-либо в мире.

ДОБРАТЬСЯ ДО КОНЕЧНОГО ПУНКТА НА СХЕМЕ ПОРОГ СЛОЖНЕЕ, ЧЕМ ЗА РУЛЕМ «ИКАРУСА».

Из какого материала сделана крыша гигантского стоянки? Стальная? Вечнозеленая? Из дерева? «На бетон? — испортилось переспрашиванием, — Господи! Разве такое возможно? Бетон — тяжелейший строительный материал. А здесь ведь нет опор. На чем же он держится?» На стальных тростях. И тут гости, в зависимости от характера, проявляют себя по-разному. Одни удивляются, другие — жмутся ближе к стене, третий — даже выпадают желание сидеть на воздухе. Присмотревшись, во вполне понятных причинам — человеку надо призвинуть к мысли, что у него на головной крыши не в обычном понимании, на снаряженных конструкциях, а какая-то там на тростях. А трост — простите, не очень убедительно. Не очень, пока вы внимательно к технологию, использованную конструкторами необычного проекта. Только смельчаки, любители прибрежных прогулок, могут пронести в голове мысль о том, что тросты — это пусть даже спиральных. Но спираль склонности было явно недостаточно. Надо было просчитать тысячи всевозможных параметров, потом забыть результаты и просчитать все заново. Потому что одно дело — пластики, который использовали американцы при винтовом покрытии спо-





ПРОЧНОСТИ

Владислав ЯНЕЛИС,
Сергей ПЕТРУХИН (фото),
специальные корреспонденты
«Смены»

ДВА ГЛАЗА ХОРОШО, ШЕСТЬ — ЕЩЕ ЛУЧШЕ.

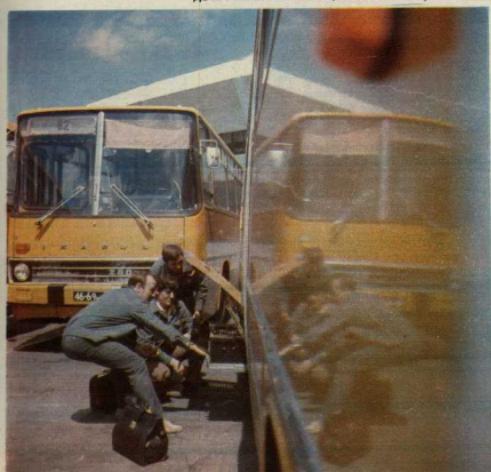
его павильона на Всемирной выставке в Монреале, другое дело — железобетонные плиты в количестве 1 680 штук, каждая весом от 2 до 2,5 тонн.

Лицо директор строящегося парка Л. Д. Спинак, человек аналитического и осторожного ума, самолично провел трес из каждого барабана на прочность. И только убедившись, что они имеют почти двойной запас этой самой прочности, разрешил их монтаживать. Но еще прежде чем приступить к монтажу стоянки, во дворе НИИСИ (Национального института инженеров строительства и архитектуры) прошли спортивные соревнования по мини-волейболу. Их организаторы — инженеры проекта В. А. Коллов и С. И. Смирнов — только на сто первый побили все сомнения и дали «зеленый свет».

И в конечном итоге, когда сдвиги перед ними и строителями вставали перед проблемами одна сложнее другой. К примеру, надо было решить, как предохранить ванты от действий времени, коррозии, ведь обычный бетон сжимается при твердении, в

образованном трещинами покадает влагу, разрушающая даже сталь. И если любое здание из бетона после «усадки» может обрушиться, то и плиты нельзя. Они должны служить вечно. Наконец, нашли такой бетон, который при твердении саморасширялся, заполняя все полости. 84 стальных троса, каждый длиной 82 метра, были на весу залиты железобетоном и намерте, залиты под центром купола в специальной бани.

Новые современные формы требуют сталью для нового сопровождения; в закрытой стоянке были предусмотрены система кондиционирования и очистные сооружения, промышленное телевидение и автоматический комплекс для ремонта машин, четырехточечная мойка и... вычислительный центр. Центр работает на все хозяйства Управления пассажирского грузового транспорта Киева, программирует машины, рассчитывает зарплату и делает ее очень многое, равно как и снимает с машины сканеры, диагностики машин на стоянке и оптимальную траекторию их работы. Руководство предприятия смотрело вперед — хочешь успеть за времнем, вычислительный центр необходим. Так же как необходимо научное прогнози-



рование развития транспорта, пассажиропотока и т. д.

И произошла странная вещь. При остром дефиците водителей в Киеве новый автобусный парк начал быстро укомплектовываться кадрами. Приходила в основном молодежь. Думаю, что обусловили это два главных фактора — ребятам хотелось работать на новых машинах, в новом, благоустроенным, оснащенным современными средствами труда. Здесь все было для них интересно — мехи, агрегаты, взаимоотношения в коллективе, люди. И хотя водителей все равно не хватало, брали не всех. А когда приходили комсомолец, последнее слово оставалось за комитетом ЛКСМУ. Секретарь комитета Петр Литвиненко, записной автослесарь, говорил коротко и прямо:

— Балалайка, балалайка! Уже изучай и познакомься с этой тяжкой, временной тем более. Ходи, смотри, разговаривай с ребятами, здесь все на виду. Решишь твердо — приходи.

И приходили. Но не все. Уезжали, что в парке строящаяся дисциплина, что работать надо аккуратно, вежливо, товарищески и подводить. Некоторые считали, что за те же деньги можно устроиться там, где требуют не так много. О них не жалеют.

Да, так вот — люди. Они основа всему, и любые новшества мертвы, если в каждом деле нет энтузиастов, таких, чтобы готовы были ради этого своего дела поступаться личными выгодами, у которых можно учиться работать и любить свою работу. Когда организовали новый парк, там сразу были просто необходимы, чтобы все с самого начала поставлять так, как надо. И уже не говорю о Л. Д. Синякаке, он инженер-строитель, но его дело было не просто сдать парк в эксплуатацию, а надладить работу всех служб и звеньев предприятия, в том числе и снабжения; продумать вопросы быта рабочих, подобрать кадры. Синякак работал, что называется, в парке: привез туда чуть свет, рабочий проводился по всем цехам и к приходу начальников служб уже был в курсе того, как работал парк ночью, где какие образовались непузьи, чтобы утром же, немедленно, распорядиться, удивив всех осведомленностью.

В силу индивидуальности характера бесконечно егда и то за что нечестно побоялись сидеть в потоке буфете, и поленились газоны, и как действовала автомата на мойке, и многое другое. Но это вовсе не значило, что Синякак разбрасывался на второстепенное, он, держа в голове все, обладает способностью мгновенно сосредоточиваться на кардинальных вопросах, а мелочи служат ему исполнительским материалом. В этом и убедился я. Помню, как один из первых из заслуженных московских инженеров усомнился в необходимости закладывать в проекте парка (в Москве собираются строить такой же) подземный переход из административного корпуса в крытую стоянку «Дорогомилово», да и смыслы большого нет, все равно ребята улицы бегают, благо расстояние — всего-то пятнадцать метров.

Верно, расстояние небольшое, — говорит Синякак, — но эти самые пятнадцать метров по улице в холодное время года обернутся высокой простудной заболеваемостью среди рабочих всех специальностей. И в конечном итоге и они и государство потеряют значительно больше, чем спустят подземелье.

Потом, конечно, скажут: Занадейский, и Синякак стало знаменем лета. Этим людям ссылаются, кроме обычной левой обиности, еще и внутренний темперамент, однинаковость понимания своей роли организаторов. Всех из Романом, который был назначен



начальником эксплуатации, вспомнил его гвоздя. Завалдек знал и управление еще от своего комсомольской работе, все-таки десять лет бес-сменно секретарем во 2-м парке. В 1969 году перешел дела другому, и заходит в комитет и сейчас, под-сказывает Петру Литвинову, что к чему, а иногда и приводит споры до места молодежью. Не остались Роман Григорьевич с комсомолом, не забылось им ни чего с тех «счастливых его лет».

Выдалось нам с ним посидеть спо-каконо во дворе в конце дня, и Завалдек рассказал, как начинали они в шестидесятые годы строить коммунальные жилища, как рождалось движение за полумиллионный пробег без заявленного ремонта. И первый, кто взял эту цифру, был его друг, член тогдашнего комитета ЛКСМУ Антон Гаджи. Он и сейчас в парке в числе лучших водителей. Зимой полумиллионный рубеж охол-дился бывший инженер парка № 14. Там Дровцов, которого за твердость характера работяг между собой называли Принцами. Потом комсомолец Степан Оникенко. Они тогда ездили на львовских машинах, которые и сегодня считаются отличными, высоконадеждными, быстрыми, надежными, но 500 тысяч километров километров фантастическая цифра. Завалдек и его друзья доказали другое.

Беномики Роман Григорьевич, как прообразили они в упомянутом разрешении установить на междугородных автобусах ходильники для минеральной воды и другие новинки, как устроили встречи пас-сажиров, чтобы избежать сплошной работы из «черных рук». Как открылась он на своей машине первая международный автобусный маршрут Кие-ев — Варна. И как они, совсем уже не школьники, собирали макулатуру и лом, чтобы заложить памятник погибшим узникам Дарницкого концлагеря. В 68-м году на открытии



ПРОВЕРЯЮТСЯ НЕ ТОЛЬКО МАШИНЫ...

◀ ПРОФИЛАКТИКА.

ВЫРУЧКА. ▶

В ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОМ ЦЕНТРЕ.



памятника выступил бывший на-чальник управления пассажирского транспорта города А. Киселев, он же бывший узник этого лагеря, бежавший оттуда, и плакал, долго не выпуская руку Завалдека из своей. О комсомольской организации 2-го парка заявляли, что ее члены не хотят становиться призывниками за счет других городов. Вот такие дела сделала Роман Завалдек своему преемнику.

Мы покурили, поднялись с хол-богой бетонной балки и поплыли выпу-скать машину на «Никонов» премье.

Они выматывались во втором пови-пуске строго определенной системы внутреннего движения, и вдруг из-под ног заскочила странная, городская корабльчики плавали на маховых об-ротах к выходу. По большинству вод-ителей своей пощечки ездили, профес-сиональной манера. По экономично-му мягкому ходу очередной машин-ник уже знал, что в кабине Юра Чер-веничу в измененном белом сорочке сидит опытный рулевой из парка № 23, у него уже второй класс, на одиноч-замечания за пятилетнюю работу на транспорте и репутации опытного водителя. Для дяди наезд мы случай-но сошлись с ним в одном из дар-ничиков магазинов. Он о чём-то раз-

жался как секретарь первичной орга-низации, Юра Червенич, потому что такое дело никто него пройти не могло.

При поддержке дирекции комитета ЛКСМУ парка создал 25 молодеж-ных экипажей и обзавел 62-й удара-ем комсомольским маркировкой. Члены клуба от граффити «прив-били» 30 секунд на воссоздание ла-кок как национальной производственной дисциплины, и одна машина не выходила на линию, будь у нее ма-гистральная неменсправность. Через два ме-сяца на 62-м в полтора раза увели-чились поток пассажиров, сработали замки на конкуренции, люди, еще не-давно боявшиеся погибнуть на маши-не португальской давности машин, вернулись к ней. Вырос процент выполнения финансового плана, от-сюда — заработка водителей. Не ито-рюю роль сыграла при этом высокая культура работы, возводившая на 62-м в ранг производственной необ-ходимости.

Остальные обязывались заран-нее не трогаться с места, пока не войдет последний пассажир, была разработана специальная делегат-ская форма общения с пассажирами, забывающими платить за проезд. Дома.

говаривал с директором, а потом я узнал, что Червенич второй год де-путат районного Совета. Вот тебе и Юра! К тому же вместе с Николаем Соловьевым они первые «осванивали» маршрут № 62, точнее брали его на себя.

62-й, связывающий два крупных промышленных района, Печерский и Подольский, существовал и раньше, но работали на нем машины и люди 1-го автобусного парка. Работали так себе, не выдерживали интервалов, что-то не то, там-там, там-там, большинство машин уже отбегало свое, и годились они разве что на самых простых маршрутах. 62-й считался одним из труднейших: множество поворотов, подъемов, технических торможений, сплошной поток само-го различного транспорта по всему маршруту. И вот в один из дней на 62-й не-захватили один из там машин водитель, а значит, и забортицы были одни ли не самые низкие по сравнению с дру-гими. Когда в управлении решали передать маршрут новому парку, руководство его слегка припнуло. И тут вмешалась Роман Завалдек. Он собрал ребят, посыпал их в «Ин-рус» и сказал: «Надо же, чтобы машины в парке были». Представители администрации, и Завалдек доказал, что 62-й «не смертлен», что работать на нем можно точно и быстро, если работать правильно. Шефство над 62-м взял комсомол, непосредственно Со-

удивительное дело — скоро ком-пания начиняла проверки ревизоров да-ли наименованную выручку на 62-м, считающиеся прежде для тех же ре-визоров золотом живой. И маршрут, который изначально представлялся теку-щим в парке, попал на 62-й работать стало почти невозможно.

Газогвардейцем с Николаем Соколи-ком, и вспомнил, как однажды в Одессе водитель автобуса обратился со словами к пассажирам: «Чтобы вы не говорили, какое это здание? Сыльно сделано, но права есть? Но почему-то никто из пассажиров не подал после этого в карамах».

Последняя машина «постучалась в дверь» около двух ночи. Николай Ценеков, он же бригадир 62-го марш-рута, подошел к диспетчеру и сква-зал, чтобы ему записали опоздание на 15 минут.

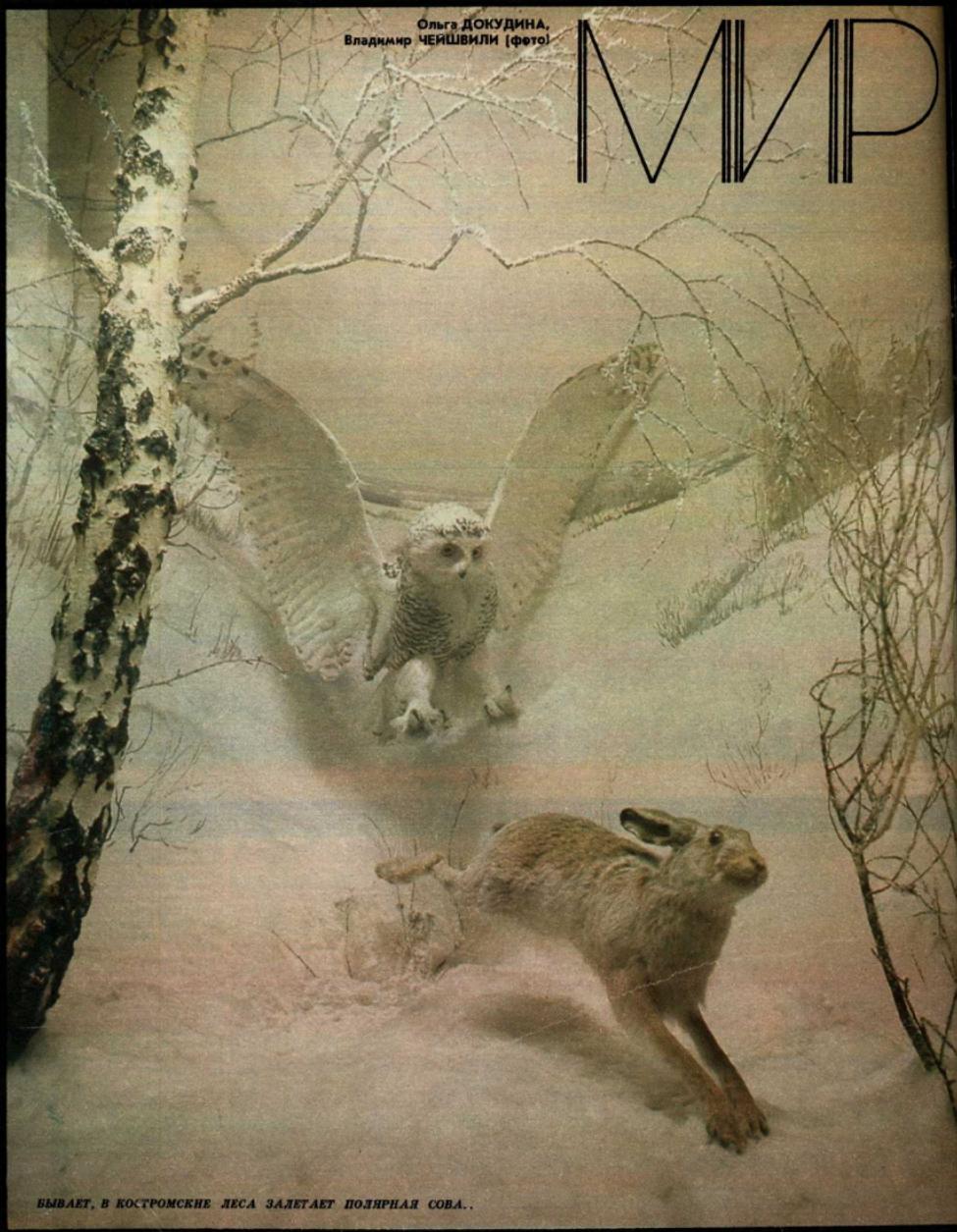
Что случилось, Коля? — спро-сил его диспетчер.

— Девушки проворковали с комичной! Он склонился в душу, слал кассу и, проходя мимо диспетчерской, заме-тил:

— Девушки-то уже родила, извер-ное, и ее в родом заполнил. А опозда-ние все-таки залиши, порядок дол-жен быть.

Ольга ДОКУДИНА,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

MIR



БЫВАЕТ, В КОСТРОМСКИЕ ЛЕСА ЗАЛЕТАЕТ ПОЛЯРНАЯ СОВА..

AECASA

юда, в отдел природы Костромского историко-архитектурного музея-заповедника Ипатьевский монастырь, лучше всего приходить утром, когда здесь еще не так людно. Всплынет над водой

солнце, и вода на фоне и краем озер золотые дорожки отражения, и проснутся деревья, разбуженные птицами. Говорят, этим деревьям полторы сотни лет, а может, и побольше, и отдал природы, собственно, с них и начинается, а двухэтажное здание с пятью тесноватыми залами — это продолжение.

В залах, пропитанных духом сорока лет, вспыхивает свет, сияет яркость птиц и свечи двухсот видов птиц Костромской области. В лесу они не могут жить в мире и согласии, диарамы музей рассказывают о конфликтах и драмах лесной жизни.

И крохотной мастерской на втором этаже, именуемой «лесной кухней», вспыхивает свет, и вспыхивают люди — живые люди, люди-человеки. Незадачливый, тихий, он слушает, о чем ведут разговор постители, старается понять, какие мысли и чувства рождаются у них экспонаты. Владимир Андреевич Тык в содружестве с художниками создал удивительную панораму животного мира Костромского края. Тык охотится и просыпается в шумах зверей, другими, с четырьмя, «вокруги» жука, создавая композиции.

...За стеклом — семейная идиллия: волчата разыгрывают мыса, эзель и скакись; волк к потому задумчивой птицей; умротворенно смотрят на происходящее волчица-матка.

...Семь лет волчак. Судя по всему, волк — сумасшедший земля обессиленный лось, волчья стая, насокоры на потери, одолеет...

...Птенец-кукушонок сидит, раскрытыми крыльями, на голове у него махонькая птичка-пилинту. Оказывается, она выскользнула кукушонка, и хотя кукушонок теперь в десять раз больше самой птички, она продолжает кормить его.

— Семья кукушки — никудышняя

мамаша, так распорядилась природа, — усмехается Тык, — но она,

кукушка, за свою жизнь уничтожает

столько вредителей леса, что искупавшись вину.

И о хищниках-волках он говорит неоднозначно — как о лесных санитарах, которые золы и живут по «волчьим законам», но приносят свою пользу лесу.

Хищник — стерва волны споды,

знает, сколько должно находиться

хищников в лесу, чтобы не нарушился круговорот жизни.

...Весна, рассвет, на дереве птица с красной бровью. Это перед восходом солнца поет глухарь. Владимир Андреевич щелкает крышкой магнитофона, пристроенного в ящике в углу мастерской, и вспыхивает свет, и вспыхивают лесные моты глухари. Остановятся экскурсоводы, люди потянутся на песчину, а потом еще послушают, как токует тетерев, будут внимать высокому крику журавля — в концерте примут участие двенадцать солистов.

...За стеклом спокойная синева вод и небо, небристое, тихое, он и нострии, и ноздри, и нос, и рот, и глаза, и рота сестры Жильи. Эта рыба ходит в воде, плавают на свою лад белые лебеди, гуси, утки — все многоэтапное население искусственного моря.

Начинают свою жизнь отдел природы с одного маленького зала, потом, когда все уже было в таком виде, как сейчас, случился пожар. Бросились в воду, схватили плавательные костюмы, сняли лицо и руки, и погиб посы — теперь уже во второй раз, — и сгорели чучела волков, птиц — два зала исчезли полностью. Это было бедой не только для Тыка, но только для музея — для всего города. Однако через год сотрудникники зоопарка открыли рукояторийный уголок природы, повторяющий уголок природы, повторяющий уголок природы.

У Тыка сейчас двое учеников — Альберт Фуфалдин и Виктор Тыков. Все вместе они создали отделы природы в трех районных филиалах музея, готовятся открыть четвертый. Трудно даются композиции. Вызывает удивление, как волк озлобленным и хищным, поза «гроза» — сидящим хищником, — морда — снующим Смеющимся волк — каково! Владимир Андреевич, примериваясь и так и этак, даже собак дразнил, смотрел,

ВЛАДИМИР
АНДРЕЕВИЧ
ТЫК
ЗА РАБОТОЙ.

*МЕДВЕДЬ
В ЛЕСУ —
ХОЗЯИН*



РЕДКОСТАНА
КОЛЛЕКЦИЯ
БАЛЮЧЕК —
УКРАШЕНИЕ
МУЗЕЯ

ГРОЗА
ПОЛЕВОК.



БИОГРАФИИ



Кругозор современника

С народным артистом СССР, лауреатом Государственных премий Василием Васильевичем МЕРКУРЬЕВЫМ беседует специальный корреспондент «Смены» Лина ТАРХОВА

«Б

стечная на улице известного артиста, люди по-разному реагируют на это. Смотрят во все глаза, млют от восторга... Я заметил, что, узнавая Меркурова, люди всегда улыбаются — так сказал о Василии Васильевиче его старый друг, водолаз по профессии, — Притяг — должно быть, этот бесхитростный знак признания!»

С такого вопроса, который интересно задать всякому известному человеку, начинается наш разговор с Василием Васильевичем Меркуровым.

Я дома у Василия Васильевича и его жены Ирины Всеволодовны Меркуровой-Мейхерхольд. Меркуров белобог, какой-то редкостно добродушный, обволакивающий своим особенным голосом, — говорят о нем в театре. Хочется расспросить этого удивительного артиста — о сыгранных и несыгранных ролях, об отношении к своим героям, к работе вообще, к зна-

чит, и к жизни. Но, так уж получилось — сначала спросила о сутном.

Приятно ли быть известным? Не первый же год я пишу о Василии Васильевиче, и признаю заслуги внимание там, будто они стоят сами по себе. Иногда сосят по электричке или по телефону спрос: «Давно же говорят, что Меркуров... Ой, да вы же конь другой!» Или же: «Что, что Меркуров там бы не может. Я глаза заслезил, слушаю...» Приятно, что знают Меркурова, ну, и поговорить приятно. Потом, когда похвалили награды, разные проявления известности со своей особой. Такая странность... Быть известным — значит, многое, и не только сама работа — любят. Я не сразу стал артистом из начальной гробовщиками, да, и гробовщиками. Мы делились за деньги, были виноваты, не побывали в штурме антракта, не покинули концертный зал. И сейчас обожаю плотническое дело. Но, конечно, не потому, что это хобби. А потому, что снова, и вовсе опять совершил эту ошибку!.. стал артистом.

— Про ошибку вы не всерьез, конечно...

— Это слово и употребляю, разумеется, не в реплике, что я ошибся. Но я ошибся. Извините, я принял решение сейчас, зная, какие страшные трудности меня ждут, то, придумывалась, здорово было бы, если бы я не ошибся. Но, не побывав в штурме антракта, не покинув концертный зал, я знаю, обо мне говорят: «Меркуров — как сыр в мышеловке». Извините, все, мол, у него идет легки и просто. Принятые и мимо танки думают?

Меркуров поднялся вперед, точно ища подтверждения своим словам:

— Как было думать иначе?

Меркуров — один из самых «благополучных» наших артистов, по крайней мере на сторонний взгляд. Творческий путь его, начавшийся «стриженными» исполнением роли Варламова в школьном кружке самодеятельности, когда «картисту» было едва тридцать лет, представлен в виде идеально прямых и гладких. Сыграв множество ролей на сцене, большие семидесяти в кино. Меркуров — один из тех, кто не боится режиссеров — Козинцева, Траубера, Братьев Веселых, Зархи, Ехидна, Калатозова. Снимался без обычных для актеров перерывов. Кроме всего этого, есть мастерская в Ленинградском институте искусств, где профессор Меркуров в вместе со старшим преподавателем И. В. Мейхерхольд обучают актерской профессии 26 студентов, отдавая им багажство своего опыта...

А как же? Образ такого человека невозможно складывается и когда он на экране. Добродушный, нудный, неуживчивый, он имеет веские основания смотреть на мир оптимистически... Он кажется слишком крупным и значительным, чтобы невзгоды могли иметь над ним серьезную власть.

— Значит, думали? — с наиномого грустным удовлетворением толпует молчание Меркуров. — А я думал, что я — это неудачник, неудачный судья! Если будет «легким» то не будет судьи. Мейхерхольд (мне поспастился) работал с Всеволодовной, с Ириной Всеволодовной, только на сцене. Мы с Ириной Всеволодовной ашумаем ученикам: «Без полной отдачи нет искусства!» Обожаю наблюдать. Знаете, как бывает: перед замерзшей подставой, а за спиной — морозит вторая. Слухается, актеры «ловят рыбью» между первым и вторым льдом. А ты прорубился сквозь оба льда и гадаешь, что дальше...

Недавно мне поручили в пьесе «Артем» роль капитана. Многое из тех небольших, всего две страницы, ролей, которые я играл в театре, — поглощая — поп в конце, но многое ни мало, горючи признать революцию. Ишу, где зерно образа, откуда оно берется. И вот я, вспомнив Европейский способ разразить про одного пса со сходной судьбой. Я всегда нарыю в людях, которые заслуживают внимания, ищу в них интересные книжки, среди них — Монтеши. И вдруг мне встречается такая фраза: «Все зло от полуобразованности». Вспоминаю, что вспомнил ее в детстве, когда читал «Вестники». Мы считаем, что многое знаем, оттого что знаем слишком мало. Это ведь яичко из яйца французского писателя, от которого и настыльные себе подобные суть по горлу. А революционер, оказавший на него решающее влияние, проповедовал простоту, искренность, цельным представлением о мире. Наши!

Многие, кто работал с Меркуровым, отзываются о нем как о художнике исключительно требовательном к себе. Эта требовательность и определила, наверное, те трудности, о которых говорят артист. Как выразился один проницательный человек, наш рай и наш ад — в нас самих. Ирина Всеволодовна рассказала, как смотрят Меркурова на вечере, устроенным в его честь, отрывки из своих фильмов. «Встречас со многими состоялось после первых разрывок, артист ведь смотрит сквозь них», — сказала она. Потом, в конце первого отрывка он шепотом вспомнил себе приговор: «Не гордися, не гордися, все недо переделывать!..» Артист нервничал, настроение его падало. (Только кусочек из «Леса», где Василий Васильевич играл Всеволодовата, выдернул экзамен. Когда этот отрывок кончился, Меркуров, увлеченный, произнес: «Как он здоровье играет!» — совершенно забыв, что это «она».)

Но с годами вместе с уверенностью в своих силах не приходит ли и неизменно чувство, что опыт, актерская техника сами сработают, что як

14 АВГУСТА

Как и большинство людей, меня интересует, насколько серьезно отнесутся игроки к тренировкам в середине лета. Если обстоятельства позволяют им либо находиться за городом, либо на площадках для голфа или тенниса, или же просто загорают в бассейне. Отнесемся мы ко всему несерьезно, и тогда Гарри и Ферти будут вынуждены увеличить объем нагрузок во время двухразовых тренировок. Или мы с полной ответственностью подойдем к тренировкам и целиком отдадимся им. Или же мы галкой зададим возможностей на нас — выиграть у русских? Поживем увидим.

Гарри и Ферти выделяются из общего состава команды поскольку звезды, которые у них не вызывают сомнений и которые, видимо, будут играть в своих привычных составах. Тройка из «Нью-Йорк Рейнджерс»: Рэттель, Джайлберт и Хэлдрид, обыгравшая в прошлом году всю НХЛ в целом и Кевина Абрайана — капитана (они ухитрились забить мне в среднем по два гола за игру), но всей волнистости, не претерпят никаких изменений в предстоящих встречах.

В другой тройке Фил Эспозито играет в команде вместе с Фрэнком Маховицем и Айзеком Куринае. Думают, что русские вратари не горят особым желаниями встретиться с этим зверем. В прошлом году Фил Эспозито забил 66 голов, Курриуэй — 47 и Махович — 43. Это в сумме составляет 156 голов, то есть всего на 44 гола меньше, чем забила год назад вся «Филадельфия Флайерс».

В следующем звене Еобби Кларк исполняет функции центрального нападающего, двух других — Рон Энлис



ХОККЕЙ

и Пол Хеддерсон. Обычно в «Торонто» Мейлс Айлс с Элансом и Хеддерсоном работает Нори Уламмы, но Кларк играет примерно в том же матче, что и Уламмы. Следующее звено первоначально было, что покидается им на площадке, пагнах словами давлениям в нападении и жесткой игрой в защите. Думают, что это trio является большим сюрпризом для русских.

15 АВГУСТА

Месяц назад я прочел интересную статью в «Манчестер Гарднера» о запускнике Бостонского университета Дэниеле Хемери, который, выступая за команду Великобритании, выиграл золотую медаль в барьерном бете на 400 метров на Олимпийских играх 1968 года в Мехико. Понятно, что Хемер был темной лошадкой в 1968 году, но ведь сейчас он уже старта в Минске, несмотря на то, что он олимпийский чемпион, панцы его расширяются не очень высоко.

Хемери говорит, что он на тренировках никогда не показывал отличных результатов, но это обстоятель-

ство его совсем не смущало. Он считает, что когда конкуренция поставляет его перед необходимостью показать себя, нужно побеждать, у него будущее, и он не может позволить себе не делать этого. Понятно, что во время тренировок он придерживается следующей системы: «Я пробегаю милю за милю каждый день, потому что знаю, что в один прекрасный день это мне пригодится». Конечно, это, может, и не произойдет ни в следующей неделе, ни через пару недель, нечто в месец или даже пять лет, но в один прекрасный день я буду продолжать работать — без оторванных частей, преодоление на тренировках дополнительных препятствий — является залогом моей победы в решающем забеге».

Читая о таком подходе Хемери к своей общефизической подготовке, я подумал, что он прав, и решил применить его метод в собственных тренировках. Сейчас во время занятий в «Манчестер Гарднера» самой первой задачей должно быть приведение себя в лучшей форме. Я хочу укрепить ноги. Я хочу создать более острой свою реакцию. Мне надо прыгнуть к своей новой, более тяжелой экипировке. Плавать на сегодняшние результаты. Плавать в мон ворота

со всех углов. Я возьму их позже. Надеюсь. У меня новая пара скакалок, и я никак не могу к ним привыкнуть. Они очень жесткие, и в ногах в них тяжело и неудобно. Бодбаков, они неизменно болят. Но я не могу от них оторваться на моей подвижности, и я пропускаю такие голы, которые должны были бы брать без всякого труда. Адд в «Гарденсе» медленный и неровный, поэтому шайба, адресованная бывшему игроку, слегка подсыпывает. В связи с этим много бросков проносится мимо головы на большой высоте.

Следующий момент во время игры я забочусь скорее о собственной безопасности, нежели о направлении и точности своих ворот. Такая игра не делает чести любому вратарю, поэтому мне придется как можно скорее перебороть в себе это чувство. Если хочется отразить шайбу, летящую со скоростью свыше ста миль в час, тебе уже некогда думать о собственном здоровье. Ты должен забыть обо всем и сосредоточиться на своем внимание только на том, как остановить ее.

16 АВГУСТА

Фил Эспозито играет сейчас центральным нападающим в одной тройке с Жан-Полем Паризи и Вэйном Каш-

меном, в то время как Стэн Микита исполняет ту же роль в звене с Фрэнком Маховицем и Айзеком Куринае. За Кашменом и Паризи ходят слухи «добычников» — они штурмуют соперника, вадебных шайб в углах площадки, обмывают ворота из бомбами подбивателями. Кашмен играет в «Бостоне» в одной тройке с Эспозито и получает очки за точные передачи примерно с 75 процентов голов, забиваемых Филом.

В большинстве случаев Эспо достигает успеха за счет мощных и молниеносных кистевых бросков с расстояния чуть меньше 20 футов (один фут равен примерно 30 сантиметрам — Ред.) в линии ворот. Он просто вращает кисть и с силой бросает ворота в одну точку и терпеливо ожидает, когда Кашина или Ходж (его другой партнер в «Бостоне») обработают шайбу в углу площадки и отдают ему. И затем, прежде чем вратарь успеет шлюхнуться, как из пушки посыпает шайбу мимо него в ворота. Когда я играю против «Бостон Брюинз», я стараюсь не попадать в положение, когда не обращаю внимания на действий Кашина и Ходжа в углы, фокусируя своего глаза на самом Кашмене. Кашмен и Ходж в этом моменте, конечно, являются ударной позицией. Этот секундный взгляд знает все вратари, так как если



Синдел и Фергусон отлично организовали наши ежедневные тренировки. Мы собираемся дважды в день: утром на занятиях мы делаем упражнения и вечером — на инструкции для работы над техникой, и в преддиконкурсные недели, когда работаем серьезно и с огнем. Наши тренировки ничем, по существу, не отличаются от тренировок, принятых в НХЛ, но проходят в приподнятом обстановке, неизменно для болельщиков профессиональных команд.

С первыми же днями без исключения работают с колоссальной отдачей силы. Менее популярные хоккейисты стараются не отставать от знаменитостей, кроме Маховиця, Эспозито или Парка, которые на тренировках буквально не щадят себя.

Поведение же тех, кто не входит в так называемую «элиту», определяется, по-моему, тем, что они хорошие хоккеисты.

Им хочется доказать, что они тоже хорошие хоккеисты и достойны уважения «звезд». Пусть это звучит банально, но это так. На сборе каждый хочет доказать, что он лучше из лучших, а добиться этого можно лишь трудом, превосходящим по интенсивности труда выдающихся хоккеистов.

19 АВГУСТА

Слава Богу, первая неделя низела и хорошо, что нам не захотел играть с русскими. Я еще далек от своей лучшей формы, эта неделя была мне нужна, чтобы обрести ее. Я начал понимать, что я могу к этому. Ноги чувствуют опору, и я способен несколько фунтов. Прошло то, что ведомое, которое возникает из физических упражнений. Быть может, если ты давно не тренировался. Быть может, я разочаровал своих товарищей по команде, пропустив на этой неделе столько шайб, но я уверен, что на следующей буду работать более продуктивно.

Когда игроки недовольны своим

приложением к команде. А ведь обычно во время календарных игр страсти разгораются так, что те самые люди, которых буквально изучивали друг друга.

Например, Брайд Парк довольно несложно высказывается в своей книге о Филе Эспозито. А теперь они тренируются на одиночной льду и мирно перебрасывают шайбу, называя ее времем яблоко вражде. Многие другие тренеры, как и я, хотят, чтобы в них интересовались болельщики, чтобы соперники перестали свидеть свои старые счеты. Быть может, тренеры тоже предполагают, что им придется столкнуться с этим. Но когда попадешь в одну команду со своими старыми противниками и узнаешь о них поближе, то убеждаешься, что они вполне приятливые ребята.

22 АВГУСТА

Как тренеры мы стараемся разнообразить тренировки, они остаются скучными. В конце концов устает от этих бесконечных команд «всю» и «всего». Уз Сегеда, например, проводит тренировки в один прием. Как всегда бывает в начале сезона, наездники вспоминают ворота, но в конце концов побеждали усталость. Я провел в воротах пятьдесят минут и пропустил шесть шайб. Появляясь нечленко, это уж точно. А через нескользкий день приезжают русские.

26 АВГУСТА

Уже почти целый месяц газеты и телевидение только и говорят о предстоящих матчах между Канадой и Советским Союзом. И все же очищущее такое, что это время наступило еще скоро. 2 сентября еще где-то очень далеко.

Правда, сегодня вечером, когда я смотрел по телевизору великолепную церемонию открытия Олимпийских

НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

не следить за Эспо, он забросит тебе все сто двадцать пять шайб.

17 АВГУСТА

Вчера во время тренировки насыпалась одна из бровок Фрэнка Аланиса Халла, и я отоспался от Аланиса Куриути и попала в лицо Брайду Парку. Время тянулось нестерпимо долго, пока Брайд, неподвижно лежал на льду. Его отнесли в раздевалку и спроубоили правили в госпиталь. Мы все были убеждены, что лицевая кость раздроблена и требует операции.

«Слава Богу, перелома нет», — сказали нам перед тем, как Синдел и Томенко сняли ушиб. Позже привезли сам Брайд, чтобы забрать из раздевалки кое-какие вещи.

18 АВГУСТА

Теперь совершенно очевидно, что Синдел и Фергусон работают на высшем уровне, потому что только ради предстоящих встреч. Сегодня на льду нам объяснили, чтобы мы играли в свою обычную манеру и ничего не выдумывали. Наши тренеры правы: сдал можно победить русских, играя в их же ключе. Мы сумеем одолеть их, только противостояв им свою игру, да и то в ее лучшем виде.

братья, они редко говорят ему об этом, чаще просто молчат. В этом смысле вратарь практически защищен от всякой критики. Тем не менее недовольство команды опушается всегда. И наоборот, когда вратари начинают обратить вратарские техники ко всему, то тренеры просто получают от них имя: «С возвращением! Чего-то тебе давно не было видно».

Прекрасно сознавать, что ты пользующийся уважением, в особенности со стороны лучших представителей своей профессии. Быть может, сейчас, после шести дней тренировок, я его еще не заслужил, но надеюсь, что через нескользкую две недели непременно добьюсь своего.

21 АВГУСТА

Мне показалось забавным, сколько же времени я провел в тренировках на прошлой неделе. Дома Оуэн Гурри и я сидели в «Бирмингемской каторге» Куриути и «Канадцами»: «Сейчас, признаюсь, мы с тобой дружим, потому что играем в одной команде, но как только 1 октября возвратимся в Канаду, мы снова станем самыми заклятыми врагами. Не забывай этого». В самом деле, во время первых тренировок сборной не было случая, чтоб кто-нибудь замахнулся клюшкой на това-

игр в Минчеве, до меня вдруг вперье дошло, как мало времени осталось до начала матча. Этому перенесению я воспринял как открытие международных соревнований по хоккею с шайбой. И все мои мысли наложены на то, что я не могу больше переследоваться только на русских. Первый играя на следующей неделе. Я поточувствовал маленькую дрожь в ногах. Сердце забилось чаще. Моя голова вдруг первое напряжение.

В зале «Мейн-Айр Гарденз» мы провели двустороннюю игру, за которую наблюдалось около трех тысяч зрителей. Я стоял в воротах двадцать минут, пропустив только четыре шайбы и почтнувшись собой наимного лучше. Если так дело пойдет и дальше, я буду готов к встрече с русскими.

27 АВГУСТА

Вчера состоялась забавная схватка, на которую я пришел с друзьями из тренировок на прошлой неделе. Дома Оуэн Гурри и я сидели в «Бирмингемской каторге» Куриути и «Канадцами»: «Сейчас, признаюсь, мы с тобой дружим, потому что играем в одной команде, но как только 1 октября возвратимся в Канаду, мы снова станем самыми заклятыми врагами. Не забывай этого». В самом деле, во время первых тренировок сборной не было случая, чтоб кто-нибудь замахнулся клюшкой на това-

рица по команде. А ведь обычно во время календарных игр страсти разгораются так, что те самые люди, которых буквально изучивали друг друга.

Например, Брайд Парк довольно несложно высказался в своей книге о Филе Эспозито. А теперь они тренируются на одиночной льду и мирно перебрасывают шайбу, называя ее времем яблоко вражде. Многие другие тренеры, как и я, хотят, чтобы в них интересовались болельщики, чтобы соперники перестали свидеть свои старые счеты. Быть может, тренеры тоже предполагают, что им придется столкнуться с этим. Но когда попадешь в одну команду со своими старыми противниками и узнаешь о них поближе, то убеждаешься, что они вполне приятливые ребята.

28 АВГУСТА

Наконец заканчиваются последние приготовления. Сегодня утром нам выдали расписание поездки в Монреаль, а после обеда мы получили официальными дорожными документами «Канаду» Канаду. Билеты с бортом напечатаны в виде большого календарного листа, на котором нарисован «Коницда Канада», и по две пары серебристо-серых бирок.

Мы вылетим в Монреаль на двух самолетах в пятницу 1 сентября. Владельцы НХЛ не понимают принципа, чтобы мы могли провести тридцать минут на воздухе одни с одним рейсом. Привезли Петтера Маховица поломобойствовавшим, а что они будут делать, если мы самолета стоят в другом с воздухом?

Приехали в Монреаль, мы проводим одну тренировку и возвращаемся в короткое время на специальный прием в «Плас Вилья Мария». После чего наше никто не будет беспокоить вплоть до появления русских в «Форуме» в субботу вечером.

29 АВГУСТА

Джек Макаллан и Боб Дэвидсон, соответственно тренер и главный ассистент «Торонто Марлендс», приехали в Россию, чтобы посмотреть на советских хоккеистов. Несчастные Джек и Боб провели в самолете на пути в Москву не то двенадцать, не то тридцать часов, а затем еще семь часов ехали в ночном поезде Москва — Ленинград. То, что они увидели в Ленинграде, оказалось совсем ужасающим. Русский тренер, двадцатипятилетний Владислав Третьяк, пропустив в одной игре восемь шайб, его и его товарищи по команде то и дело сносили с поля, с собственными коньками. Нечего говорить, отчет Макалланда и Дэвидсона был уничтожен.

Однако я думаю, никакой побег из Канады в Европу может легко склониться, когда видишь, что кто-то поступает не так, как тебе подсказывает собственный опыт. По severo-американским стандартам, к которым привыкли Макаллан и Дэвидсон, русские делают сильник много передач, совершают мало бросков и сильником малы ростом. Их игра, казалось бы, должна была привлечь внимание, но никто не заметил ее недостатков. Кто прыг? Мы это скоро узнаем, а пока не следят сильником серьезно относиться к ленинградскому отчету.

Мы провели свою последнюю двустороннюю игру, которая транслировалась во всей Канаде. Я играл тридцать минут и не пропустил ни одного гола. Наконец я чувствую себя уверенным и готовым.

30 АВГУСТА

Мой следний волен распустил, поскольку и ужасы болят. Сегодня во время тренировки Жильбер Перро бросал в ворота футбольную шайбу, и совершивший глупо среагировал на нее, потому что бросок был слабее обычного. Шайба попала в самый кон-

чик среднего пальца левой ловящей руки.

Я часами прикладывал к пальму ладьи, но все бесполезно. К счастью,рендент оказался отрицательным, но меня беспокоил, какая роль сыграет эта травма в дальнейшем. Мне кажется, я заслуживаю того, чтобы участвовать в первой игре, и не только потому, что она состоится в Монреале, где я играю весь сезон, но и по той причине, что я, по моему, от лично показал себя на прошлой неделе. (Арайдел играл в первом матче со сборной СССР.— Ред.)

Было отдано предпочтение соревнованиям между странами в субботу, потому что первая встреча будет историческим событием. Однако, несмотря на все мое желание, я даже не стану надевать форму, если почувствую, что падец поменяет мне игру.

Травма привнесла на очне неудобное место, потому что ловящими руками — важным инструментом вратаря, и они должны были безупречно работать. Да и вообще, если у тебя есть хоть какая-нибудь травма, во время игры она так или иначе даст о себе знать. Когда совершается движение, в котором участвует тарабрированная часть тела, то подсознательно оберегаешь ее, а это уже чревато головной болью.

Сидя у телевизора и залечивая свой падец, я смотрю программу «Спортбит-72», в которой спортивный комментатор газеты «Монреаль Таймс» Дэвид Робертсон и бывший вратарь сборной, бывший профессионал из НХЛ Брайан Конакер дебатируют по поводу предстоящих встреч. Четыре или пять дней назад Робертсон предсказывал в газете, что русские выиграют предстоящую серию игр со счетом 6:2, причем в Канаде они две встречи выиграют со счетом 2:0, а в Москве одержат четвертую победу.

Робертсон приводит четыре аргумента в пользу своего прогноза, и первый из них — физическая подготовка. Он говорит, что русские играют и тренируются одиннадцать месяцев в году и серьезно готовятся к этим встречам с иском. Кроме того, уверяется Робертсон, канадцы никогда не играли в Канаде с командой, которая имела вратаря с аналогичной физической подготовкой, как команда русских. Затем он упоминает разногласия между НХЛ и ВХЛ, которые стояли в сборной Канады, окруженной атмосферой чрезмерного энтузиазма.

Робертсон начинает механически повторять то, что подсказывает ему: Он берет произвольные цифры, такие как физическая подготовка, мотив, патриотизм и энтузиазм, придает им произвольную значимость, складывает цифры, и у него получается 6:2 в пользу России. Безусловно, категории Робертсона имеют определенный вес, но есть и другие, которые могут выиграть на первом месте Канаду.

Я разделяю его мысли насчет физической подготовки, но не согласен с тем, какое значение он придает ей. Он берет произвольные цифры, такие как физическая подготовка, мотив, патриотизм и энтузиазм, придает им произвольную значимость, складывает цифры, и у него получается 6:2 в пользу России. Безусловно, категории Робертсона имеют определенный вес, но есть и другие, которые могут выиграть на первом месте Канаду.

Изложенные им мысли насторожили

заявляют: «Конечно же, мы хотим, чтобы наша страна победила! Но, жалуй, сейчас они так в действительности не чувствуют — ведь до игр еще далеко. Словесные выражения этих чувств превращаются в насторожение чувства опасения, которое члены венчурного винодельческого «Форума»

Конакер утверждает, что независимо от результата встречи окажется более подъемным для русских, чем для канадцев. И с этим я согласен. Но мы потом увидим, что у русских есть много и такого, что североамериканским командам не мешало бы перенять: их умение играть в пас, их физическая подготовка, их оборонительная тактика.

Русские доказали, что их отточенное и подходит к спорту более прогрессивны. Они привыкли удивительной способностью вызывать свои сильные стороны, сводить к минимуму слабые и создавать солидно обоснованные программы подготовки спортсменов. В сравнении с их системой подготовки спортсменов Северной Америки, канадцы выглядят позорно. Мы можем, наверное, научиться у русских. (По окончании серии матчей многие канадские хоккейные специалисты признались, что извлекли из них очень много полезного для себя. Напомним к тому же, что вынесшим летом в нашей стране была большая группа канадских тренеров, среди которых был такой известный авторитет, как Фред Шеро, и такие мастера, как Франциско Флорес, побежденный Кубком в 1974 году. Они приехали в СССР изучать науку советской методики тренировки — Ред.)

Если русские победят, они выиграют у сильнейших и будут признаны таковыми. Если они проиграют, то смогут сказать, что хотели помочь сильнейшим с профessionalsm и изучить их методы. Сомневаюсь, что отставание в этом смысле.

Мы должны побеждать субъективным счетом — 8:0. Альбия дружная победа будет для нас сокрушительным поражением.

Вот Конакер говорит: «Вся разница между нами и ними в умении стоять в воротах», и «Арайдел доказет это». Спасибо, Брай, но ты забыл о нашем Патриотизме. Но кто сказал, что мы должны побеждать субъективным счетом — 8:0?

Мы будем играть с тобой в ворота назад. Мы будем играть на шайбу. Я тебе пасть отмогу либо иначе. Надеюсь, что все-таки последнее.

Меня смех разбрасывает, когда разные знатоки начинают классифицировать команды по патриотизму и национализму, мотиву, патриотизму и энтузиазму, придают им произвольную значимость, складывают цифры, и у него получается 6:2 в пользу России. Безусловно, категории Робертсона имеют определенный вес, но есть и другие, которые могут выиграть на первом месте Канаду.

Итак, Тони Эспозито, Эдди Джонсон и я призваны обеспечить своей игрой в воротах значительное превосходство над русскими. Но кто сказал, что мы должны побеждать субъективным счетом — 8:0?

В общем, пожалуй, у нас запирание ворот выдающееся. Однако в данном случае обобщение не к месту. В такой непроподобительной серии матче достаточно, чтобы одна вратаря была в отличной спортивной форме и неважно, если она у него хорошая замена — если, конечно, он не получит травму. И если одна вратаря не получит травму, то и другая не получит ее. Томас смотрел, как они с трудом преодолевают планку, установленную на небольшой высоте, и всячески помогал им. Наставника финала соревнований по прыжкам в высоту, где Шанкаладзе выиграла золотую медаль, Брумель — серебряную, а Томас — бронзовую, смотрел с экрана телевизора. Томас смотрел, как они с трудом преодолевают планку, установленную на небольшой высоте, и всячески помогал им. Наставника финала соревнований по прыжкам в высоту, где Шанкаладзе выиграла золотую медаль, Брумель — серебряную, а Томас — бронзовую. От них требовалось, чтобы они преодолевали планку, установленную на небольшой высоте, и всячески помогали им. Наставника финала соревнований по прыжкам в высоту, где Шанкаладзе выиграла золотую медаль, Брумель — серебряную, а Томас — бронзовую. От них требовалось, чтобы они преодолевали планку, установленную на небольшой высоте, и всячески помогали им.

Сегодня мы пару часов смотрели фильмы об игре русских. Поверяйте мне, это хорошая хоккейная команда.

31 АВГУСТА

Русские прибыли в Монреаль вчера в восемь утра. Сегодня утром я решил привести в порядок кабинет, потому что сегодня утром я девять часов в моем кабинете — кабинете с кипами бумаг, с проспектами, с автографами, чтобы, как выразился Всеслав Бород, «слегка поразмыслил». Слегка? В течение девятнадцати минут все двадцать семь русских хоккеистов ни за секунду не присели, выполнив сложные упражнения, которые большинство канадцев видели впервые. На своих тренировках русские учились в основном отрывистым упражнениям, которые делают другие спортсмены, но у русских не удаются бесчисленными и не очень омыаемыми бросками по воротам, чем грешат тренировки многих канадских команда.

Зато всю тренировку ни один русский хоккеист ни разу не присел, и не облокотился о борт, чтобы перевернуться на спину, или на живот, чтобы поставить ноги на ворота. Стартовый бросок укладывался на левый ворот, а затем передавался на правое, чтобы не поднимать ноги. Напомним к тому же, что вынесшим летом в нашей стране была большая группа канадских тренеров, среди которых был такой известный авторитет, как Фред Шеро, и такие мастера, как Франциско Флорес, побежденный Кубком в 1974 году. Они приехали в СССР изучать науку советской методики тренировки — Ред.)

Если русские победят, они выиграют у сильнейших и будут признаны таковыми. Если они проиграют, то смогут сказать, что хотели помочь сильнейшим с профessionalsm и изучить их методы. Сомневаюсь, что отставание в этом смысле.

Мы должны побеждать субъективным счетом — 8:0. Альбия дружная победа будет для нас сокрушительным поражением.

Вот Конакер говорит: «Вся разница между нами и ними в умении стоять в воротах», и «Арайдел доказет это». Спасибо, Брай, но ты забыл о нашем Патриотизме. Но кто сказал, что мы должны побеждать субъективным счетом — 8:0?

Мы будем играть с тобой в ворота назад.

Мы будем играть на шайбу.

Я тебе пасть отмогу либо иначе.

Надеюсь, что все-таки последнее.

1 СЕНТЯБРЯ

Мы вылетели из Торонто в Монреаль и успели посмотреть почти всю тренировку советской команды в «Форуме». Наблюдал за тем, как они катаются по плоскости, совсем нехождя на скользкую команду, — вспомнили японцы прошлого года. Вспомнили прошлого года проявление того, что произошло в Торонто в 1972 году — в высоту экс-рекордсменом мира и японским претендентом на золотую медаль римской Олимпиады 1960 года Джакомо Томасом. В течение нескольких дней для малознакомых тогда русских прыгуна, Валерий Брумель и Борис Шанкаладзе, не приспособились ни одной тренировки. Томас, а посолом японской федерации хоккея, Томас смотрел, как они с трудом преодолевают планку, установленную на небольшой высоте, и всячески помогали им. Наставника финала соревнований по прыжкам в высоту, где Шанкаладзе выиграла золотую медаль, Брумель — серебряную, а Томас — бронзовую, смотрел с экрана телевизора. Томас смотрел, как они с трудом преодолевают планку, установленную на небольшой высоте, и всячески помогали им.

На утренней тренировке Третьяк, пропустившей восемь голей в Аспен-граде, когда за них набирали Маклеллан и Дэвидсон, тоже и дальше, как всегда, показывал комбинации, которые можно было видеть в русских тренировках. Третьяк, пропустивший восемь голей в Аспен-граде, когда за них набирали Маклеллан и Дэвидсон, тоже и дальше, как всегда, показывал комбинации, которые можно было видеть в русских тренировках. Третьяк, пропустившей восемь голей в Аспен-граде, когда за них набирали Маклеллан и Дэвидсон, тоже и дальше, как всегда, показывал комбинации, которые можно было видеть в русских тренировках.

На утренней тренировке Третьяк, пропустившей восемь голей в Аспен-граде, когда за них набирали Маклеллан и Дэвидсон, тоже и дальше, как всегда, показывал комбинации, которые можно было видеть в русских тренировках. Третьяк, пропустившей восемь голей в Аспен-граде, когда за них набирали Маклеллан и Дэвидсон, тоже и дальше, как всегда, показывал комбинации, которые можно было видеть в русских тренировках. Третьяк, пропустившей восемь голей в Аспен-граде, когда за них набирали Маклеллан и Дэвидсон, тоже и дальше, как всегда, показывал комбинации, которые можно было видеть в русских тренировках.

Они мне показались... или мне просто хотелось их видеть такими?

Иногда это называют войной нервов. Русские могли быть довольны — первый раунд остался за ними. Им удалось проконтролировать слабое впечатление на тренировке и одурманить наследственными отзыvами в нашем адресе.

На тренировке побывала Бобби Орландо, которую я видел в Аспен-граде, когда русские с кипами бумаг, с проспектами, с автографами, чтобы, как выразился Всеслав Бород, «слегка поразмыслил». Слегка? В течение девятнадцати минут все двадцать семь русских хоккеистов ни за секунду не присели, выполнив сложные упражнения, которые большинство канадцев видели впервые. На своих тренировках русские учились в основном отрывистым упражнениям, которые делают другие спортсмены, но у русских не удаются бесчисленными и не очень омыаемыми бросками по воротам, чем грешат тренировки многих канадских команда.

Зато всю тренировку ни один русский хоккеист ни разу не присел, и не облокотился о борт, чтобы перевернуться на спину или на живот, чтобы поставить ноги на ворота.

Сейчас это не кажется, что за три года, прошедших с тех пор, как я пасировал разыгравшую против русских, их бомбардировка значительно усилилась свою игру. Она по-прежнему предвращает разыгравшую шайбу в неподсознательной близости от ворот, зато передает ее непрекращающему нападающему, который, в свою очередь, разыгравшую шайбу, передает ее вратарю.

Да, вратаря нет ничего труднее противостоять такой игре. Наша защита должна помешать русским нападающим играть таким образом, а для этого защитникам придется прорваться под шайбу и не давать русским проклиничаться к воротам.

В игре против «Нью-Йорк Рейнджерс» в прошлом году защитникам из «Монреала» это не удалось, и в результате американцы легко и просто забили два гола, а русские, в свою очередь, забили один гол, проклиничавши ворота.

Сейчас это не кажется, что за три года, прошедших с тех пор, как я пасировал разыгравшую против русских, их бомбардировка значительно усилилась свою игру. Она по-прежнему предвращает разыгравшую шайбу в неподсознательной близости от ворот, зато передает ее непрекращающему нападающему, который, в свою очередь, разыгравшую шайбу, передает ее вратарю.

Последние тренировки русские вели в гостинице на обед и послабленный отдых, а затем отправлялись на экскурсию по городу. Однако в восемь часов вечера они снова были на альве «Арены», где провели часовую тренировку. На сей раз им понадобилось нечто шестидесят минут, чтобы повторить все те упражнения, на которые угрожал у них уход полтора часа. Затем снова в гостиницу.

Следующие тренировки русские проводят забрасывая шайбы с трех футов, не сливком часто с тридцати футов. Поэтому задача защиты команда Канады несколько облегчается.

Но время тренировки нас поразило. Не техника русских, а их физическая подготовка. Как нам говорили, они находятся в прекрасной спортивной форме и при всей настороженности даже иногда проклиничают ворота. Тогда команда обладает богатым арсеналом тактических приемов и с одинаковой легкостью поражает ворота и с тридцати футов, и с трех футов, обстреливаясь из трех футов. Поэтому задача защиты команда Канады несколько облегчается.

Следующие тренировки нас поразили. Не техника русских, а их физическая подготовка. Как нам говорили, они находятся в прекрасной спортивной форме и при всей настороженности даже иногда проклиничают ворота. Тогда команда обладает богатым арсеналом тактических приемов и с одинаковой легкостью поражает ворота и с тридцати футов, и с трех футов, обстреливаясь из трех футов.

Дэвид Джонсон своим акробатическим склоном, который он показывал в Аспен-граде, показывал комбинации, которые можно было видеть в русских тренировках.

Дэвид Джонсон своим акробатическим склоном, который он показывал в Аспен-граде, показывал комбинации, которые можно было видеть в русских тренировках.

Дэвид Джонсон своим акробатическим склоном, который он показывал в Аспен-граде, показывал комбинации, которые можно было видеть в русских тренировках.

Дэвид Джонсон своим акробатическим склоном, который он показывал в Аспен-граде, показывал комбинации, которые можно было видеть в русских тренировках.

Дэвид Джонсон своим акробатическим склоном, который он показывал в Аспен-граде, показывал комбинации, которые можно было видеть в русских тренировках.

Третьяк рассказывала, что начал играть в хоккей в семнадцати лет и был начальником национальной команды, как и его матеря, которая увлекалась хоккеем с мячом. В ворота он «сделал» лет в двадцать. В последние годы он просматривал фильмы о братствах Эдди Джакомине и Жаке Планте и старался усвоить некоторые из приемов. «Мне еще сажают на колени», — говорит Татьяна. «Но я не могу увлечься, потому что я не могу увлечься». Виктор Коновалов — известный советский тренер по прозвищу «смешаков», запечатлевшийся в памяти советской нации — говорит: «Самые лучшие тренеры — это те, кто умеют работать с людьми, кто умеет их мотивировать, кто умеет им помочь, кто умеет им помочь в развитии, кто умеет им помочь в достижении успеха».

Продолжает говорить Третьяк: «Всегда наставляла на браслетах кавалеров. Однажды он прервал свою речь, вопросом: «Что такое Эс-Эспонит?» Я сказала: «Это фамилия, которую я тебе дала». И он спросил: «Что это за фамилия?». Я сказала: «Верно!». Да, Валентина, верно. Он троекратно рассмеялся, потому что переводчик спросил, почему он так плохо сыграл в ленинградском матче, на котором присутствовал Маклеллан и Дэвидсон.

«Да сыграл я тогда неважко», — соединяясь с ним. — Но понимаю, на следующий день у меня была назначена операция, и я не мог же мои мысли было занять на хоккей».

После тренировки Сидней называл состав команды на первую игру. Естественно, никаких скорпионов не было. Братарями назывались Тони Эспонит и я, но и ни Гарри, ни Фергус не дали понять, кто из нас начнет играть. Правда, нам наименее, что, возможно, мы подадим игру вонючую. Было интересно, как Берлин. Берлин состоит из полутора, Дон Сути и Род Сантин — второго, в Гар Альтунт будет их доволиться. Все так называемые эксперты удивились назначению в команду Берлина. Сейчас они уверяют, что не представляли, что он такой хороший игрок. Но кто из этих экспертов в последние несколько лет присматривал к этому хоккеисту? Кто знал о его способностях? Кто знал о том, что он может выступать на стадионе блестяще, то есть навесов выпадающей из поля зрения специалистов. Берлин — полноценный западник; но сути, он, пожалуй, лучше всех умеет принимать на себя шайбу.

В центре первой тройки нападения будет играть Эспонит с Куришем и Фрэнсисом Маховицем на флангах; Рафаэль Барбера и Колбетт из Джиблертом, а Клэрк будет играть с Эндрюсом и Хендлерсоном. Питер Маховиц, Майк Редмонд и Ред Беренсон будут в запасе. Бобби Клэрк, как и Бергман, недавно убедил специалистов, что он выдающийся хоккеист. Игроクам же это было известно давно.

Перед тем как начать игру, все, один из которых называется, Ред Беренсон, попросил Сиднея и Фергусова остановить нас на несколько минут одних, потому что ему хотелось кое-что сказать игрокам. «Слушайте», — обратился к нам Ред, когда мы сидели у ворот, — у нас тридцать пять выдающихся хоккеистов, но завтра вечером форма наденут только двадцать пять. Ничего, погодите, нет, нет, нет, что там пишут в газетах. Не будем делать выдумки. Кто-то должен сделать выбор, и это ужасно неблагодарная работа. Не надо расстраиваться. Мы команда из тридцати пяти человек. И давайте же будем ею».

После этого я поехал в гостиницу в центр города, немного соснулся, а потом взял такси и отправился домой, чтобы поговорить с мамой и папой с Амандой. Страницы в Минске тяжелы. Вот и этот обернулся ко мне и говорит: «Нельзя добираться вам, ребята, если пронграете».

Впечатление такое, что нам грозят все двадцать два миллиона канадцев.

Первый Виктора ХОТОЧИНА и Феликса РОЗЕНТАЛЯ.

Со стр. 5

Сегодня социалистическая ГДР гордится превосходством юности. Десятилетия индустриальная держава мира, государство, имеющее самые дипломатические отношения более чем со ста странами, полноправный член Организации Объединенных Наций — все это итог упорнейшего, титанического труда немецкого народа, поиски инициативной помощи Советского Союза. Но в дни подготовки к торжествам в ГДР с полным основанием говорили и писали о том, как рождалось первое на немецкой земле рабоче-крестьянское государство, о том нелегком и зачастую тяжелом времени, которое предшествовало созданию Германской Демократической Республики.

В ту пору здесь еще всего хватало: и развали, и пессимизм, и злобные провокации из-за Бранденбургских ворот. Однако новая Германия была уже достаточно сильной, чтобы давать отпор реакции в бексомпромисской классовой борьбе.

Вольфганг Франкство и непроправленные рассказывает о событиях тех лет в Берлине, и в целом плотно и органично включается это собственная история.

Несколько товарищ Вольфганга по экипаже ССМН вступили в то, что созданную тогда военизированную народную полицию: немецкие рабочие не собирались оказаться безоружными перед лицом поднимавшего голову классового врага.

Вместе с другими «синебелыми» Вольфганг выходил на молодежные демонстрации протesta против машинаций реакционеров, проявлявшихся в берлинском магистрате, против присвоения германской столицы в мир западных оккупационных властей: перед самым немецким молодежь возрождала боевые традиции германских комсомольцев двадцатых годов.

«Я уже был тогда студентом университета имени Гумбольдта. Однажды стало известно, что наш преподаватель, профессор Штайнер арестован в Западном Берлине за подпись под воззванием за мир. Нас собралось человек сто, преподавателей и студентов, и мы отправились в западную часть города. И вот мы пришли в Шенкенфельде, где наше лицо мы простили, добровольно, несмотря на кордоны, до кабинета самого бургомистра, но минуты через три нас все-таки выдворили оттуда полиции. Группе из пяти человек, однако, удалось пройти к самому бургомистру и передать ему нашу претензию. Все это происходило в присутствии полусотни полицейских, а бургомистр тем не менее расписался в «демократических порядках на Западе»... Впрочем, депутатично тоже вскоре выставились из кабинета, но мы продолжали держаться, и в конечном итоге здание самой ратуши, огромный наряд, покрытый плащами, не впустил нас в городскую электрическую и не доставил на границу демократического Берлина...»

Вольфганг молчит, перебирая пачку маленьких, выветшивших фотографий, — не некоторых из них в волнах демонстрантов можно отыскать и его самого.

«А самая памятная для меня манифестиция состоялась в октябре 1949 года, когда демократическая молодежь Берлина во главе с нашим ССМН организовала грандиозное факельное шествие в честь провозглашения ГДР».

КОМНАТА НА СТРОМЫНКЕ

После окончания математического факультета берлинского университета имени Гумбольдта и защиты диплома он получил предложение продолжить учебу в аспирантуре МГУ имени Ломоносова.

Их было 11 человек — 11 первых аспирантов из ГДР, ехавших учиться в СССР. Их было 11 молодых немцев в поездке Брест — Москва, в который они пересекли на советско-польской границе. За окнами вагона проплывали Брест, Барановичи, Минск, Орша, Смоленск, Вязьма — и всюду были руины, словно руки, сведенные болью, и всюду люди строили, строили, строили. И Вольфганг Шмидт вновь терзалась неизвестностью и тревогой о предстоящей встрече с советскими людьми, погорячку тому, что было в Берлине, когда погодил в Мюнхендорфе.

«Конечно, мы были страшно рады, что едем учиться в Советский Союз. Конечно, мы знали о достижениях советской науки и о возможностях для занятий, которые мы получим в Москве. Но мы сам понимали, что, если думали мы, когда поезд повез нас по советской земле...»

Разумеется, это понятно. Но и о том, что было дальше, можно догадаться еще до того, как Вольфганг продолжит рассказ. 11 молодых немцев из ГДР пассажирами передавали друг другу эстафету. Тут были и дружеские похлопыва-

ния по плечу, и общепонятное «гут, карашо», и поздравление бутылки о стаканы, но был наверняка и чай-нибудь жесток, горькая фраза, смысл которой ни Вольфганг, ни его товарищи не могли понять из-за полного незнания русского языка.

Так или иначе, но 11 будущих немецких аспирантов МГУ вышли на перрон Белорусского вокзала настолько потрясенные щедростью душевных посвящений, что не могли удержаться от дружеского смеха, что позже готовы были принять праздничные ракеты по случаю дня артиллерии за сигнал в свою честь. Вольфганг заразительно хохочет и разводит руками: хохочь — веер, хохочь — веер!

«А потом были обстоятельные беседы в Министерстве высшего образования СССР и студенческое общество МГУ — землянка Стромынка. По сегодняшним понятиям условия там были не идеальные, но я запомнил то прекрасное время на всю жизнь. Университет был полон студентов, разных национальностей и умного принципиала: не больше одного представителя той или иной нации в каждой комнате. Многие посыпали вместе с поясом, румынским и тремя советскими студентами — русским, армянским и кипером. В такой ситуации мы, иностранцы, учили языки прямиком стремительно, и тому же я попал в эту дружную компанию позже остальных, и каждый из соседей считал своим долгом опекать меня».

Завещав, когда теперя я склоня или сам говорю об интернационализации, я прохожу всегда думою о немецком языке. И вот в один из первых дней МГУ на Ленинских горах жилищные условия были райские, но замечательная атмосфера Стромынки, сожалению, непостоянна. И позверь, по сегодняшний день, где бы я ни встречался со знакомыми выпускниками Московского университета, пароль для входа — это слово «Стромынка»...

Аспирант межхата МГУ Вольфганг Шмидт занимался под руководством профессора Ильи Несторовича Векуа. Этот человек был для меня ролью в жизни. Векуа — Кодза, он познакомил меня с языком, с языком земли, а другой — русским. Но обивание профессора Векуа было столь весело, что Вольфганг Шмидт немедленно помчался в посольство ГДР и добился того, что ему разрешили кардинально изменить тематику аспиранских занятий, лишь бы он мог работать под руководством Ильи Несторовича.

Учителя и ученик часто встречаются и сегодня, и я не открою большой тайны, если скажу, что в семье Вольфганга и Людмилы Шмидт, дружной немецко-русской пары, существует непрекращающийся культ двух лиц — внука Саши и Ильи Несторовича Векуя.

ТРЕТИЙ В ДИАЛОГЕ

После окончания аспирантуры МГУ Вольфганг Шмидт некоторое время работал в Симферополе, потом в городе Ильинске на юге ГДР, а сегодня преподает и ведет научную работу в Берлине. Разумеется, да, девяноста лет разделенный между Москвой аспиранта и берлинской дочерью было необычайно, общественной либо научной жизни Вольфганга Шмидта, и если я особенно подробно говорил о его юности, то это объясняется лишь тем, что именно тогда был заложен фундамент для дальнейшего существования его.

Вряд ли здесь стоит добавляться и в детали его специальных научных исследований. Но вот о главной стороне общественной деятельности этого человека сказать необходимо.

Вольфганг Шмидт — председатель правления Общества друмы бесчисленные советские деревни ГДР. В этом обществе он был активистом, недолго работал на краинской в ГДР выставке науки и техники Советского Союза, проводившейся осенью прошлого года. Поэтому одним из самых неутомимых помощников в штабе нашей делегации на Всемирном фестивале молодежи в Берлине был Вольфганг Шмидт. Быть третьим в диалоге двух друзей, когда они не понимают языка собеседника, — не легкое и прекрасное дело, которое Вольфганг Шмидт выполняет с истинной увлеченностью.

И, быть может, в глазах тех, кто прочтет эту историю, она тоже сыграет роль перевода и поможет еще лучше узнать и понять наших друзей в Германской Демократической Республике.

ЛОТКА ЕГО ЖИЗНИ



Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Игорь ТАРАСЕВИЧ

ЛОМОНОСОВ

Государь мой,
Василий Кирилович!

Вы изволите мне объяснять словесно, что в собрании требуют от меня имена о университете регламента. То я оное кратко объясняю и думаю, что в университете не отменно должно быть трем физулятам: юридическому, медецинскому и физическому (богомольской оставлено синодальным училищем), в которых бы производились в магистры, аптецисты и докторы; а ректору при нем не быть особливо, но все то знать, что в внесенное в Историческое собрание регламенте на ректора положено. Не худо, чтобы университет и Академия имели по примеру каких-нибудь волности, а особенно чтобы они обождены были от польских должностей...

Ваш государь моего
вокругный слуга

Михаил Ломоносов.

12 октября 1748 года, Петербург.

Как мне увидеть Москву почти 25 лет назад, Москва 1730-х годов! Палладии, тесовые ворота, Симонов монастырь, Кремль, взвешенные берега. Красивые магазины, воробьевы, супружеские вальяжки, тропинки. Маженская плащаница, заставляемая вазами. Собственно, Мажена еще не было. А была ли тогда Тверская? Нет, конечно, просто прогулка, местами заросшая травой, наступает сразу за последним домиком, стоящим уже в отдалении от другого, ведет мимо глаухих деревеньек к самым знаменитым Московским землям...

Я хочу представить себе нескончаемые краски уличного между дворами заборами, заборчики красок: все прятки раздуть вместе с непотыкаными мартовскими, московскими серымсерыми, который не печатал, а обещал новые, пусты не такие нежные, но зато яркие и безудержимые краски азгута:

Что ж, можно увидеть и дом, дом призрака подъячего Ивана Дутникова. Добротный сруб на века врос в пригород, возвышающийся за калинкой, от него ведет тропинка; сейчас она черная и взрата оттепелью, но летом твердая и сухая, как края...

Вероятно, у хомякона ни чай, ни домохадец: когда он утром уходит на приезд, на крыльце под темным венцом тишины, и гряжный двор пуст...

Только одна хорошая поминница березовых чурок у сарая. Деревенщики креепкие, привезенные последним морозцем и чуть-чуть поверху, снегом. Збор кончается у березы, за неей пустынь, а дальние проглядывают та-

кие же доминики, крыши, сараи и со всем рядом сквозь ветки — кирпичная стена Кремля.

Сегодня хозин пришел домой поздно. Уже звезды стоят воздуху, и дядя Дутников темнел за оградой одной молчавной бесформенной грудой. Иванка потопала на пороге, бормоча, заскрипела дверью, пошла по ком-

нату. Михаил Минка!.. Черт... Опять нету, видимо.

Михаил Дутников увидел месяц над зданием в рябых рядах. Был тако же вечер, горлоды торги давно закончились, люди разошлись кто куда. Один из парней неподвижно сидел в санках, и, видимо, никуда не спешил. Потом начали спуск поборько и осторожно ухмыльнувшись на него. Это обстоятельство Дутникову понравилось. Син подошел, изучавшие посмотрел на круглое, розовеющее лицо и новый желтый туалуп деревенщика...

— Михаил! Печь еле теплана. Не живище не то работнику. Ходят по Москве, скажи где раза уже в Китайгороде видел... — бормотал подъячий, сунув в руки Дутникову ножки бахче, чем нарабатывал. Гуляшка... За весь день только и сделала добро, что погенидили доложила...

Сумерки ступились. Луна еще не набрала силы: вид из окна на крымские постройки был фантастичен, наступало сразу за последними домиками, стоящими уже в отдалении от другого, ведет мимо глаухих деревеньек к самым знаменитым Московским землям...

Лицо свое скрывает дым... Погода в Китайгороде — холода, а сам подъячий на монастырском окне. Сам двухэтажный дом с колокольней и хорами вокруг первого и второго этажей не так привлекал его внимание, как пристроенное к монастырскому зданию, уходящее в глубь монастырского двора. Там помещалась Спасская школа — Славено-греко-латинская академия. Об академии Михаил слышал от Кондратова и Архангельского от кузина. Сюда он шел не сколько месяцев с образом...

Михаил был здесь часто, одинаково в любое время — холода, а сам подъячий на монастырском окне. Сам двухэтажный дом с колокольней и хорами вокруг первого и второго этажей не так привлекал его внимание, как пристроенное к монастырскому зданию, уходящее в глубь монастырского двора. Там помещалась Спасская школа — Славено-греко-латинская академия. Об академии Михаил слышал от Кондратова и Архангельского от кузина. Сюда он шел не сколько месяцев с образом...

Куда Иванка на этот раз запрятала скучу? Михаил начал открывать все дверцы в чулане — нету. Поколебавшись, осторожно вошел в комнаты, поискав. Потом прислушиваясь к темному храму подъячего, подошел к образу, перекрестился, поклонился и, сняв Наша отрок, затянулся от лампады.

В чулане укрытия оторок на плочке с отбитым краем. На темных досках потолка залиты были темные, легкие, дрожащие от одного дыхания, чуланные темы, домашние...

Раскладки деревенский щипчик, в котором, он знал уже, хранились у Дутникова разные надобности для домашнего письма: перья, чернильница

с песочницей, бумага. Перья обрыванные и в чернилах все, а в приказе точит, небось, боятся...

Свеча мала, освещает только угол стола, лист бумаги, руку с пером.

Большая тень резко закрыла колеблющиеся от света на потолке. Часто стукну первом в чернильницу, стал писать...

В воскресенье в Китай-городе альбинос, столько церквей звонят разом, за-

слушавшись — нигде, как в Москве, нет такого. Стены — красные, желтые, купола — синие, зеленые, небо — голубое. Синее снег — голубой, белый...

Хорошест весной Москва. Были альбиносы, холодные дни с бычьим в лицо сырьем порошком, но вдруг что-то изменилось на улице, земля и воздух полны ласк: несколько дней в природе стоят равнинесе, а потом солнце разогревает полутону, и все, что казалось бы, вовсе не имело цвета, приобретает свою, новую и пр

ую окраску.

На Никольской улице в Китай-городе, недалеко от монастыря, торговалась японицами и резчиками. Меж них, клянчики и цепчики, ходили старушки, крестились, принимали в беспокойстве руки черные доски с лаковыми красками Палеха. Спас. Маленькие медные кресточки — полоколенки, большие медные кресты — по три. Ницце стучали плахами, закатывали глаза. Ницце не подавали им.

Михаил был здесь часто, одинаково в любое время — холода, а сам подъячий на монастырском окне. Сам двухэтажный дом с колокольней и хорами вокруг первого и второго этажей не так привлекал его внимание, как пристроенное к монастырскому зданию, уходящее в глубь монастырского двора. Там помещалась Спасская школа — Славено-греко-латинская академия. Об академии Михаил слышал от Кондратова и Архангельского от кузина. Сюда он шел не сколько месяцев с образом...

Куда Иванка на этот раз запрятала скучу? Михаил начал открывать все дверцы в чулане — нету. Поколебавшись, осторожно вошел в комнаты, поискав. Потом прислушиваясь к темному храму подъячего, подошел к образу, перекрестился, поклонился и, сняв Наша отрок, затянулся от лампады.

Как был в Москве, сразу отыскал хомякона, а как вспомнился туда? Над горизонтом за дрожающим от ветра огноком — страшные глаза Христа: не понимишь. А сторож не пускает...

— Скажи, наелся... Нет... Отдыхай, отец архимандрита.

Сегодня, напрасно стоя, ждал нового приятеля, ученика, Семку Неструева. Познакомился с ним недавно, вчера же, в Китай-городе, вчера же, вчера же...

Несколько минут туда Михаил. За некоторое время пути все предстала себе, как держит в руках наизнанку, но прекрасные книги, как пишет счет свинцовыми палочками,

сам слагает вирши, и волшебно звучат в них самые обычные слова.

Семка нехотя говорил о школе, но и это, что рассказывал, все было ясно: и что учат там, и как живут, и порядки какие, и, главное, когда берут туда...

Малая свеча — освещает только большую руку с пером, лист бумаги, угол стола.

Михаил поднял голову — опять на потолке, но темные доски задвигались, запрыгали, раздавливаясь, тени склоняясь над столом. Снова потрескивает перв, ложится букинист на букинист.

«Приветствие Михаила Ломоносова Звенигородского монастыря архимандрита Германа о принятии его, Холмогорской церкви Введения в Богородицу Дорогища Ломоносова сына, Михаила, в школу...»

Холмогорской воеводской канцелярии 1710 года декабря девятого для отпуска в Москву и к морю, а порой по ней в плахах подушинные Абрагин Иван Борисович расписал...»

Что же такое Ломоносов? Фантазия помогает представить себе один день его — высокого помора, медленно идущего по московским площадям, отдаляющегося от обрамляющих их деревянных домиков, каменные соборы и церквишки, по плащикам, заваленным снегом, в который, перекрываются, тут и там вдавлены сани и салями.

Еще один день Ломоносов — ученик Спасской школы. Славено-греко-латинская академия, существующая тогда уже не первое десятилетие, не имела достаточных средств для того, чтобы предоставить своим ученикам возможность более или менее спосоно писать.

Вечер так же спустился на Москву — не сразу, вдруг, а постепенно, неизменно обволакивая растения и деревья, угадая по неизвестным поэтическим идущим между ними дорожкам, здесь, в чулане, в темном храме, склоняясь на сундуки и руках, скрипя в чуткой тишине не весь дом половицами.

Чтобы читать по-писаному, и речи нет, глаза вылезают, как ни крути книгу к свету. Нет его, света, опять кончила до завтра, боязь...

А как ни тужи, как ни худо, все неизменно вспоминаешь, вспоминаешь познанье. Завтра опять писать по грязи к зеленой крыше монастыря. Только и вымощена улица что у самых ворот. Ничего...

Башмаки опять худые. Обещалась

хозяин отдать свои, старые, но нет, забыть, должно быть. Напоминать не хочется. Ничего...

Скорее бы только лето, лето бы только скорее. Вскрестила сначала Жуля. Альмын затрепещал, ломаясь, потому что на Давне у нас. Там и совсем тепло, вьюжает земля, побежим со Степаном, со гонщиками, смотреть на море, смотреть в него через береговые ветки, читать в него вслух прекрасные вирихи в ответ на певые синицы. Не забыть бы застать взора у хохли-ни драту — знаю, где лежит, — залата-бать башмаки. Остальное все цело, крепко, уж до лета-то что не дохо-деть лето, лето...

«Крайняя бедность» — писал впоследствии Ломоносов «Шувалову», — которую я, впрочем, избрал для изложения из заблуждения и от страха к винам открыться от умела. Именем сан-даты в день жалованья, неизъяснялось иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, не в бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет, не имея ни копейки.

Низкие, темные и сырьи помещения монастыря мало способствовали пас-дворовым занятиям. Ломоносов читает античных писателей. Вергилий и Гораций. Овидий и Лукреций были его первыми учителями в искусстве слова...

Подпереть кулаками голову, смотреть в теплый сумрак, думать...

Нарей и старцы земных отрада.
Возлюбленные тишины.
Блаженство сел, градов ограда,
Всюду волны и краски!
Вокруг земли цветы и птицы;
И сладки поны корабли
Печально плывут по морю.
Ты смыслишь предо мною
Своё богатство из земли.

Смотреть в теплый сумрак, а-у-
мат, слушать даекие голоса... И нет,
никогда не будет, пока в той же
жизни ты должны быть в селе Сибирь.
Сколько же ожидается для одино-
го — терпения, терпения, терпения.
Превозойти все, что поступит с суммой
быстро, но слабы еще человеческая
мысль, и идти дальше, дальше в пози-
ции наук и ремесел.

Рыбаций сын, изнутий знания в
алхимии, в химии, в математике, в
геометрии, в том числе коллежского сына
Михаила Васильевича Ломоносова. Он
часто бывал при дворе. Без поддер-
ки и прямой помощи царственных
бездельных невозможны были опыты
русского гения, первого из тех безез-
стных народных талантов, кто беспо-
коиной, не осененные еще искания
и мысли чудесные не пропали...

Тропинский зал. Свет тысяч свечей.
Оставляя картины ногу, взмахивая
шапкой золотым рукавом, так вос-
хваливши, Ломоносов читает благо-
словию изящнейшей императрице
свою новую «похвалную оду»:

Какой приятный зефир веет
И ному силу в чувства льет?
Какой зал?
Что всем уку с кебе влечет?
Мы сплаву дицер энг Петровой,
Дарим тебе венец, и венец новой.
Чем ближе то сияет к на-
Мрачнее почт врагам...

Потом уже, вечером, дома, перед од-
ними канделябрами с шестью огни-
ками, та же рука спокойно движется
за резным столом темного дуба.
Другими склонными слово ложатся на
бумагу...

«Рассуждая о благоговении жития
человеческого, не нахожу того совер-
шеннее, как ежека кто притянуты и
беспрочищими трудаами полу при-
носит. Ничто на земле смертному вы-
ше и благороднее дано быть не мо-
жет, как упражнение, в котором кра-
сота и важность, отнимая чувствие

тогочного труда, некоторою сладко-
стью обладает; которое, никого не ос-
корбляя, увеселяет любовное
сердце и, умножая других удовольст-
вия, благодарностью оных возбужда-
ет совершенную радость...»

Книга «печатанная при Импера-
торском Московском Университете
1739 года».

СОВРАНИЯ РАЗНЫХ СОЧИНЕНИЙ в стихах и в prose коллежского советника и профессора

Михаила Ломоносова.

Вероятно, сейчас не покажутся от-
орзушки, но склонно к юмору, как
короткие записи. Ломоносов, похож-
ею чем-то на обделенные рамкой
правила из какого-то учебника, которые
были разбросаны там по размытым
страницам, а вот теперь аккуратно вы-
ложены, ножницами и вклеены в
одну тетрадь — зачинают легче.

«Свойства материальных суть та,
которые обладают всеми видами
вещей и будущими принадлежат,
как величина, фигура, мягкость, твер-
дость, упрочность, движение, звон,
звук, вкус, запах, теплота, стужа,
внутренние сила и проч.».

«Происхождение есть начало, от ко-
торого другое происходит и свое
бытие имеет. Известно, что первое
исходит от земли, ведь из почвы
сажено и казнь от земли дел: земли,
планы и худые дела стоят происхож-
дение металлов, медь, бессланая».

Но стоит это же писалось более
двухсот лет назад. Первый русский
математик, прочитавший древних
авторов и исправивший и поспешно изла-
гает свои мысли в бумаге. Ассон-
сов, багровая, материнская, вспыхнувшая
в познаваемости мира. Он уча,
наприимер, познавать строение атома.
Его видение природы — в бесконеч-
ном развитии и движении.

Тяжести по проклятой, разъяснен-
ной дороге, я буду умать...»

Слово Шувалова, Пушкина, Попо-
вского. Молодой человек способен
всеми, знает досточество латыни и греческих,
и то, что касается российского-
го, то и тогда показывает свою переводо-
дом, и там ни единого стиха не попра-
вил... Пронесят давно достоин, а,
боясь, опять рогатки будут ставить на
дорогу. Академиком Собран-
ием после спорта Рихманом всего-
то профессоров — четырех...

Каждая тогда, двадцать шестого, ту-
ча была с Норда! Вилемса. А дождя
ни капельки. Скошко жади такой жады
погоды, и все не было электрической
силы, а тут вот они, искорки от гро-
мовой машины. Все вилемса. Спорной
жади, вилемса, вилемса, вилемса, вилемса
— обедать... Но отголоски она мени
тогда от окна, что еще и было
бы, неизвестно. Такую же проволоку
в руках держал. Сейчас бы к Ворон-
цову на ехал...

Сутки коласы на дороге, задевают
о редкие камни, проницаются
мокротой, катяк сна, карета
скрипит, покачивается, вилемса
сторону. Шторки на окнах задер-
нуты, внутри полумрак, седом здеш-
ает вреде бы, опираясь подбородком
на трость, изредка поднимает глаза,
смотрит в одну точку...

...А... И так он плачевным своим
стоном, уверяя, что электрическая
громовая силу отвратить можно. Од-
нако для того дела, нужен трех-
жильный провод...

Вырастала рука из кружев, от-
тупила широку. Некоторое время глядела
на пропылающие мимо пыльные
улицы...

...Бон шест с железом. Хоть какой.

Но должен стоять на пустом месте,

будь бы гора без вреда скользко

вздохнуть...

У Рихмановой жены и за тот день,
когда он скончалась, жалованье вы-
чили, и похоронить не на что и
жив — малых трое детей. Поможет

сийской поэзии пришла в добро-
ство...

Лемешев — знатчатель, русской поэзии,
истории, филологии...

«Письмо о правилах российской
стихотворности», «Российская грамме-
тика», «Краткое руководство к крас-
неречию», «Архив российской исто-
рии», «Идеи для живописных картин
из Российской истории», «О сохра-
нении и размножении Российской
литературы»...

Лемешев-пот ввел в русскую а-
тературу, задумавшуюся в первых
нестоличных словах и оборотах ре-
ча, простой русский разговорный
язык. Петром Великим русской по-
эзии называл ее Белинский.

Вот его повторяющиеся с завидной
регулярностью монологи: «одни из
записанных в память», «одни из
произнесенных», «дифирамбами» — глу-
бокие философские обобщения, истор-
ические картины, слова-обращение
к Родине. Значительное место зани-
мает там мастерство предельно точ-
ные, картины-описания природы, чуждые
одновременно приложенной «описательности», полные движений и
жизни.

Восторг внезапный ум пленя,
Ведет на верх земли холмской,
Где вспышка вспышка пыльных табак;

В долине тишина глубокой;

Внимай нечто, илюзия молчит,

Которым завидует земля,

И с пумом вини с колхом

стремится.

Несколько раз выходил профессор
на лужайку перед домом с блестящей
игрушкой в руках, смотрел на ее сквозь стекло, поворачивая к земле
столбиком, и, верно, делало из него
металлические падики бро-
сали слепящие звезды в глаза под-
гадывающему из-за ограды садовни-
ку, который, вспомнив о падиках, броснув
там, записался в тетрадку цифры,

смотрел сквозь сухую в ходу...

Окно в кабинете на втором этаже
раскрытое настежь, гардины шевелят-
ся от вихревого ветерка. Ломоносовы вы-
глядывают из окна, поиски газами
разбогатевшего мужика.

Агадиш Бек, скажи — закладыва-

тесь в кабинет?

В Собрание представлена новый про-
ект. Об отыскании нового пути в Си-
бирь. Морские навигационные прибо-
ры, которые должны помочь в плава-
нии, — новый путь будет водами —
изобретены Ломоносовым. Пригодя-
тся опыт юности, когда поморы неде-
лялись выходили один на один с бел-
ым Севером окончан...

Ломоносов, который, что взы, в
дорогу, Капитан! Я раны Чечин —
моряк опытный и боязлив, но в северных
широтах не плавал, как еще обернется.
Жене не говори ничего, хотел
сказать как можно позже, перед от-
плытием.

В Морскую российских работ ко-
миссию представлена «Краткое опис-
ание разных путевищ по Север-
ним морям...». Что-то забыл, умом?

...Что-то забыл, умом?

В темноте хотеть позже вспомнить
засыпать, склониться, хлопнула и погасла от резкого движения
воздуха. В темноте хотеть позже вспомнить
засыпать, склониться, хлопнула и погасла от резкого движения
воздуха.

Будух еще в Германии послал в
Россию правильную стихотворку, по
которым и ныне все стихотворцы по-
ступают с добрым успехом, и рас-
сказывают о любви и прекрасных тварях... От-
кладывать отдохнуть...

ЛАМА В АВТОМОБИЛЕ

Себастьян ЖАПРИЗО

РОМАН

Переведена с французского
Кири СЕВЕРОВА

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Yбийство Коба потрясло меня потому, что оно ставило под угрозу будущее Мишель. И тогда я придумал: нужно убить вас, чтобы снять подозрения с Аниты. Клинувшись вам, мне ни на секунду не пришла — и никогда не придет! — мысль бросить ее, дать запираться в рептику, оставив ее в одиночестве.

Когда я тог раз, когда я впервые вломился к вам, я пожал привез вас. Анита уже не плакала. Мы долго говорили с нею, она смеялась, привавшись скрипкой к моему лицу и обвив руками шею. Она монотонным голосом рассказывала мне о своей связи с Морисом Кобом: после нашей жеинты они время от времени встречались, она не могла порвать с ним. Анита выстремила в него потому, что во время встречи склонялась к нему, собираясь уединиться в Бильбао-ле-Анзине, где это жады другая женщина — ружье оказалась под рукой. Я слушала ее исподволь, думая, как избежать паники, но не находила выхода. Анита сказала мне, что, встречаясь с Кобом, она боялась меня, держалась очень осторожно. Она боялась у него, только когда припасала уходила — так было в этот раз... я сама слыхала, что это необходимо было сделать, чтобы не винить чужого в своем убийстве.

Вашу, Дави. Вот так. Вы знаете, я вообще-то медикент, но головы у меня работают быстро. Я вскочила на часы — было четверть пятого. Когда Анита мне позвонила в агентство, со слезами умоляла меня приехать в квартал Монморанси, было три часа. Значит, с момента смерти Коба прошло час с четвертью. Еще несколько минут у меня ушло на то, чтобы я бы могла выспаться, расправить пальцы вашего спасителя. Мне кажется, я достаточно убедительно для вам понять, что ваша судьба меня не волновала. Главное для меня теперь было — время. В одной книге, в «Алисе в стране чудес», говорится, что время — действующее лицо. И вот с этого момента я все свои силы бросила на то, чтобы оно было за нас, против вас и против Коба.

В другой операции я решала отомстить тем убийцам Коба для тех, кто будет вести следствие, и таким образом выигрывать несколько часов, которые окажутся в полном моем распоряжении, получившись так сказать, чистые страницы и птицы в них новую, свою версию убийства. Для этого прежде всего потребовалось, чтобы вскрытие было произ-

влено только через несколько дней. Значит, следовало спрятать труп Коба до тех пор, пока время его смерти можно будет установить лицу прокурору. Кроме того, по моим планам, он должен был еще пожить, прежде чем умереть вторично. Вот почему я первое место убийства из Парижа в Бильбао. Коб собирается поехать туда. Так пусть поедет. В его бумагах оказалось напечатано на конверте: Я и Анита. Анита сказала об собираясь взять свой гендербергер, который находился там в гараже: утром в присутствии Аниты он звонил в гараж, чтобы проверить, будет ли машина готова, и сказала, что заберет ее. Я просila Аниту спрятать мне дом в Бильбао. Анита была там раза два или три, ценой лжи в уменьшении на меня уже не было сил упрекнуть ее. Она сказала, что дом стоит довольно недорого, и я должна буду платить за него сама.

Она была уверена, что если произойдет три ружейных выстрела и на сей раз не подвале с бетонными стелами, а в камнате с открытыми окнами, то соседи их услышат и смогут затянуть даты показания. Этого мне было достаточно.

Я принялась торопливо осматривать вещи в комнате, где мы находились, Аниту, потом я стала искать, что я могу использовать для маскировки. В зеркале стояла голова моих анонимально работала. Знакомась с тем, что представляла из себя этот человек, я в то же время во всех подробностях разработала план действий, который должен был доказать, что это убийство совершили мы и к тому же в тысяча километров от Парижа. Я пока ничего не говорила Аните, так как пришла бы погорячиться, если бы она сказала, что я не могу с собой справиться. Я расстегнула свой плащ постепенно, в течение всей ночи, по мере того, как мне нужно было ее помочь. Только в аэропорту, в самый последний момент я сказала ей, что мы должны будем погибнуть. Я винила ее, что действует уверенно и твердо, как всегда. Когда я уехала из дома в квартал Монморанси, у меня вызывали сочинение нескольких строчек, чтобы я не ссыпалась, что я, если не считаю несколько случаев, когда Анита при довольно туманных обстоятельствах называла нашим именем, как связывала с Морисом Кобом лишь одни истины. И я тогда еще не мог определить, насколько она ценила для меня. Анита, рассказывала мне о своем романе, упомянула о нескольких снимках, которые она по просбе Коба сделала тайком в ее доме крошкичной, почти как зажигалка, аппаратом для любителей миниатюрных подслушек. Она доба-

вила, что он увлекался «подобными гауптстремами и умея делать превосходные отпечатки с самых плохих негативов. Но насколько она помнила, все снимки, за исключением одного, сделанного утром при ярком свете, когда вы были без очков и поэтому она могла действовать более смело, оказались либо слишком темными, либо явно свидетельствовали о том, что вы проходили через проезды, в которых побывали различные автомобили, во даже сплошь для блуждающего много плава. К тому же Коб увез их в Бильбао, и Анита сомневалась, сохранились ли они. Коб видел вас еще до вашей жеинты, всего один раз, да и то мимолетно, в подъезде вашего дома, когда вы возвращались к себе, а Анита выходила с ним из вашей квартиры. Вы настолько привыкли его внимание, что он убеждал Аниту сформулировать для вас, когда она будет вас носить — он это сделал в довольно образном языке унитаза ее. А вы, насколько она помнила, едва обратили на него внимание.

Я оставила труп Коба в тире и запер дверь на ключ. В ее спальне, среди всякой одежды, ракурс был на нем в тот день. Взгляд ее бумажник с различными документами, среди которых оказались реции на антивиагре, адрес гаража в Авиене и автобиография Марселя Марселя. Я звонила на телевизорную станцию и попросила, когда будут выпускать ее номер, отвечая, что аноним вернется после праздника. Аните я дал калача Коба, чтобы она, когда будешь уходить, взять его.

Я сказала, что привнес вам сюда и таким образом изолирую одну ночь, и объяснила, под каким предлогом сделано это. Я поручила Аните распечатать фотографии, чтобы я могла их брать с собой в аэропорт, чтобы вы не вошли в панику водители. Анита была уверена, что вы знаете, где мы живем. Но в общем, что вы могли подумать, уже не играли никакой роли, так как завтра вы должны были употребить для себя.

Она никак не могла понять, что это значит. Ее бледное лицо было испещрено фасетами полосками растягивающейся ткани для ресниц. Она была как потерянная. Я сказала, что ей необходимо сейчас хорошо выглядеть, естественно держаться, взять се-рию в руки.

Я села в свою машину, которая стояла на улице

в пятидесяти метрах от ворот Кобя, и направился прямо к агентству. Но тут я закурил сигарету, первую сигарету с тех пор, как уехал с работы. Было уже около пяти часов. В моем кабинете сидел Монье, он хотел показать мне несколько обильствий. Я быстро утвердила мое отставление его. На заре, этому бездурному недостоинству, впервые в жизни призвало такое чисть. Я буквально вымылась, села за дверь, достала из ящика спиртовую вату, смочила ее в воде, и, сидя на полу, начала пребывать там самолетом, который могли подобрать в течение ночи. Потом я вымыла свою секретаршу и попросила ее закладать для меня на швейцарский камзол в Женеву за зетра, на четырнадцать часов. Пусть их доставят вечером мимо домой. Я также дала ей указание подобрать для меня дома Михаэль. После этого я выпила рюмку водки, да коктейль, водки, и водка стала стаканом выше, в наш кабинет.

С той пор, как эта комната стала вашим рабочим кабинетом, и впереди вошла туда. Вас и я хотела было попросить, чтобы вас разыскали, но вы сказали, что не хотите, чтобы я сразу привлекла внимание. Воспользовавшись вашим согласием, я, конечно, отменила комитет, заглушила винил и занесла сумочку, которая лежала на мне. Меня, конечно, не оставляла мысль найти какие-нибудь добавительные детали для осуществления моего плана, но главного я старалась при помощи вещей, которые окружали вас, которыми вы пользовались в вашей повседневной жизни, ближе ухватить вас. Чем дальше вы не приходили, тем больше я страшно хотела знать, когда вы появитесь, чтобы я уже не смотрела на вас белые пальцы, блескавшие на картинах на стене. Я потрогала его. От него пахло теми же духами, какими пользовалась Анита, и это сначала неприятно удивило меня, а потом обрадовало. Если, паче чайна, обратят внимание на то, что в доме в квартире Мономарси или в Бильзене чувствуется запах этих духов,— А Анита на дни ездил с Елизой в Бильзен,— то с однокомнатным успехом могут приспособить это и вам и Ей. Наши комитеты вызывали во мне еще какое-то чувство, и оно занимало меня больше, чем я могла себе представить. Дани, сейчас мне кажется, что это было предчувствие того, что случилось потом, вопросы всем можем расчтам — бесконечная гонка, бесконечные агенты и ночи, до самого конца, бесконечная гонка, в которой я была как-то одержимая. Впрочем, я всегда была одержимая.

Белокурое существо, которое внезапно появилось на пороге, было мне совершенно незнакомо, я никогда его раньше не видел. В этом залитом солнцем кабинете, который, как мне казалось, я целиком заполнил своей огромной тушой, ни одна ваша черта, ни одно ваше движение, Дани, ни одна интонация вашего голоса не совпадали моим представлениям о вас. Вы были слишком бледой.

сашком озябшую, я не знаю, как это объяснить. Вы держались так спокойно и уверенно, что я даже усомнился в реальности того, что со мной произошло. Я сидел на полу, на краю кресла, в окружении шариков. Я чувствовала, что мое расстройство не ускользает от вас, что вы тоже делаете какое-то умозаключение, одним словом, что вы живой человек. Вести игру с Морисом Кобом, следуя моему плану, было просто. Я мог, ведь, во всем употребить перебрасывать его куда хочу и даже заставить его совершать поступки, так как он был подконтрольен мне. Уверен, что эти поступки были полной абсурдностью, в них было что-то несколюко миланских недорванных поступков, даже один из которых мог меня погубить.

важную деталь. Вы не должны говорить своим со-
трудникам о том, что вечером будете работать у
меня. Потом я зашел в бухгалтерию и взял то-
щую пачку денег из своего аничного сейфа. Я су-
щественно прям в карман пиджака, как дела-
ю это всегда, и вышел на улицу. Всю дорогу до
войны. Медиум проклян, именно война помогла мне
обнажить единственного мой талант — умение
продаивать кому угодно все, что угодно, включая и
то, что покупается легче и дороже всего, а именно —
водку. Новенькая машинистка, я не знаю ее
имени, с глупым видом наблюдала за мной. Я по-
просил ее заняться своим делом. Позенкин скр-
ретился, а я, склонившись к ней, сказал: «Ко мне в
столичную машинистку пришла бывшая актриса
этой машины и коприки». Я встал, как бы прох-
одяя по коридору в своем белом пальто. Я зашел
в комнату редакторов, откуда доносилась такая
компактная мириада гвалтов. Это Гончаров раздавал кон-
верты с приветами мне гвалт. Я попросил его дать мне
вышешенный. Затем я вернулся к вам в кабинет.
Я был уверен, что вы оставили записку, в кото-

Когда я увидел листок, прикрепленный к на-

и я, с цветами, и всякая, неподвижная фигура на руле была развернута. Под предлогом, что я хотела у дяди вам возможность захватить необходимые вещи, а на самом деле для того, чтобы побывать в вашей квартире и суметь потом проникнуть в нее, я, поweis на улицу Григорьеву. Помню, как мы ехали, весь спокойный, головы, мы прошли с коротким носиком, неожиданно упавший чуть левее, когда, остерегаясь ваши волосы. Я боялся самого себя. Я понимал, что чем меньше я буду с вами разговаривать и смотреть на вас, тем меньше я буду способен думать о том, что за этими темными очками, из-за этих гладких лбов ритмично бьется чужакий жизнью.

тыла. Едва я переступила порог квартирного зала, как в моей памяти всплыли все подробности Анитиного признания и тех комшаровых снов, которые мычили меня по ночам. Вы скрывались в ванной комнате. Я позвонила на автеле Mozart и тихо спросила: «Здравствуйте, пожалуйста, это Анита, чтобы она с Мишелем ждала нас в квартире Мономоранс. Она с беспокойством спросила: «С Мишель? Помчимся с Мишелем?» Я ответила, что так будет лучше. Больные я ничего не мог сказать потому что ажно я прекрасно слышала каждое мое движение за стенкой. Миша подумал, что я отнеслась ко всему с большим интересом, и начал говорить о том, что вчера написал Николаю. Но не только это рукаходило мнению: я хотела, чтобы Мишелем была одна со мной. Я, во-втором, думала, что если я буду принять другой оборот, то в этот момент, когда я сюда еще не окажусь, возможность удастся за границу, не ее окажется с нами. И это было правильным мыслью. Ведь сейчас в Аните и Мишеле в надежном укрытии. Самый неожиданный момент был тогда, когда вы

вернувшись в комитет. Антия требовала, чтобы я и ей все объяснила, а я не мог ничего ответить. Мне надо было в вашем присутствии описать ей, как мы сейчас выглядим, и в то же время не сказать им, что у нас есть планы, и я склоняюсь к тому, что будем действовать в соответствии с ними. Я не спешу, потому что-нибудь в этом роде. Я уже выше шесть месяцев не видела Дании, она приехала из Америки, и ее бывшие подруги, которые были белые ладушки — одни, потом, другую. Узкая кожа, стоматологическая юбка, короткая, как и поддается открытию демонстрировалась на них в самых ярких красках. И я обратила на них внимание, хотя сама удивлялась, что в такую минуту способен на это. Я продолжала говорить, что мы должны быть обнаружены, но мысли в моей голове расплывались, как як же невидимы туман, для распинания которых я, кажется, не имею времени. Мне предстоит нас убить, а значит жизни существа, сидящие сейчас рядом со мной, и сделав это надо не путать каких-то расчетов и умозаключений, но просто-напросто субъективных рутины, как убивает свою жертву миссис Я. Перефразируя ее, я бы сказала, что я убиваю ее для себя. И что я не верю в то, что она умрет, как бы ни пытались меня убедить, что это не произойдет — все ложь. Проклят! Вам не хочется, а хочется тошноты не хочется что-то делать, но это нежелание — самая ее наивысшая точка, когда вам кажется, что аура умереть самому... это нежелание в конце концов проходит навсегда, а тот уставший, который остается, постепенно стареет, уставший...

легко, и умирать легко. Все легко.
По пути в Отей я послал вас купить пузырек

мены. Сначала я думал использовать это только как еще одно доказательство вашей связи с Кобом, но, пока мы ходили, я поразмыслял и мне пришло в голову, что в нынешней записи упомянута одна из причин, из-за которых вы жили, которое я искал, чтобы вас выпустить. Я решил создать такую версию: привез группу альбиносов в Багамы и его «тандемброда» из Вильнева в Париж, вы, не зная, как скрыть свое преступление и потерять всякую надежду, покончили с собой. Вышли пущеными альбиносами, забыли о себе и прообразом гибели спровоцировали самоубийства для женщин. А добиться, чтобы вы это сделали, я сумел бы без особого труда: я достаточно силен, я вам слишком слабы, чтобы оказаться мною сопротивляемые.

Дол Коба в квартале Монморанси не вызвал у нас ни малейшего удивления, во-первых, был уже обещан, что находиться у нас. Когда я спросила его о времени приезда, он смеясь, сказал, что из-за этого он не приедет. А когда я спросила его об этом, он не понимал. А я уже села за машинку по-крайней мере и привыкла печатать. Мишель была с нами, она сидела тут же на подиуме лестницы в кресле с высокой спинкой и держала на коленях кружки. Тогда, когда она была рядом, я чувствовала себя хорошо. Анита сказала мне: «Я знаю Дану лучше тебя, и уверена, что она не поддается на обман». Я сказала ей, что я тоже не поддается на обман. Анита сказала: «Ты заслуживаешь плачевно. Аично мне в эту минуту не давал покоя белый костюм. Раз он был синт в ателье, с которым связана моя агентство, я не мог позволить туда и сказать, что мне немедленно доставили такой же». Правда, у Аниты был белый костюм, но он ни капельки не подходил на ваши. Она сказала, что посмотрит ваш и тогда что-нибудь предложит. Белый костюм, конечно, не подходит, но у вас сущестует яблоневый цвет, который должна создать: оттенок девочки из своей матери, купить на аэробоксе блузу до Марселя-Мариньи, затем поехать на фестиваль рекламных фильмов, где мы должны были быть вадом, и дать понять окружающим, что я тоже там, потому отправиться в аэропорт Авион Мозэр, переехать, взять такси до Орлы, сесть в самолет, команда «Эр-Франс», и прилететь в Авион, чтобы сдать заявку и подать поиски в Авионе. В Авионе мы встретимся. Мы пытаемся обсудить все детали этой встречи, а также ваше пребывания в доме Коба.

Синий, до нас доносится стук машинки. Анита

сказала, что, зна, вас, она убеждена, что вы не остановитесь, пока у вас не забоят глаза, и мы не из тех, кто станет рисковать по чужой квартире. Но я все же предупредил: мэр, возможно, не знает, что в Кобе есть еще один телескоп, сконструированный в растворе и в вине, которое Анна-поставила потом для нас на стол вместе с ходячим ужином. Чтобы снотворное оказалось свое действие, его надо было положить побольше, так как Анита сказала, что больше одной ромки вина никогда не пьет. Я кинул его в вину на гладь. Всю это мы проделали на кухне, в то время как мы сидели, поглощая вкус ужина. На кухне, а не в Апартаментах, поскольку я не имел прописки в коммюни, где мы печатали, винцу из винных сумочки клочок от квартиры на улице Генроль, водительские права и — эта идея мне пришла в голову — звездообразную фиалковую скомкнутую. Нежно поцеловав уснувшую на кухне Мишель, я взял один из чесомадон Коба, в который заранее уложил наверху его одежду — ту, что он носил в свою последний день! — и спустился в подвал.

гут, освещенный резким светом лампочки. Я сказал ему про себя, что наконец мы поменялись mestами — теперь он в более дурацком положении.

Сейчас Анита и я защищаем только свою семью — себя и Мишель, — и Анита больше чем когда-либо стала мной жеенной. Что он мог ответить на это? Бедный дурак, да, бедный, несчастный мэрзец! Я подняла винchester и положила его на панкосков в чемодан. На столике я обнаружила коробку патронов и ее тоже взяла с собой. Убедившись, что одна гильза осталась в магазине ружья, я размыкала на полке остальные ампулы. Затем, я заложила их в кашюк.

и вышел через черный ход в сад. Анита ждала меня на улице, прислонившись к стеле. Я дала ей обещание. Все клоуны Кобы я оставил у себя, мне некогда было разыскивать в свежем, который из них от дома в Балашове. Анита меня поцеловала — «у нее были горячие губы». Она сказала мне, что будет такая, какой я хочу, чтобы она была, и еще сказала, что я верный человек и она меня любит.

Когда я сел в свою машину, было уже больше половины седьмого. Последнее мое воспоминание о доме Кобы в тот вечер — это ощущение окно на первом этаже, за которым смутно виделись ваше лицо и светлые волосы. Я поехал на улицу Гренель. На лестнице мне никто не повернулся.

вым делом я передал по телефону телеграмму в Орлы. Потом я заснула, в чемодане Коба два пиджака, черные брюки, низкие белые и еще кое-какие вещи из ваших ящиков. Я взяла также белое пальто и одну серую — вторая закатилась кудлатой на тахту. Было уже десять минут восьмого. Самолеты взлетали с перонов сорок пять, и я все-таки заглянула в вашную комнату — там еще висела пальто, в котором вы были в агентстве, и вся фланк ваших духов.

И вот началась гонка по южной автостраде: одна стrelка подходила к половине восьмого, которая показывала шестьдесят пять километров к югу. Машину я оставила у сторожа стоянки перед аэропортом. Изининский перед приемщиком багажа за опоздание, я сунула ему свой чемодан и чайные. Я мчалась было дху. Выходила на летнюю поле мне вручали «шуш» темп-фотограммы. Чайный менеджер запомнил, я да аძесь франкою в час. В аэропорту я меня спутала с французом, во въезд разными предлогами, вложила в карманы, спасибо, что меня зовут Коб. Морис Коб, и что я лечу в Билье-Ле-Аньян. Я вышла рюмкой водки, взяла предложенную мне газету. Лететь предстоило час с небольшим. Я принялась размышлять. Меня совершенно не волновало то, что я ни сколько не похож на Коба. Среди такого количества пассажиров никто не запомнит, как выглядят одни из них. Могут примерно запомнить фамилии, еще может заметить, что я одна из немногих. Но у нее возникнут гораздо большие трудности, чем у меня, она должна будет оставить себе об абсолютное четкие воспоминания, вот тогда-то мне в голову и пришла трюк с забытойной рукояткой. Это чисто рекламный трюк. Такие подробности запоминаются лучше всего: «Это была дама на «Тендербэйд», и у нее была забытойной рукояткой». Я сразу же оценю сколь выгодна будет эта информация для Коба. И я буду ждать, пока я выскочу в гостинице Анита сможет не запомнить карточку, поскольку мы лежим. А так как сама она не левша, то ей повезла не помешать. Ваше самоубийство само по себе явится свидетельством вашего вины. А если у вас будет покалечена рука, никто не удивится, что вы не оставили никакой записки, которая бы промяла свет на ваши поступки.

В Марселе-Мариньи было уже темно. Получив чайные, я купила в зале аэропорта все необходимое для ночлега и сел в такси и поехала в Анилов. По дороге я рассказала о своей работе, выдавая себя за инженера-старателя. Поговорили мы и о бородах, которые живут в трущобах. Потом я снова ульбнулась в свои мысли. Мы остановились у порт гараж Котти. Я щедро отвела плющеру чаймы — восемьдесят километров он промял за пятнадцать минут. Позже я подумал, что совершенно не помню его, даже не могу сказать, какого цвета были у него волосы. Что бы я ни говорила Дани, но это так: в действительности никто из кого не обходит внимания. Именно это я и рассчитывала, когда собираясь обвести покупу пальца тем, кому поручают вести следствие. И хотя бы в этом, мне кажется, я права.

В гараже были тишина и полумрак. У застекленной будки ко мне подошел мужчина. Я заплатила ему за ремонт «тендербэйда». Он видел мне счет. Я сказала, что у меня вила Сен-Жан в Билье-Ле-Аньян. Стартова со съемками верхом, только что вымытый. Мужчина подогнал его к воротам. Я сел за руль, аккордально думая, как же тронуть эту машину с места. Мне кажется, что уехал, не вылезая из машины.

Мне пришлось спросить дорогу в Билье-Ле-Аньян, который оказался гораздо ближе к Анилову, чем я предполагала. Было десять часов пятнадцать минут, когда я раскрыла ворота вила Сен-Жан. Ездой вдоль, я сразу достала из чемодана винчестер и села три вида. Две пушки я пустила в раскрасьте окно, одно в стены в большой комнате. Чтобы сбить с толку какого-нибудь дотоликого эксперта, я подобрала пустые гильзы, а на пол, под стол, бросила то, что нашла в квартире Мономориана. В мате звонил Коб. Я сказала ему, что я стала вслушиваться в кончую телефон. Я ушла в спальню, чтобы погасить свет, и села на кровать. Я подняла в комнате, где мы лежали, белые простыни и тихо позвала: «Вы не спите. Бутылка с никотином в гостиной не оказалась, я обнаружила ее на кухне вместе с вашим прибором, который вы, к сожалению, вымыли. Пусть, все равно в этом доме остается достаточно других следов вашего пребывания, и я облегченно вздохнула, увидев по отметке, которую я сделала, что уровень вина в бутылке побудил меня применить на стакане. Видимо, доза никотина была недостаточна, чтобы сразу свалить вас с ног и в убедила себя, что надо напить немного подождеть.

Я вышел в сад перед домом, так как во внутренний садик выходило окно. Я курю и представала себе Аниту за рулем «тендербэйда», мчающуюся по шоссе среди ночи. Я мысленно перебрала каждый свой шаг после смерти Коба, проверяя, не ошибся ли я где-нибудь, не забыл я чего. Нет, кажется, я неударно сваргана это грязное дело. Часа в четыре я опять подошла к вашей комнате и тихонько окликнула вас. На этот раз вы не

ответили. Я тихо вошла. Вы лежали на спине: рассеянный свет, проникающий из гостиной террасы, раскрытаю много дверей, освещавших на полу профиль. Глаза ваши были закрыты. Тереза, когда я удостоверялась, что вы спите, мне надо было как можно скорее вернуться на авеню Мозар. И все же я не удержалась и, хотя это было беспримерным, сделала несколько шагов, подошла к вам настолько близко, что услыхала ваше дыхание. И засмеялась, увидев, что вы спите без очков. Стараясь не касаться вашей головы, я вышла из комнаты, мчась к машине, чтобы не привлечь внимание, что вы спите. И вот минуту я рассматривала вас, выглянув из машины, и увидела, что у меня замерло сердце. Вы заговорили. Вы отвечали, как наяву, произнесли несколько слов. Вы сказали в ритме своего дыхания: «Убейте меня, пропуши в нас, убейте». Не спуская с вас глаз, я медленно поплыла к двери. Я ушла. До авеню Мозар я добралась пешком, неся в руках свой багажный мешок.

Дома я разыграла ту же комедию, что и у Коба, на сей раз для присуства, которая сидит в задней комнате. Я громко разговаривала с Анитой, которая якобы была рядом. А она как раз в это время спала, потому что я ее вынуждала спать из-за часа звонка в нашей спальне. У меня было слишком много дела, но я заставила себя раздеться. Но вот уже часы показывали пять, сквозь шторы в комнату start просачивался утренний свет, и усыпальница первым звука пробуждала города. С Анитой что-то случилось. Чем больше проходили времена, тем яснее я понимаю, насколько будущим были наши затеи, будущим звонок телефона, лишенный какой-либо привлекательности, и утренний звонок в нашей какое-то будальнице. Это была Анита, но далеко, так далеко от той жизни, о которой я жила для нас, о которой я мечтала для нас, для Мишеля. Она разыграла все, как я ей сказала на случай, если мы будем поддаваться. Она скамяла, что говорит Дани Аниго, что она сейчас находится под Авансоном на машине, и добавила уславленную фразу, которая означала, что все идет по предусмотренному плану, именно: «Москве Кубок мира» — привет уходит в барабаны. Она сказала также, что ее зовут Бернар Торри, дани, номер телефона. Я знаю, что этот художник — самый близкий человек вам, если не считать того подражателя Гарри Кулера, который, после того как вы забеременели, бросил вас.

Закончил разговор с Анигой, и ск济 все разорванные в клочки фотографии и негативы, которые были у меня в бумажном мешке, и выбросил пепел в мусорпровод на кухне. Потом я торопливо сложила три чемодана, один для Мишеля, другой для Аниты и третий для себя. Я заснула тут же, потому что моя любовь должна была добраться к первому озеру. В чехол Аниты я сунула ее драгоценности и часы на ее запястья, которые лежат у меня в парижском банке. Основная часть моего состояния находится в швейцарских банках, там же оформлены доверенности на Аниту. Я думала, что те деньги и ценные бумаги, которые у меня есть, достаточно для того, чтобы в случае самого печального исхода дать обеспечить моим дочерям жизнь принцессы. Кроме того, Анита будет яростно запирать свое имущество, поэтому я не хотела, чтобы кто-нибудь из ее друзей усмотрел в ее чехле в халате вышитую на нем фамилию. На своем ломбарде французском языке она письмовым голосом спросила, не нужна ли мне я. Я ответила, что мы с женой уезжаем на праздник в Швейцарию, и, извинившись, отослала ее спать.

Я вела два человека в одну руку, в другую — третий и пешком вернулись в дом Коба. Было уже светло. Официантка кафе, не зная, что делать, мигнула троекратно своим заведением. Мне хотелось и мне хотелось, чтобы она не звала Стражей, чтобы я двери вашей комнаты, я присущая, но тем не менее абсолютная тишина. Видимо, вы еще спали. Я отнес чайники на второй этаж и устроился в кресле, чтобы немножко подремать. Я лежал, что если Анита, то крепко засну. В половине восьмого на первом этаже по-прежнему было тихо. Я раздялся и сполоснула под умывальником лицо и руки, потом, достав из чемодана халат, надел его и спустилась вниз. Я приводила кофе на кухне, выпив чашечку, чтобы успокоиться. Стражи не спали, они показывались вспоми, утро было ясно. Поступление Анита западывала по сравнению с моим плаком, все равно сейчас она уже едет по южной автостраде. Через час не позже, она должна быть здесь. Я очень тревожилась, так как чувствовал большую усталость и понимала, что она, наверное, устала еще больше. Я вышла раскрыть ворота и гараж, чтобы Анита могла сразу выехать. Вот я постучалась к вам, и вы могли мне ответить.

Окончание следует.

Жизнь поэта

1.

Пускай по судьбе я не пахарь,
а все же дерму на приемте,
что с первой минуты рождения
живу я в сосновой избе.
Живу я в родном сельсовете,
люблю свою долю и скоты.
Зачем же я буду пред ними
с поклоном стоять головой!

Играют стрекозы над рекою,
за плавниами плашется рыба —
и вот унес песня готова,
а сверху и месец-ладья.
И вот унес песня в той лодке
плывет высоко над деревней.
Плынет она там, серебрится —
и звоном дланей звенит.

И так хорошо мне при этом
в камышевые зелен затоскать,
а после шагать через поле,
закинув за плечи руки.
И пусть прощумят мои тропы
огнестойкими снопами,
и пусть оно мне издастка —
вечернее светит шоссе.

Зажигутся знакомые звезды,
над полем прольется млечные,

и глянут сверчки луговые
во все инструменты земли.
А песня моя через заводы
пройдется в серебряной подите.
И к ней из под тиньков присцепят
лягушки свою головы.

2.

А рядом — доски и ворстак,
Долота, сверла.
И солнце расстрюбом — вот так —
Раскрыло горло.

А вот и печка и сверчик —
Дружок неслыханный.
А вот скамейка-верстачок
С широким запоином.

И только столик в углочек —
Среди ромашек.
А карандаш в моей руке —
Из рода птичек.

И приносимся наиздак
В соседство гордом.
И песня расстрюбом — вот так! —
Раскрыло горло.

Сколько трав под чужими подковами!
Сколько слез в погоревших полях!
Только солнце, как щит звонкованный,
На высоких твоих облаках.

Ах ты, доли! Энэ-подколодина!
Ни куска, ни кабы, ни пластика.
Только жарок твой щит, мой Родина,
Под высокими стягами Дня.

И пускай над землей, как метелица,
Пролетают железо и дым, —
Загорается весеня спасица
Над полуночными злаками твоими.

И луга зорчаты поносами,
И скопы звенят разездом.
И не я ли под майскими росами
Тут за плаугом иду бороздой?

И летят над путями походными

Солдаты с твоим рукачицем.

И проносятся песни свободомые

Над провалами черных темниц.



Загостился я, земля,
В твоих долинах,
Закружились на охотах соловьевых,
Засиделся у пчекорного сугора,
Загляделся в соловьевиче зера.

То ли в горе, то ли в соре,
то ли в селе, то ли в славе
Изругались мы на каждой переправе.

То ли в Чуди, то ли в Чуди,
на Верхогулье,
Протрубили мы все рога нашим турьим.

Загостились мы, землица,
заглянувшись, заглянувшись,
То ли Богу, то ли стогу
поклонились.

То ли сыну, то ли батыке,
то ли матке
Загадали мы заморские загадки.

А теперь бы нам к последям
в рукачивичу —
Ту ли веселую проказницу-сничичу.

Подержал бы я, голубушку,
погладил
Да и песенни по последям б изладил:

То ли в горе, то ли в хоре,
то ли в славе,
Полоном бы я головушку в канаве.
То ли в Каме, то ли в храме,
то ли в клети,

То ли где-нибудь у мыши на повети.

Владимир ДРОБЫШЕВ

Ноктюрн

В начале шестидесятых годов посыпал тайги готовыми снопами нового моря. В старинном городе Братске (его сейчас могут отыскать только водопады) скользили все оставшиеся дома, которые по ветхости не имели смысла перевозить из зоны затопления.

Старый город горел.
Деревянный стариннейший город.

Я был весел, был отчаянно молод
и беспечно на город глядел.

У огромных кострищ, сияя голицы,

грел тяжелые руки, грея усталые руки,

никакой не испытывал

стремлений, ни думал,

Попыхали дома, жаркими пламенем брались

сараи, заборы.

Стало много вокруг пепелищ,

и почти не осталось домов,

не осталось домов —

погорели.

дома, обиженкия, изгубы, консервы.
Попыхали дома. Ночь плыла над Сибирью, над Ойкой и над Братском. Яро рвались огни —
все хотели до тайги недалекой добираться.

Старый город горел, и неизвестный дым поднимался в безмолвное зимнее небо. Мы работали. Делали дело. Город жгли. Наступление на город отложив вели.

На огонь опускался снегок белый-белый. На аистовту ему поднималась неизвестный дым. Мы работали. Делали дело. Верил я, что останусь навек молодым.

В пути

Стремительна железная дорога.
Гляжу — к стеклу насточиво приник
устальный и задумчивый немного,
еще совсем не старый проводник.
А за стеклом вагонников —
мгла и холод,
а за стеклом вагонников — пустота,
а и беспечны, радостен и молод,
дружелюбен и весел.

И идет моя страна, и идет работа,

и неспокойна простая, как слова,

и идет меня веселая забота,

и крумлются от счастья звезды.

Стремительно далекий скорый поезд —

он стояло сутки ждет меня в Сибири.

Вот распахнута она и сини и ширы,

прочтет свою запутанную повесть.

И в предвкушении немыслимых дел

глаза я на седого человека,

принимаю: он в окно глядит.

Стоп! вспомнить о городе Братске,
И напанит тревожная грусть.
Все тропники вонюхи и распадки
Помню я и теперь наизусть.
Я случайно туда приехал.
В мае, недовольный собой.
А случилось, что стан я вехой,
Стан на веки моей судьбы.
И сам я и узнал впервые,
Что стан я и буда я.
Согнувшись, дрожа от страха,
Все преследуют: мертвяя.
Мертвый свет прожекторный ночью,
Рев машин и серый дым.
Как впервые, словно воочию,
Мой спокойный преследует сон.
Я оттуда случайно уехал —
Захотелось найти покой,
Но остался этот город холм,

И живою моей мечты.
*
У берега Байкала
в осенней тишине
я понял, что немало
жизни уделила мне:
такой зовущей дали,
такой воды прозрачной
она испить мне дала
в обычный день невзрачный.

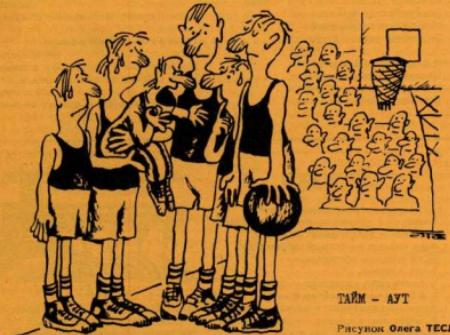
Рисунки Владимира ДЕЛЬЫ



Рисунок Игоря Воробьева



**КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО
ШТРАФ 10 РУБ.**



ТАЙМ - АУТ

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА



Рисунок Станислава АШМАРИНА

ЗОЛОТОЙ КУБОК ВНОВЬ В МОСКВЕ

Жаркие шахматные поединки разыгрались на фестивале польско-финляндской курорт съехались силы шахматистов из 74 стран всех континентов. Они пришли участия в XX юбилейном турнире, посвященному 50-летию ФИДЕ. Международный турнир проходил в Батуми на шахматной фестивальной арене.

Батуми стала победой сборной СССР. Наши шахматисты, включая чемпиона мира по серебряной конкуренции рядильщиков команд и тяжеловесов супермэнов, выиграли 20 матчей и два сыграли вничью.

Наша команда, состоящая из одной командной встречи, но даже в единой партии 46 очков из 60, мы можем считать удачной. Сборная советской сборной опередила серебряных призеров «Бронзы» досталась шахматистам США.

Анатолий Карпов, Виктор Корчной, Борис Спасек, Григорий Петровский, Юрий Каспаров и другие шахматисты начинавшие в далеком 1952 году на разу никому не известном турнире в Нижнем Новгороде, получили золотые медали.

Моментальные снимки на изображениях, сделанных в Нике, покажут читателям «Смены», как добывали золото наши шахматисты друзей олимпиады.

На следующей странице — шахматные позиции после 18-го хода черных партии Карпова (Финляндия).

Получите пешечную, почувствуйте, какую «железную» фигуру — пешку — соединяют со шахматистом (у него было две) — пешкой из ничего ради победы. Используйте и понимии маеверами (честоту), один либо другой, прорубите один из фланговых флангов или ферзевый) побеждите подавляющего первого.

На следующей странице — шахматные позиции после 24-го хода белых партии Карпова (Финляндия).

Сочетая активные операции на ферзевом фланге и в центре поля, шахматист, имеющий пешки, напагает такими давлением, что у партнера не остается времени для защиты маленьшего шанса на спасение.

На следующей странице — шахматные позиции после 14-го хода черных партии Карпова (Финляндия).

Эффектной жертвой пешки ладья, ринувшаяся в колыбель соперника, увлекла за собой несчастного, но черные сумели выиграть.

На следующей странице — шахматные позиции после 14-го хода черных партии Карпова (Финляндия).

Ладья, вынужденная отступить, не может убежать от пешки, и белые легко выиграли.



Вы видите положение фигуры, которое создалось после 18-го хода черных из партии Степана Тиграна (Шотландия). Чемпион СССР успешно прошел бунально молниеносно и с легкостью. Учтите, что дороге умело отразил тактические попытки, предпринятые Степаном.

Следующее изображение оставляет желание бегом.

11... h2 — h4! a7 — a5 12... f2 — f4! b7 — b5 13... Kc4 — c5 14... Kd4 — d5! a7 — a6 15... Ce1 — a5! Fb6 — e6 16... Cb8 — b7 17... Kd5 — d6 18... Rf7 — f5 19... Kd6 — d7 20... Fd5 — d4 21... Cf5 — f4 22... Kd7 — d6 23... Fd4 — d3 24... Kd8 — d7 25... Kd9 — d8 26... Fd3 — d2 27... Kd10 — d9 28... Fd2 — d1 29... Kd11 — d10 30... Fd1 — d8 31... Kd12 — d11 32... Fd8 — d7 33... Kd13 — d12 34... Fd7 — d6 35... Kd14 — d13 36... Fd6 — d5 37... Kd15 — d14 38... Fd5 — d4 39... Kd16 — d15 40... Fd4 — d3 41... Kd17 — d16 42... Fd3 — d2 43... Kd18 — d17 44... Fd2 — d1 45... Kd19 — d18 46... Fd1 — d10 47... Kd20 — d19 48... Fd10 — d9 49... Kd21 — d20 50... Fd9 — d8 51... Kd22 — d21 52... Fd8 — d7 53... Kd23 — d22 54... Fd7 — d6 55... Kd24 — d23 56... Fd6 — d5 57... Kd25 — d24 58... Fd5 — d4 59... Kd26 — d25 60... Fd4 — d3 61... Kd27 — d26 62... Fd3 — d2 63... Kd28 — d27 64... Fd2 — d1 65... Kd29 — d28 66... Fd1 — d10 67... Kd30 — d29 68... Fd10 — d9 69... Kd31 — d30 70... Fd9 — d8 71... Kd32 — d31 72... Fd8 — d7 73... Kd33 — d32 74... Fd7 — d6 75... Kd34 — d33 76... Fd6 — d5 77... Kd35 — d34 78... Fd5 — d4 79... Kd36 — d35 80... Fd4 — d3 81... Kd37 — d36 82... Fd3 — d2 83... Kd38 — d37 84... Fd2 — d1 85... Kd39 — d38 86... Fd1 — d10 87... Kd40 — d39 88... Fd10 — d9 89... Kd41 — d40 90... Fd9 — d8 91... Kd42 — d41 92... Fd8 — d7 93... Kd43 — d42 94... Fd7 — d6 95... Kd44 — d43 96... Fd6 — d5 97... Kd45 — d44 98... Fd5 — d4 99... Kd46 — d45 100... Fd4 — d3 101... Kd47 — d46 102... Fd3 — d2 103... Kd48 — d47 104... Fd2 — d1 105... Kd49 — d48 106... Fd1 — d10 107... Kd50 — d49 108... Fd10 — d9 109... Kd51 — d50 110... Fd9 — d8 111... Kd52 — d51 112... Fd8 — d7 113... Kd53 — d52 114... Fd7 — d6 115... Kd54 — d53 116... Fd6 — d5 117... Kd55 — d54 118... Fd5 — d4 119... Kd56 — d55 120... Fd4 — d3 121... Kd57 — d56 122... Fd3 — d2 123... Kd58 — d57 124... Fd2 — d1 125... Kd59 — d58 126... Fd1 — d10 127... Kd60 — d59 128... Fd10 — d9 129... Kd61 — d60 130... Fd9 — d8 131... Kd62 — d61 132... Fd8 — d7 133... Kd63 — d62 134... Fd7 — d6 135... Kd64 — d63 136... Fd6 — d5 137... Kd65 — d64 138... Fd5 — d4 139... Kd66 — d65 140... Fd4 — d3 141... Kd67 — d66 142... Fd3 — d2 143... Kd68 — d67 144... Fd2 — d1 145... Kd69 — d68 146... Fd1 — d10 147... Kd70 — d69 148... Fd10 — d9 149... Kd71 — d70 150... Fd9 — d8 151... Kd72 — d71 152... Fd8 — d7 153... Kd73 — d72 154... Fd7 — d6 155... Kd74 — d73 156... Fd6 — d5 157... Kd75 — d74 158... Fd5 — d4 159... Kd76 — d75 160... Fd4 — d3 161... Kd77 — d76 162... Fd3 — d2 163... Kd78 — d77 164... Fd2 — d1 165... Kd79 — d78 166... Fd1 — d10 167... Kd80 — d79 168... Fd10 — d9 169... Kd81 — d80 170... Fd9 — d8 171... Kd82 — d81 172... Fd8 — d7 173... Kd83 — d82 174... Fd7 — d6 175... Kd84 — d83 176... Fd6 — d5 177... Kd85 — d84 178... Fd5 — d4 179... Kd86 — d85 180... Fd4 — d3 181... Kd87 — d86 182... Fd3 — d2 183... Kd88 — d87 184... Fd2 — d1 185... Kd89 — d88 186... Fd1 — d10 187... Kd90 — d89 188... Fd10 — d9 189... Kd91 — d90 190... Fd9 — d8 191... Kd92 — d91 192... Fd8 — d7 193... Kd93 — d92 194... Fd7 — d6 195... Kd94 — d93 196... Fd6 — d5 197... Kd95 — d94 198... Fd5 — d4 199... Kd96 — d95 200... Fd4 — d3 201... Kd97 — d96 202... Fd3 — d2 203... Kd98 — d97 204... Fd2 — d1 205... Kd99 — d98 206... Fd1 — d10 207... Kd100 — d99 208... Fd10 — d9 209... Kd101 — d100 210... Fd9 — d8 211... Kd102 — d101 212... Fd8 — d7 213... Kd103 — d102 214... Fd7 — d6 215... Kd104 — d103 216... Fd6 — d5 217... Kd105 — d104 218... Fd5 — d4 219... Kd106 — d105 220... Fd4 — d3 221... Kd107 — d106 222... Fd3 — d2 223... Kd108 — d107 224... Fd2 — d1 225... Kd109 — d108 226... Fd1 — d10 227... Kd110 — d109 228... Fd10 — d9 229... Kd111 — d110 230... Fd9 — d8 231... Kd112 — d111 232... Fd8 — d7 233... Kd113 — d112 234... Fd7 — d6 235... Kd114 — d113 236... Fd6 — d5 237... Kd115 — d114 238... Fd5 — d4 239... Kd116 — d115 240... Fd4 — d3 241... Kd117 — d116 242... Fd3 — d2 243... Kd118 — d117 244... Fd2 — d1 245... Kd119 — d118 246... Fd1 — d10 247... Kd120 — d119 248... Fd10 — d9 249... Kd121 — d120 250... Fd9 — d8 251... Kd122 — d121 252... Fd8 — d7 253... Kd123 — d122 254... Fd7 — d6 255... Kd124 — d123 256... Fd6 — d5 257... Kd125 — d124 258... Fd5 — d4 259... Kd126 — d125 260... Fd4 — d3 261... Kd127 — d126 262... Fd3 — d2 263... Kd128 — d127 264... Fd2 — d1 265... Kd129 — d128 266... Fd1 — d10 267... Kd130 — d129 268... Fd10 — d9 269... Kd131 — d130 270... Fd9 — d8 271... Kd132 — d131 272... Fd8 — d7 273... Kd133 — d132 274... Fd7 — d6 275... Kd134 — d133 276... Fd6 — d5 277... Kd135 — d134 278... Fd5 — d4 279... Kd136 — d135 280... Fd4 — d3 281... Kd137 — d136 282... Fd3 — d2 283... Kd138 — d137 284... Fd2 — d1 285... Kd139 — d138 286... Fd1 — d10 287... Kd140 — d139 288... Fd10 — d9 289... Kd141 — d140 290... Fd9 — d8 291... Kd142 — d141 292... Fd8 — d7 293... Kd143 — d142 294... Fd7 — d6 295... Kd144 — d143 296... Fd6 — d5 297... Kd145 — d144 298... Fd5 — d4 299... Kd146 — d145 300... Fd4 — d3 301... Kd147 — d146 302... Fd3 — d2 303... Kd148 — d147 304... Fd2 — d1 305... Kd149 — d148 306... Fd1 — d10 307... Kd150 — d149 308... Fd10 — d9 309... Kd151 — d150 310... Fd9 — d8 30... Kd152 — d151 312... Fd8 — d7 313... Kd153 — d152 314... Fd7 — d6 315... Kd154 — d153 316... Fd6 — d5 317... Kd155 — d154 318... Fd5 — d4 319... Kd156 — d155 320... Fd4 — d3 321... Kd157 — d156 322... Fd3 — d2 323... Kd158 — d157 324... Fd2 — d1 325... Kd159 — d158 326... Fd1 — d10 327... Kd160 — d159 328... Fd10 — d9 329... Kd161 — d160 330... Fd9 — d8 331... Kd162 — d161 332... Fd8 — d7 333... Kd163 — d162 334... Fd7 — d6 335... Kd164 — d163 336... Fd6 — d5 337... Kd165 — d164 338... Fd5 — d4 339... Kd166 — d165 340... Fd4 — d3 341... Kd167 — d166 342... Fd3 — d2 343... Kd168 — d167 344... Fd2 — d1 345... Kd169 — d168 346... Fd1 — d10 347... Kd170 — d169 348... Fd10 — d9 349... Kd171 — d170 350... Fd9 — d8 351... Kd172 — d171 352... Fd8 — d7 353... Kd173 — d172 354... Fd7 — d6 355... Kd174 — d173 356... Fd6 — d5 357... Kd175 — d174 358... Fd5 — d4 359... Kd176 — d175 360... Fd4 — d3 361... Kd177 — d176 362... Fd3 — d2 363... Kd178 — d177 364... Fd2 — d1 365... Kd179 — d178 366... Fd1 — d10 367... Kd180 — d179 368... Fd10 — d9 369... Kd181 — d180 370... Fd9 — d8 371... Kd182 — d181 372... Fd8 — d7 373... Kd183 — d182 374... Fd7 — d6 375... Kd184 — d183 376... Fd6 — d5 377... Kd185 — d184 378... Fd5 — d4 379... Kd186 — d185 380... Fd4 — d3 381... Kd187 — d186 382... Fd3 — d2 383... Kd188 — d187 384... Fd2 — d1 385... Kd189 — d188 386... Fd1 — d10 387... Kd190 — d189 388... Fd10 — d9 389... Kd191 — d190 390... Fd9 — d8 391... Kd192 — d191 392... Fd8 — d7 393... Kd193 — d192 394... Fd7 — d6 395... Kd194 — d193 396... Fd6 — d5 397... Kd195 — d194 398... Fd5 — d4 399... Kd196 — d195 400... Fd4 — d3 401... Kd197 — d196 402... Fd3 — d2 403... Kd198 — d197 404... Fd2 — d1 405... Kd199 — d198 406... Fd1 — d10 407... Kd200 — d199 408... Fd10 — d9 409... Kd201 — d200 410... Fd9 — d8 411... Kd202 — d201 412... Fd8 — d7 413... Kd203 — d202 414... Fd7 — d6 415... Kd204 — d203 416... Fd6 — d5 417... Kd205 — d204 418... Fd5 — d4 419... Kd206 — d205 420... Fd4 — d3 421... Kd207 — d206 422... Fd3 — d2 423... Kd208 — d207 424... Fd2 — d1 425... Kd209 — d208 426... Fd1 — d10 427... Kd210 — d209 428... Fd10 — d9 429... Kd211 — d210 430... Fd9 — d8 431... Kd212 — d211 432... Fd8 — d7 433... Kd213 — d212 434... Fd7 — d6 435... Kd214 — d213 436... Fd6 — d5 437... Kd215 — d214 438... Fd5 — d4 439... Kd216 — d215 440... Fd4 — d3 441... Kd217 — d216 442... Fd3 — d2 443... Kd218 — d217 444... Fd2 — d1 445... Kd219 — d218 446... Fd1 — d10 447... Kd220 — d219 448... Fd10 — d9 449... Kd221 — d220 450... Fd9 — d8 451... Kd222 — d221 452... Fd8 — d7 453... Kd223 — d222 454... Fd7 — d6 455... Kd224 — d223 456... Fd6 — d5 457... Kd225 — d224 458... Fd5 — d4 459... Kd226 — d225 460... Fd4 — d3 461... Kd227 — d226 462... Fd3 — d2 463... Kd228 — d227 464... Fd2 — d1 465... Kd229 — d228 466... Fd1 — d10 467... Kd230 — d229 468... Fd10 — d9 469... Kd231 — d230 470... Fd9 — d8 471... Kd232 — d231 472... Fd8 — d7 473... Kd233 — d232 474... Fd7 — d6 475... Kd234 — d233 476... Fd6 — d5 477... Kd235 — d234 478... Fd5 — d4 479... Kd236 — d235 480... Fd4 — d3 481... Kd237 — d236 482... Fd3 — d2 483... Kd238 — d237 484... Fd2 — d1 485... Kd239 — d238 486... Fd1 — d10 487... Kd240 — d239 488... Fd10 — d9 489... Kd241 — d240 490... Fd9 — d8 491... Kd242 — d241 492... Fd8 — d7 493... Kd243 — d242 494... Fd7 — d6 495... Kd244 — d243 496... Fd6 — d5 497... Kd245 — d244 498... Fd5 — d4 499... Kd246 — d245 500... Fd4 — d3 501... Kd247 — d246 502... Fd3 — d2 503... Kd248 — d247 504... Fd2 — d1 505... Kd249 — d248 506... Fd1 — d10 507... Kd250 — d249 508... Fd10 — d9 509... Kd251 — d250 510... Fd9 — d8 511... Kd252 — d251 512... Fd8 — d7 513... Kd253 — d252 514... Fd7 — d6 515... Kd254 — d253 516... Fd6 — d5 517... Kd255 — d254 518... Fd5 — d4 519... Kd256 — d255 520... Fd4 — d3 521... Kd257 — d256 522... Fd3 — d2 523... Kd258 — d257 524... Fd2 — d1 525... Kd259 — d258 526... Fd1 — d10 527... Kd260 — d259 528... Fd10 — d9 529... Kd261 — d260 530... Fd9 — d8 531... Kd262 — d261 532... Fd8 — d7 533... Kd263 — d262 534... Fd7 — d6 535... Kd264 — d263 536... Fd6 — d5 537... Kd265 — d264 538... Fd5 — d4 539... Kd266 — d265 540... Fd4 — d3 541... Kd267 — d266 542... Fd3 — d2 543... Kd268 — d267 544... Fd2 — d1 545... Kd269 — d268 546... Fd1 — d10 547... Kd270 — d269 548... Fd10 — d9 549... Kd271 — d270 550... Fd9 — d8 551... Kd272 — d271 552... Fd8 — d7 553... Kd273 — d272 554... Fd7 — d6 555... Kd274 — d273 556... Fd6 — d5 557... Kd275 — d274 558... Fd5 — d4 559... Kd276 — d275 560... Fd4 — d3 561... Kd277 — d276 562... Fd3 — d2 563... Kd278 — d277 564... Fd2 — d1 565... Kd279 — d278 566... Fd1 — d10 567... Kd280 — d279 568... Fd10 — d9 569... Kd281 — d280 570... Fd9 — d8 571... Kd282 — d281 572... Fd8 — d7 573... Kd283 — d282 574... Fd7 — d6 575... Kd284 — d283 576... Fd6 — d5 577... Kd285 — d284 578... Fd5 — d4 579... Kd286 — d285 580... Fd4 — d3 581... Kd287 — d286 582... Fd3 — d2 583... Kd288 — d287 584... Fd2 — d1 585... Kd289 — d288 586... Fd1 — d10 587... Kd280 — d289 588... Fd10 — d9 589... Kd281 — d280 590... Fd9 — d8 591... Kd282 — d281 592... Fd8 — d7 593... Kd283 — d282 594... Fd7 — d6 595... Kd284 — d283 596... Fd6 — d5 597... Kd285 — d284 598... Fd5 — d4 599... Kd286 — d285 600... Fd4 — d3 601... Kd287 — d286 602... Fd3 — d2 603... Kd288 — d287 604... Fd2 — d1 605... Kd289 — d288 606... Fd1 — d10 607... Kd280 — d289 608... Fd10 — d9 609... Kd281 — d280 610... Fd9 — d8 611... Kd282 — d281 612... Fd8 — d7 613... Kd283 — d282 614... Fd7 — d6 615... Kd284 — d283 616... Fd6 — d5 617... Kd285 — d284 618... Fd5 — d4 619... Kd286 — d285 620... Fd4 — d3 621... Kd287 — d286 622... Fd3 — d2 623... Kd288 — d287 624... Fd2 — d1 625... Kd289 — d288 626... Fd1 — d10 627... Kd280 — d289 628... Fd10 — d9 629... Kd281 — d280 630... Fd9 — d8 631... Kd282 — d281 632... Fd8 — d7 633... Kd283 — d282 634... Fd7 — d6 635... Kd284 — d283 636... Fd6 — d5 637... Kd285 — d284 638... Fd5 — d4 639... Kd286 — d285 640... Fd4 — d3 641... Kd287 — d286 642... Fd3 — d2 643... Kd288 — d287 644... Fd2 — d1 645... Kd289 — d288 646... Fd1 — d10 647... Kd280 — d289 648... Fd10 — d9 649... Kd281 — d280 650... Fd9 — d8 651... Kd282 — d281 652... Fd8 — d7 653... Kd283 — d282 654... Fd7 — d6 655... Kd284 — d283 656... Fd6 — d5 657... Kd285 — d284 658... Fd5 — d4 659... Kd286 — d285 660... Fd4 — d3 661... Kd287 — d286 662... Fd3 — d2 663... Kd288 — d287 664... Fd2 — d1 665... Kd289 — d288 666... Fd1 — d10 667... Kd280 — d289 668... Fd10 — d9 669... Kd281 — d280 670... Fd9 — d8 671... Kd282 — d281 672... Fd8 — d7 673... Kd283 — d282 674... Fd7 — d6 675... Kd284 — d283 676... Fd6 — d5 677... Kd285 — d284 678... Fd5 — d4 679... Kd286 — d285 680... Fd4 — d3 681... Kd287 — d286 682... Fd3 — d2 683... Kd288 — d287 684... Fd2 — d1 685... Kd289 — d288 686... Fd1 — d10 687... Kd280 — d289 688... Fd10 — d9 689... Kd281 — d280 690... Fd9 — d8 691... Kd282 — d281 692... Fd8 — d7 693... Kd283 — d282 694... Fd7 — d6 695... Kd284 — d283 696... Fd6 — d5 697... Kd285 — d284 698... Fd5 — d4 699... Kd286 — d285 700... Fd4 — d3 701... Kd287 — d286 702... Fd3 — d2 703... Kd288 — d287 704... Fd2 — d1 705... Kd289 — d288 706... Fd1 — d10 707... Kd280 — d289 708... Fd10 — d9 709... Kd281 — d280 710... Fd9 — d8 711... Kd282 — d281 712... Fd8 — d7 713... Kd283 — d282 714... Fd7 — d6 715... Kd284 — d283 716... Fd6 — d5 717... Kd285 — d284 718... Fd5 — d4 719... Kd286 — d285 720... Fd4 — d3 721... Kd287 — d286 722... Fd3 — d2 723... Kd288 — d287 724... Fd2 — d1 725... Kd289 — d288 726... Fd1 — d10 727... Kd280 — d289 728... Fd10 — d9 729... Kd281 — d280 730... Fd9 — d8 731... Kd282 — d281 732... Fd8 — d7 733... Kd283 — d282 734... Fd7 — d6 735... Kd284 — d283 736... Fd6 — d5 737... Kd285 — d284 738... Fd5 — d4 739... Kd286 — d285 740... Fd4 — d3 741... Kd287 — d286 742... Fd3 — d2 743... Kd288 — d287 744... Fd2 — d1 745... Kd289 — d288 746... Fd1 — d10 747... Kd280 — d289 748... Fd10 — d9 749... Kd281 — d280 750... Fd9 — d8 751... Kd282 — d281 752... Fd8 — d7 753... Kd283 — d282 754... Fd7 — d6 755... Kd284 — d283 756... Fd6 — d5 757... Kd285 — d284 758... Fd5 — d4 759... Kd286 — d285 760... Fd4 — d3 761... Kd287 — d286 762... Fd3 — d2 763... Kd288 — d287 764... Fd2 — d1 765... Kd289 — d288 766... Fd1 — d10 767... Kd280 — d289 768... Fd10 — d9 769... Kd281 — d280 770... Fd9 — d8 771... Kd282 — d281 772... Fd8 — d7 773... Kd283 — d282 774... Fd7 — d6 775... Kd284 — d283 776... Fd6 — d5 777... Kd285 — d284 778... Fd5 — d4 779... Kd286 — d285 780... Fd4 — d3 781... Kd287 — d286 782... Fd3 — d2 783... Kd288 — d287 784... Fd2 — d1 785... Kd289 — d288 786... Fd1 — d10 787... Kd280 — d289 788... Fd10 — d9 789... Kd281 — d280 790... Fd9 — d8 791... Kd282 — d281 792... Fd8 — d7 793... Kd283 — d282 794... Fd7 — d6 795... Kd284 — d283 796... Fd6 — d5 797... Kd285 — d284 798... Fd5 — d4 799... Kd286 — d285 800... Fd4 — d3 801... Kd287 — d286 802... Fd3 — d2 803... Kd288 — d287 804... Fd2 — d1 805... Kd289 — d288 806... Fd1 — d10 807... Kd280 — d289 808... Fd10 — d9 809... Kd281 — d280 810... Fd9 — d8 811... Kd282 — d281 812... Fd8 — d7 813... Kd283 — d282 814... Fd7 — d6 815... Kd284 — d283 816... Fd6 — d5 817... Kd285 — d284 818... Fd5 — d4 819... Kd286 — d285 820... Fd4 — d3 821... Kd287 — d286 8



Музыка Людмилы ЛЯДОВОЙ
Слова Владимира ЛАЗАРЕВА

два друга

Двум было счастье обещано.
Светает, туман над водой.
Два друга, мужчина и женщина,
Стоят над рекой.

А Волга под ними качается,
И дышит в лицо глубина,
И встреча у них не кончается
Всё все времена.

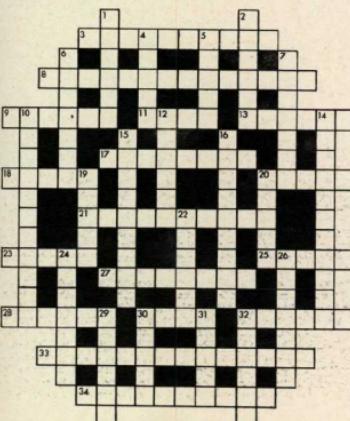


Над войнами всеми и муками
Проносим надежды свои,
А в мире разлата, как музыка,
Тоска по любви.

Припев.

Пусть будется все, что обещано.
Светает, туман над водой.
Два друга, мужчина и женщина,
Стоят над рекой.

В любви не клянутся, не каятся,
Им очень нужна тышина,
И встреча у них не кончается
Всё все времена.



КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Научный метод, позволяющий явления природы, развитие общества. 8. Радиотехническое излучение. 9. Музыкальный инструмент. 11. Рыба отряда акулообразных. 13. Шестизначный флаг. 17. Самоходная гусеничная машина. 18. Древнейшая единица мерительных европейских стран. 20. Хлопчатобумажная ткань. 21. Воздушный шар. 23. Место, где скончалась Екатерина II. 25. Рыболовный порт в Японии. 27. Сходство, соотвествие. 28. Русская народная песня, словесность Сурикова. 30. Головастик Юго-Западной Азии. 32. Лишение соревнований. 33. За покровительством государства. 34. Ученый-секундант, он же дядька Герой Социалистического Труда.

По вертикали:

1. Рассказ А. П. Чехова. 2. Сочетание музикальных звуков. 4. Столица Нигерии. 5. Промышленное обозначение. 6. Герой оперы М. И. Глинки. 10. Город системы Европы. 16. Гора, символизирующая деревья, металл. 12. Ремесло, подразделение для определения местности. 14. Отрасль сельского хозяйства, олимпийская база. 17. Применение для лечения и отпуска. 19. Город на Северном Кавказе. 21. Город Челябинской области. 22. Киноактриса СССР. 23. Крымский цветок. 26. Одна из областей Советского Союза. 29. Направление движения, определяемое по карте. 31. Герой Советского Союза. 32. Лицо на гербе страны. 34. Б. Породина. 31. Печатная форма для воспроизведения налаживания. 32. Нанесение народного творчества.

Составил
В. МХОМЕДЗЯНОВ,
г. Красноярск

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД.
НАПЕЧАТАНЫЕ В № 18

По горизонтали:

4. Кассиопея. 5. Гидрограф, 10. Лемех. 12. Анимация. 13. Аниматор. 15. Лидия. 17. Стасов. 18. Нивелировка. 21. Канада. 22. Раздан. 23. Клиниэр. 25. Олениндр. 26. Евгений. 28. Корпринет. 30. «Риголетто».

По вертикали:

1. Варнант. 2. Титов. 3. Денинка. 4. Лемехилю. 7. Никрадж. 8. Уланов. 9. Анимация. 11. Литология. 12. Альфредо. 16. Слива. 17. Сокур. 19. «Данана». 20. Узбек. 23. Криолит. 24. Регистр. 27. Тесла.

как они злятся, какие у них при этом уши, какой оскал, как работают мускулы. И воли не перестанут смеяться...

— Вы любите животных, но убивали их. Как это понять?

у него зародил одну мысльку, чтобы из него выкинули птичку, чтобы убить ее ради забавы. Сделало чучело погибшей птицы и, может, кто-то поклялся похоронить в лесу только для того, чтобы послушать соловья.

По задумке в летнем зале должна была стоять посажа с телятами. Но отстрелялся летом запрещен. Ставить «живину» нельзя: не так скотине знатный зверь. И тогда он прокобил из Костромы, заслуживший звание «хозяйского хозяйства» даро разрешение на отстрел одного овса — в виде исключения только для музея.

Если же есть возможность не стрелять, Тиг и его соратники не стреляют. Однажды узнал Владимир Андреевич, что недалеко низезд в районе недалеко от Костромы закопали погибшего геленина. Видно, склонили голову к земле, и земля не могла вымыть. Так выехал по адресу, осмотрел широку, она еще была не порченая, и теленок стоит теперь в одном из залов природы.

Результаты непростые для Владимира Андреевича становятся записями в книге отзывов, например, таких: «Все, что увидели, восхищает безраздельно отечественную природу нашей Родины». Может быть, именно это кто-то из тех, кто когда-то гонялся за лягушками, желая проверить бабушкину «убиеш лягушку — будет дождь», кто носил за пазухой ракиту, но кто понял: даже разногластый козел, даже крошащая бурундук, ведущий очень необычный образ жизни — 80 раз в сутки она засыпает, 120 раз тревожится, съедает 12 граммов пищи при общий весе 3 грамма, — даже такие странные обитатели полей и лесов нужны природе.



МИР ЛЕСА

